

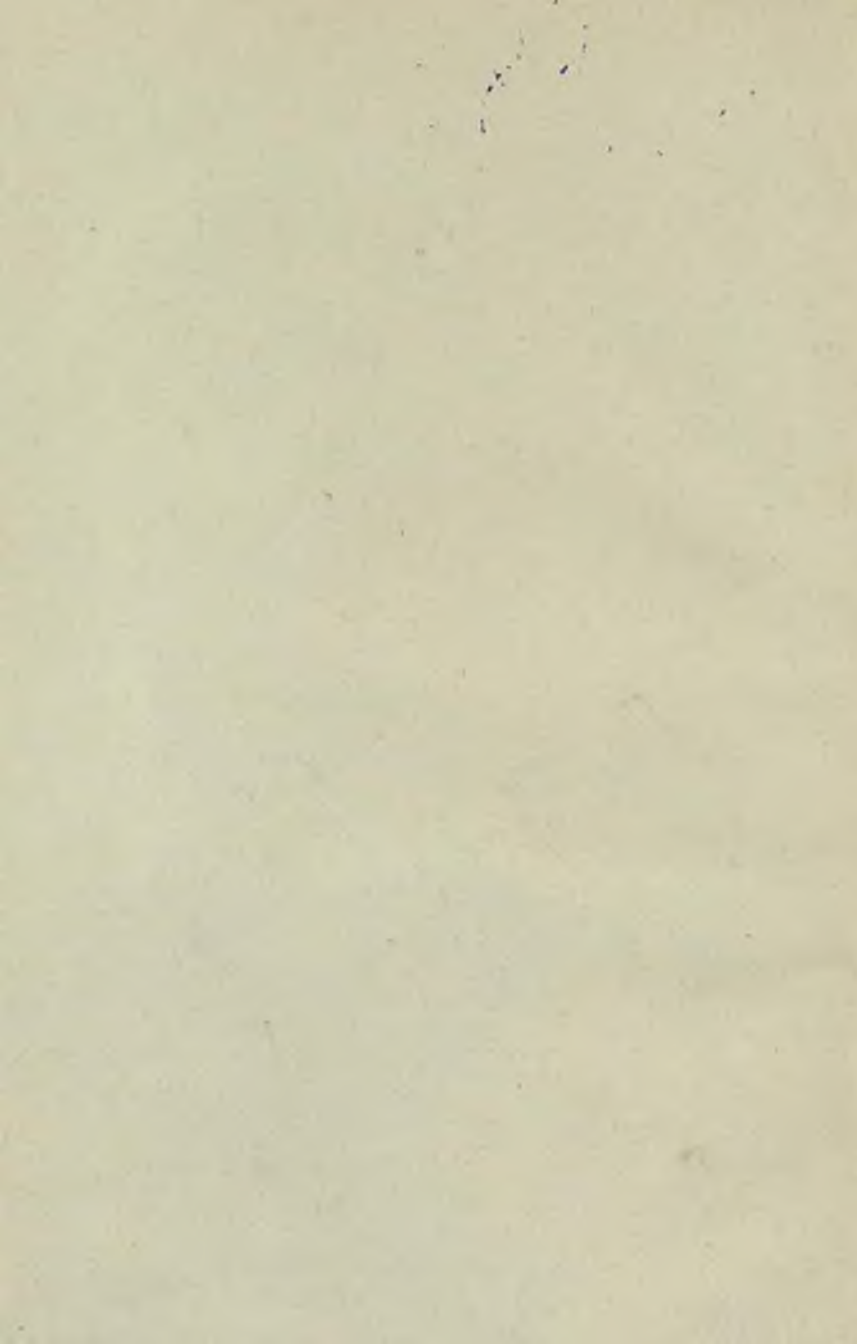
С. ОБРУЧЕВ

ОТ ЯКУТСКА ДО БЕРИНГОВА ПРОЛИВА

ДЕТИЗДАТ ЦК ВАСМ 1948

Г20 $\frac{В-3}{1.}$

С. ОБРУЧЕВ

ОТ ЯКУТСКА ДО БЕРИНГОВА ПРОЛИВА

ЦК ВЛКСМ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1940 Ленинград

LETTER TO THE PRESIDENT OF THE UNITED STATES

ВВЕДЕНИЕ

Не об удивительных приключениях, не о мальчиках-героях, не об охоте на львов и слонов я хочу вам рассказать в этой книге. Вы в ней не найдете ничего сказочного и необычайного, а только простой рассказ о работе советских людей. Рассказ о том, как советская экспедиция проникла впервые в обширную неизвестную страну на северо-востоке Союза, как изучила ее, нанесла на карту, узнала ее ископаемые богатства.

С большим трудом, шаг за шагом, двигалась экспедиция по неведомым горам и долинам и боролась с препятствиями. Но не тигры и змеи сидели в засаде в лесах, а другие, маленькие, но еще более злые враги — комары. Не лианы приходилось нам рубить, а пробираться через страшные якутские бадараны (болота) и вытаскивать из них лошадей. Хлебное дерево не протягивало нам гостеприимно своих ветвей, отягченных плодами, — нам надо было везти с собой сухари и муку, и от их количества зависела судьба экспедиции.

Не дикие индейцы вели нас по тропинке войны, а

мирные охотники и скотоводы, пионеры Севера, эвены и якуты, служили нам следопытами и помогали пройти через суровые горы. И не муха цеце губила наших лошадей, а падали они от голода.

Освоение Советской страны — повесть не менее изумительная, чем изучение Африки. Надо только смотреть открытыми глазами и видеть то замечательное, что совершается вокруг нас в нашей великой родине.

Со времени экспедиции, которая описана в этой книге, прошло больше десяти лет. Якутская республика стала за это время неузнаваемой — изменился быт, учителя и врачи проникли в самые глухие наследи (поселки), исчезли кулацкие хозяйства, всюду возникли колхозы. Тот безлюдный северо-восток Якутии, который впервые стал известен после наших работ, теперь превратился в населенную, промышленную страну с многочисленными селениями, приисками, даже с городами. Автомобили бегут по гладким дорогам через горы и бадараны, а самолеты в несколько часов переносят людей в те места, куда мы пробирались долгие месяцы.

Прошрое быстро забывается, и необычайное настоящее быстро заслоняет и вытесняет тусклые минувшие времена. Тем интереснее узнать, в каком виде огромная неизвестная страна на северо-востоке предстала впервые взору исследователя.

КУДА МЫ ИДЕМ?

Нам нужно исследовать неизвестную страну, где нет наезженных дорог, где никогда не бывала ни одна экспедиция, куда не заезжали даже предприимчивые русские купцы в погоне за мехами.

Наш путь лежит через горы, леса, болота на северо-восток, через Верхоянский хребет, к Чыбагалаху — притоку Индигирки. Уже давно задумана мною эта экспедиция, уже давно манит меня громадная страна на северо-востоке, но только в этом году Геологический комитет смог организовать геологическую экспедицию в западную часть бассейна Индигирки.

Кроме обычной цели подобных работ — геологического изучения страны и составления ее географической и геологической карты, — наша экспедиция имела и особое задание: проверить сведения о платине, найденной на Чыбагалахе.

В 1925 году некто Николаев представил в Якутский государственный банк шестьдесят четыре грамма платины. На вопрос, откуда у него платина, он объяснил, что когда он скитался по Индигирке с бандитскими шайками (в то время северо-восток только что был очищен от белых, проникших туда из Приморья), то на одной из речек, впадающих в Чыбагалах, он намыл эту платину.

Якутский Совнарком в том же году послал небольшую геологическую экспедицию, которая должна была проникнуть на Чыбагалах с севера, от города Верхоянска. Но дойти до Чыбагалаха не удалось: три раза меняли утомленных лошадей, но и последняя смена сильно сбила себе копыта о галечники и не могла идти дальше. Экспедиция не дошла ста километров до Чыбагалаха, бросила одну истощенную лошадь и вернулась обратно.

Начальник экспедиции указывал, что следует проникнуть на Чыбагалах с юга, — это самый короткий путь. Поэтому было решено, что мы изучим южную часть Верхоянского хребта, пройдем до Чыбагалаха и вернемся осенью обратно в Якутск через среднюю часть хребта, выйдя на верхоянскую почтовую тропу. Я никогда не бывал в этих горах и думал, что мы сделаем всю работу в одно лето.

В Якутске мне не удалось собрать точных сведений о Чыбагалахе и о дороге туда. Никто не ездил в этот район, никто не знал, можно ли проехать туда на лошадях, есть ли корм по дороге; знали только, что верховая тропа ведет с Алдана на восток, в верховья Индигирки, в Оймекон, а о прямой тропе на Чыбагалах никто не слышал. Может быть, из Оймекона удастся пройти на Чыбагалах. Но до Оймекона не то восемьсот километров, не то тысяча триста километров, а сколько еще до Чыбагалаха — неизвестно. Во всяком случае, дойти до него в одно лето на одних лошадях нельзя — они соьют себе ноги и будут истощены.

Советов давали местные знатоки очень много, и все советы были такие, что приводили нас в уныние. Говорили, что больше двух месяцев на одних лошадях идти нельзя, что обратно через хребет мы на этих лошадях не вернемся — они в горах соьют себе копыта и смогут идти только по мягкой дороге. Но ковать лошадей нельзя — они будут проваливаться в болотах и обдерут себе о корни деревьев вместе с подковами и копыта.

Советовали переждать «время комара», две-три недели, а то лошади совсем отощают и не смогут итти.

Но где в горах я найду достаточно лошадей для своего большого каравана, чтобы постоянно менять утомленных и сбивших себе ноги? Нужно рассчитывать только на свои силы.

В Якутске для нас были закуплены заранее сорок четыре лошади, и с ними мы должны были пройти до Чыбагалаха и выбраться обратно, как бы далеко он ни лежал.

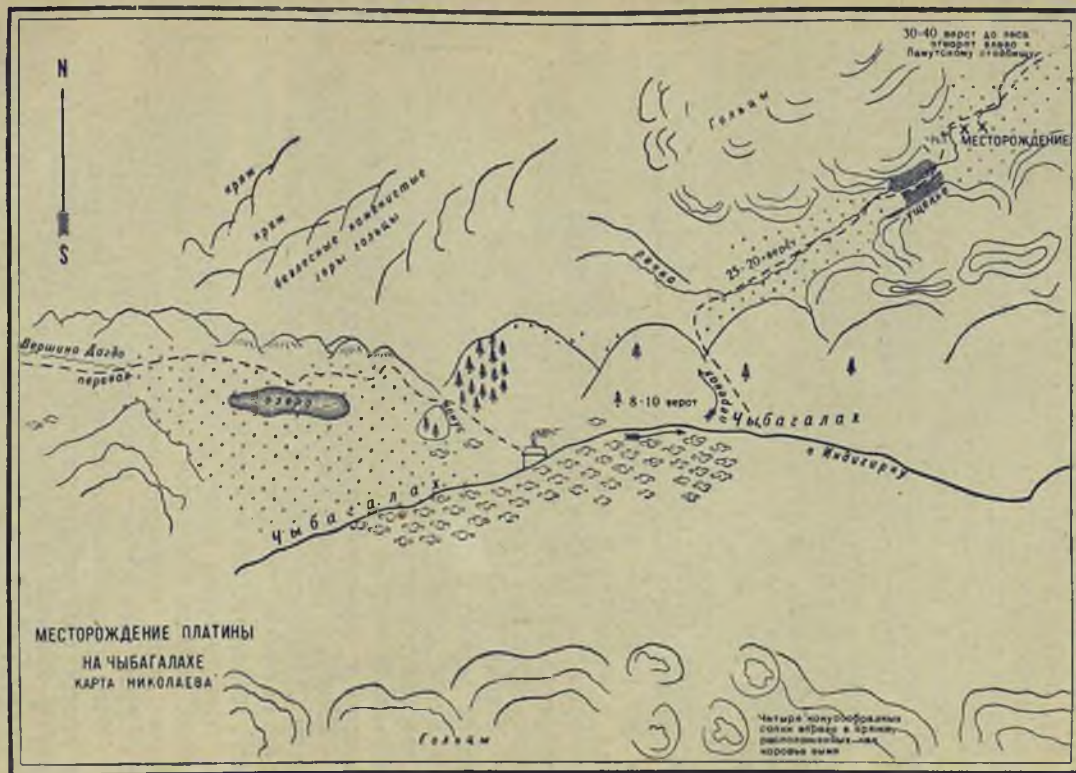
Мы должны рассчитывать на полтора месяца пути — на столько времени мы можем взять с собой основных продуктов: сухарей, муки, крупы, масла. А там, на Чыбагалахе, мы, вероятно, найдем подкрепление — Оймеконский исполком еще зимой обещал доставить туда продовольствие.

Несмотря на советы знатоков, после долгих колебаний я решил ковать всех лошадей; пусть они обдирают ноги в болотах, но зато они смогут пройти горы.

В Якутске мы увидели и Николаева. Мы подробно допросили его в присутствии представителей Совнаркома и знатоков края, и он рассказал обстоятельно, как в 1922 году нашел на Чыбагалахе платину по указанию местных ламутов (эвенов). Рассказ его расходился с прежним описанием, но он клялся, что теперь говорит окончательную правду, и даже дал нам схематическую карту, на которой горы были изображены в профиль, а леса елочками, и место находки платины обозначено крестами — как клад в романе о морских пиратах.

Нам надо было найти на Чыбагалахе пять конусовидных гор, похожих на коровье вымя, и возле них юрту якута Ивана. Отсюда пройти восемь-двенадцать километров вниз по реке, перевалить на другую реку, текущую также на северо-восток параллельно Чыбагалаху. На этой реке, как рассказывал Николаев, выше красноватых утесов, в диких безлесных горах, и нашел он, по указанию старика-проводника ламута Никульчана, платину.

Этот рассказ значительно облегчал нашу задачу. Раньше мы должны были, спустившись с хребта Кех-Тас, показанного на картах западнее Индигирки, искать среди многочисленных речек, впадающих в Чыбагалах, ту, на которой был Николаев; теперь мы знали, что надо начинать поиски от юрты якута Ивана.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

15 июня 1926 года толпа любопытных, собравшаяся в Якутске на левом берегу Лены, с интересом провела два часа, любуясь оригинальным зрелищем: погрузкой лошадей нашей экспедиции на баржу. Мы переправляли наш караван на правый берег Лены, чтобы оттуда выступить на восток, к Верхоянскому хребту.

Лошади только недавно приведены из глухих якутских наслегов и никогда не видали больших пароходов и барж. Поэтому завести их в баржу — тяжелая задача.

Лошадь ведут под уздцы по узкому и качающемуся трапу. Она упирается, храпит, дико поводит глазами и пятится назад, на твердую землю. Более энергичные становятся на дыбы, бьют ногами и падают с мостков в воду. Их выводят на берег и снова тащат на мостки. Но, когда лошадь уже на барже, дело сделано только наполовину: нужно спустить ее по крутой лестнице в трюм. Лестница так узка, что конь едва втискивается в проход, и вот впятером мы подхватываем коня веревками под зад и вталкиваем его в дверцу. Конь неистово бьется и лягается; от ударов новых подков летят во все стороны куски палубы. На берегу толпа зевак приветствует веселыми криками каждый удачный удар.

Баржа была маленькая, и в этот день мы смогли перевезти только половину наших лошадей. До другого берега Лены далеко, больше десяти километров, и переправа совершается медленно. 16 июня те же мученья и страхи испытала вторая партия лошадей, и только ночью мы подошли к низкому, правому берегу Лены.

Широко раскинулся наш первый стан на лугу возле реки. Длинными рядами лежат выюки — ящики с научным снаряжением, тюки с палатками, мешки с сухарями, мукой, сахаром, связки веревок.

Между ними ходят люди, увязывают и уминают тюки. Надо, чтобы боковики выюков были одинакового веса, иначе одна половина перетянет другую, сползет вместе с седлом или набьет и изранит спину лошади.

Это прилаживание начато еще в Якутске, на базе, но и теперь еще много хлопот по окончательному распределению выюков. А потом — как выючить? У нас четверо русских рабочих и четверо якутов, и каждый считает тот способ, к которому он привык, самым лучшим.

Сначала якуты и русские упорно отстаивали свою си-

стему, но к концу лета якуты признали преимущества русской обвязки выюков, а русские убедились, что в некоторых случаях, например для тяжелых ящиков, очень хорош толстый якутский потник.

Якутский потник, или «бото», на первый взгляд кажется очень ненадежным: это пласт сена, покрытый сверху старым мешком и слегка простеганный шпагатом. Думаешь, что после нескольких дней пути он развалится, но нет: мы идем день за днем, а бото держится, и только иногда надо прибавить немного свежего сена и снова простегать его.

К шести часам вечера все связано и распределено. Начинают ловить и делить лошадей; каждый рабочий поведет за собой связку из четырех или пяти лошадей. Лошади необъезженные, дикие, злые, храпят и бьются. Но якуты выбирают себе самых диких — они знают, что это самые сильные и они лучше вынесут тяжелую дорогу. Русские рабочие менее опыты в дальних переездах в якутских условиях и берут тех коней, которых легче завьючить.

А это дело очень трудное: лошади совсем не хотят вьючиться. Несколько человек держат коня на растянутых ремнях, наваливают выюки, опасно стягивают подпругу, но, как только собираются привязать коня к дереву, он делает дикий прыжок, ремни рвутся, конь мчится по кустам и сбрасывает выюк, злобно поддавая задом со скользящим по нему вьючным седлом. Верховые бросаются в погоню за лошадьми и ловят их иногда за несколько километров от стана.

К двенадцати часам ночи покоренных лошадей начинают связывать в связки. При виде соседних выюков вся связка в ужасе свертывается в кольцо, лошади и кладь перепутываются, ремни рвутся, и обезумевшие лошади вновь мчатся по лугам и кустам.

Приходится отправлять каждую связку отдельно, не ожидая остальных.

Особенно много хлопот доставила связка якута Иннокентия. Он лучший наездник нашего каравана и выбрал себе самых диких коней. Особенно хорош Мышка, мышастый верховой конь, который до самого последнего дня пути сохранил свои силы и начинал утро несколькими прыжками с тяжелым выюком. Хороша и Рыжка, худощавая ярко-рыжая злая и хитрая лошадь.

В грузе Иннокентия, как назло, четыре железные печ-

ки, которые громыхают при каждом шаге. Когда все связки уже ушли, мы все еще возились с Иннокентием и его лошадьми. Опять его связка сбивается в кучу, разрываются поводья, одна белая лошадь мчится с вьюком в глубь берега, за ней Иннокентий; Рыжка убегает вдоль реки на юг, две лошади спутались и упали вместе; наш техник Чернов бросается на землю и держит их за шею.

Рыжку Иннокентий находит только в шести километрах; в это время обрывается другая лошадь, и долгое время мы стараемся подманить и поймать ее.

Только в пять часов утра, через полсуток после начала вьючки, выступает последняя связка. Чтобы не пугать других лошадей, я веду отдельно впереди лошадь с печками. В шестнадцати километрах от берега находим наш отдыхающий караван у первого «аласа» — поляны в лесу.

Страна между Леной и Алданом — плоская возвышенность, покрытая лесом, а в этом лесу множество аласов. Из темного леса выезжаешь внезапно на свет. Свежая весенняя трава зеленеет на солнце. Часто среди аласа — озеро в крутых оползающих берегах.

А иногда видишь якутское селение — одну или несколько юрт, низких строений с плоской кровлей и покатыми стенками. Снаружи они покрыты толстым слоем земли с навозом. Маленькие квадратные окна глубоко врезаны в стены юрты.

Вокруг юрты — легкая изгородь, но за ней сейчас никого нет: скот пасется в аласе.

Якутские юрты расположены далеко одна от другой, там, где больше корма для скота, и редко вы увидите больше двух-трех юрт в одном месте.

Чтобы не дать нашим лошадям очнуться, мы простояли у первого аласа только несколько часов и двинулись дальше по Охотскому тракту. Сейчас сухо, дождей нет, и дорога крепкая, похожая на парковую аллею.

Лошади дня через два начинают успокаиваться, и связки идут стройно одна за другой, растянувшись далеко по дороге.

Мы также приходим понемногу в себя после страды первых дней, когда приходилось идти и днем и ночью. Слышится уже песенка, которую распевает тот или другой верховой, ведя за собой связку коней.

Навстречу попадают путники — верховые якуты.

Мохнатая коренастая лошаденка, обыкновенно белая; стремена короткие, седло высокое, похожее на киргизское; на нем сидят, подняв колени; сзади через седло перекинута дорожная вьючные сумы. В них все, что надо в дороге путнику.

Начинаются расспросы:

— Капсе (рассказывай).

— Нового нет ничего. Рассказывай ты.

— Что нового в городе?

— Первый пароход пришел.

— Это хорошо. А пойдет ли на Алдан?

— Говорят, скоро пойдет.

И разговор тянется долго, пока не исчерпаются все новости — дальние о Якутске и ближние о соседних наслеггах.

Якуты всегда приветствуют друг друга словом «капсе» (рассказывай) — оно заменяет им наше «здравствуй».

Некогда якуты были настоящими кочевниками. Их последние отряды пришли с юга, из Монголии и Байкальских степей, много сотен лет назад, еще до прихода сюда русских. И это приветствие — остатки кочевого быта, когда каждая новость о местах стоянок, о корме была чрезвычайно важной: от нее зависели путь кочевника, жизнь его животных и все благополучие.

И у якутов и у чукчей рассказать новости — обязанность каждого путешественника.

Через несколько дней мы проезжаем два больших населенных центра, Чурапчу и Татту. В каждом из них по двадцать-тридцать юрт на пространстве трех-четырех квадратных километров.

В Таттинском исполкоме нам дают жизнерадостного проводника-комсомольца, который доводит нас до Уолбы — следующего крупного поселения, лежащего в стороне от Охотского тракта. Мы идем по долине реки Татты, занятой лугами, болотами и частью пашнями. Тогда, в 1926 году, их было очень мало, но в настоящее время возделанная площадь в этой благодатной стране между Леной и Алданом сильно увеличилась. В этом небольшом клине между двумя великими реками живет около трети населения Якутской республики, и она в самом деле является житницей страны.

От Уолбы мы должны свернуть через низкие лесистые горы к Алдану.

На ночевке вокруг нашего стана собирается много лю-

бопытных и критикуют наших лошадей. Все находят, что они никуда не годятся, слишком «сухие», спины сбиты.

Слышатся мрачные предсказания, подкрепляемые обычным: «Сами увидите».

— От Уолбы до Алдана очень плохая дорога, сплошь бадараны; половина лошадей останется. Где же в подковах через болота! Через Алдан мы только жирных лошадей плавим, из ваших половина потонет.

В конце концов приводят жирных лошадей, похожих на свиней, с глубокой бороздой на широкой спине, и предлагают менять на наших с придачей пяти или десяти рублей. Я отказываюсь — все наши лошади осмотрены ветеринарами, а этих отдают подозрительно охотно.

Тропа от Уолбы к Алдану пересекает небольшую возвышенность, покрытую лесом, но на ней много бадаранов. Здесь места еще населенные, и через бадараны проложены гати, но местами бревна совсем сгнили, и из осторожности приходится объезжать гать стороной, прямо по болоту. Лошади падают, их надо развьючить, вынести вьюк на себе до сухого места, иногда пятьдесят-сто метров по болоту, помочь лошади встать. Одна милая серопегая лошадь, Пегашка, не может сама подняться в болоте: лежит на боку, вся обмазанная грязью, и жалобно смотрит темными глазами; когда мы вытаскиваем ее из болота и ставим на ноги, у нее дрожат бедра.

ИЩЕМ ПРОВОДНИКА

В ясный день 27 июня мы спускаемся в долину Алдана. Среди лесов и лугов показывается несколько юрт — селение Хаджима. Дома только один старик и женщины.

После обычных приветствий начинаю расспросы о переправе через Алдан:

— Есть ли у вас большие лодки?

— Большая лодка только одна на устье Амги (в сорока километрах выше по Алдану).

— А на том берегу, в Крест-Хальджае?

— И на том берегу ничего нет.

— А ветки¹ есть?

— И веток у нас нет.

¹ Ветка — легкий якутский челнок, сбитый из трех тонких досок.

— Если переплыть на тот берег на нашей складной лодке, как найти Крест-Хальджай?

— Трудно найти: юрты в лесу далеко от реки, с берега не видно.

— А проводника через хребет можно найти?

— Нет здесь проводников. Один был, да давно уехал.

Алдан здесь не меньше Лены, до десяти километров шириной, отдельные протоки один-два километра; множество островов, от самых маленьких до десяти километровых; острова покрыты лесом. Повидимому, нам не удастся построить плот и перевезти на нем лошадей: плот при быстром течении унесет между островами очень далеко. Надо лошадей «плавать».

Но, выйдя на берег Алдана, к моему большому удивлению, я нахожу три ветки, и мне удастся нанять якута, который перевозит пока меня одного на другой берег. Переправа очень трудная — надо обходить острова, спускаться и подниматься по протокам.

Только через три часа достигаем противоположного берега и высаживаемся возле одного из аласов — Нахсыт. Вытаскиваем ветку на берег и с моим проводником, ширококостным и неразговорчивым якутом, идем к юртам. Мое появление вызывает здесь крайнее оживление. Со всех сторон сбегаются жители. Проводник с гордостью, как медвежий вожак, показывает меня и рассказывает, кто я и зачем приехал.

Он слышал новости на том берегу от наших якутских рабочих, но здешние жители хотят узнать их от меня самого.

И с тем небольшим запасом якутских слов, которым я научился за дорогу, я пытаюсь рассказать новости о двух пароходах, которые должны подняться по Алдану, о Якутске, об Уолбе. Когда мои корявые фразы становятся понятными слушателям, они радостно повторяют их друг другу, прибавляя: «Дийде (говорит)».

Отсюда я иду с одним якутом, у которого есть большая лодка, в алас Эбе, где расположилось селение Крест-Хальджай. Мне еще в Якутске рекомендовали найти здесь учителя якута Савву Харитонову, который может помочь мне в найме проводника.

Харитонов принимает меня очень радушно, и с его помощью мне удастся столкнуться с перевозчиком. Последний берется на своей лодке перевезти весь груз, а лошади переплывут сами. Но переправа займет три дня, что

меня очень беспокоит: у нас мало времени, а надо пройти так далеко.

Говорят даже, что после переправы придется дать лошадям отдохнуть целый день.

С проводниками еще хуже: почти все знающие дорогу разъехались. Есть один старик, Сыромятников, живущий в пятнадцати километрах, за которым Харитонов посылает нарочного.

После ночевки в школе я утром, на заре, возвращаюсь в Нахсыт, чтобы переправиться на левый берег и успокоить своих спутников, которые с нетерпением ждут новостей о переправе и проводниках.

В Нахсите все еще спят. Надо подождать, пока приготовят чай, — уйти без чая не полагается. Хозяин юрты старается занять меня разговором, но за недостатком слов разговор скоро прерывается. Это мой первый визит в юрту, и я с любопытством осматриваюсь. От кочевого быта у якутов остался еще обычай строить две юрты — летнюю и зимнюю. Иногда они строятся в двух-трех километрах одна от другой, иногда дверь к двери и отличаются только величиной — зимняя меньше и утеплена. Я в летней юрте. Она построена на четырех вертикальных бревнах, поставленных по углам квадрата; сверху на них лежит венец из четырех балок с одной или двумя поперечными матицами. К этому остову прислонены наклонно тонкие бревна, образующие стены. В них прорублены маленькие оконца, в которые вставлены рамы с обломками стекол, нередко обшитыми кусками бересты. Крыша из жердей с очень слабым наклоном. С одной стороны или чаще в центре — очаг-камин с прямой трубой из жердей, обмазанных глиной. Пол земляной; кругом юрты между вертикальными и наклонными стенами неподвижные нары, «орон».

Хозяйка вынимает из деревянного шкафчика, когда-то раскрашенного ярким геометрическим узором, фарфоровые чашки. На стол ставят самовар и угощение: лепешки и сливочное масло кусками. Хозяин очень внимателен к детям, которых сажает на колени и потчует маслом.

После чаепития мы едем на тот берег, и вскоре начинается переправа.

Рабочие берут за поводя пять лошадей и со страшными криками загоняют в реку; лодка отъезжает, лошади плывут за ней пофыркивая. Рыжая лошадь начинает захлебываться. Михаил, один из русских рабочих, свешивается

Переправа через Алдан.

через борт, хватает ее за уши и держит голову над водой. Наконец лодка у острова; лошади выскакивают на берег и, отряхиваясь, убегают в лес. Лодка идет за новой партией. Пытаются криками и хворостинами заставить пойти за лодкой еще несколько непривязанных лошадей, но они возвращаются обратно.

Мы с геодезистом Салищевым переправляемся на правый берег с астрономическими инструментами, чтобы возле Нахсыта определить астрономический пункт. Расставляем инструменты, палатку. Салищев, как только на темнеющем небе появляются первые звезды, начинает наблюдения.

Утром нас будит какая-то голова, просунувшаяся в палатку. Я довольно нелюбезно огрызаюсь, но, когда после ряда непонятных слов называется фамилия и имя посетителя, которые сначала тоже не поймешь, сон сразу проходит: это сам проводник, кулак Сыромятников. У него

длинное, упитанное лицо, он ласков, но, видимо, очень себе на уме. Он знает всего два-три русских слова, и надо ехать к Сабе (Савва, учитель; якуты называют по именам, фамилия употребляется в исключительных случаях — это «писанное имя»). Мне любезно дают лошадь спутника Сыромятникова, а тот идет пешком.

В школе учитель угощает нас чаем, и начинается длинный разговор, в котором я узнаю все более и более печальные новости.

— Как проехать прямо на Чыбагалах?

— Никто на Чыбагалах из Крест-Хальджая никогда не ездил, и прямой тропы туда нет.

— А как же можно попасть туда?

— Не знаю, не ездил. Надо поехать в Оймекон на Индигирке и там искать проводников. Оймеконцы ездили, они знают.

— В Оймекон мне не надо ехать, это в стороне.

— Другой дороги нет, прямо сами не пройдете, а якуты и ламуты не ездили: не знают. Тут прямо всё горы.

— А далеко ли до Оймекона?

— Больше чем семьдесят пять якутских косов¹. Можете выйти на Индигирку по северной тропе, не в Оймекон, а косов на десять ниже по течению. Северная тропа для вас лучше.

— Сколько дней итти до Индигирки?

— Люди идут двадцать пять дней, а вы пройдете не меньше тридцати: корма по дороге мало, придется дневать на местах, где есть корм. Дорога тяжелая, ваши кованные лошади совсем не годятся.

Эти сообщения меня поразили. Не только нельзя пройти прямо на Чыбагалах, но даже в верховья Индигирки, куда я вовсе не хотел заходить, мы дойдем к началу августа. А я рассчитывал, что к половине июля я смогу быть на Чыбагалахе!

Очевидно, приходится теперь оставить надежду на возвращение в Якутск к последнему пароходу.

Скрепя сердце решаю итти сначала на Индигирку — все равно тем или другим путем попасть на Чыбагалах надо. Начинаю выяснять, сможет ли Сыромятников довести нас до Индигирки. Но он прежде всего ставит ряд условий, которые учитель передает мне со смущенным лицом:

¹ Кос — дневной переход; в нем десять якутских верст; равен семи или восьми километрам.

— Ваши лошади слишком сухие, а есть и со сбитыми спинами. Для далекого пути не годятся, надо нанять новых вместо слабых.

Подковы не годятся — надо снять их.

Вьючные седла и потники плохие — надо взять здесь у якутов новые.

Брезентовые сумы и мешки не годятся, они издерутся в тайге — надо достать здесь кожаные якутские сумы.

Надо сменить некоторых рабочих — эти в наших горах не годятся.

— Что же, это все?

— Нет. Если я поеду с вами, я должен иметь для помощи себе еще двух рабочих; дорога трудная, много придется перенести, я хорошо эти места знаю; я должен распоряжаться всеми — и людьми и лошадьми, останавливать караван, где захочу, и, если надо, уезжать в сторону.

— Но ведь вы не видели нашего каравана! Откуда вы знаете, какие у нас люди, лошади, снаряжение?

— Люди говорят.

Что оставалось мне ответить Сыромятникову? Я хотел его спросить, сохраняет ли он за мной место начальника экспедиции, но не решился, а скромно спросил:

— Сколько же денег вы возьмете с меня, если поведете караван на этих условиях?

— Пока я сам не увижу лошадей и вьюки, я ничего не могу сказать. К тому же я болен, и мне надо отдохнуть здесь несколько дней.

И с улыбкой торжества Сыромятников прощается со мной.

Что делать? Я понимаю, что все эти разговоры — политика, чтобы выжать из экспедиции побольше денег. Сыромятников сейчас единственный владелец лошадей. У него или у подставных лиц я должен буду нанимать лошадей, покупать седла и сумы. Его же батраки поедут работниками, и он в дороге займется своими торговыми делами — повезет с собой товары, купленные на наши деньги, будет задерживать караван и разъезжать по стойбищам эвенов — собирать с них долги и продавать втридорога чай и табак.

Положение для нас безвыходное и очень выигрышное для этого хищника-кулака.

А пока его помощники распространяют слухи, что наш караван никуда не годится, что лошади обречены на

гибель в Верхоянском хребте, а с людьми неизвестно что будет.

На всякий случай я захожу к фельдшерице — узнать, чем болен Сыромятников.

— У него растяжение связок спины. Недели две ему надо пролежать спокойно, но все равно вы раньше не уедете: у вас лошади очень плохи.

— Но ведь вы не видели их!

— Люди говорят.

Я восклицаю с возмущением:

— Мы выступим через два дня.

Вы представляете, какое было у нас настроение в палатке, на берегу Алдана, куда я возвратился после разговора? Сидеть в Крест-Хальджае неопределенное время — недели или месяцы, ждать, пока найдется другой проводник или пока мы выполним все требования Сыромятникова (если только на это хватит остающихся у меня пяти-сот рублей). Потом идти в неизвестные хребты, где, наверно, погибнут лошади, а мы сами застрянем до зимы.

К вечеру еще приходит якут, перевозящий наш караван, и говорит:

— Один конь пропал.

Какой конь и почему, я не мог понять. Повидимому, конь утонул при переправе.

Следующий день не приносит ничего хорошего. Я снова иду в школу. Учитель почти так же удручен, как и я: он чувствует, что его обязанность разрушить хитрую сеть, в которую хочет поймать нашу экспедицию кулак Сыромятников.

За время моей экспедиции я не раз удивлялся тому исключительному вниманию, с которым относилась к научной работе якутская сельская интеллигенция. Это внимание особенно ярко выделялось при сравнении с жестоким корыстолюбием кулаков.

С 1929—1930 годов, со времени создания колхозов и артелей, была поведена борьба с кулацкими пережитками, и в настоящее время в Якутии вы не найдете больше этих эксплуататоров, опутывавших своим влиянием всю округу.

К вечеру кончилась переправа каравана. Сначала коней переплавляли на остров, а с него, после отдыха, на правый берег Алдана.

Конь № 18 действительно сдох еще на острове: переплыв через первую протоку, он вскоре зашатался и упал. Это был очень старый конь, и, наверно, он умер от разрыва сердца. Но мы были утешены удачной и быстрой переправой остальных лошадей. А покойника сейчас же ободрали и стали есть: сегодня осталась от него половина. Подковы сняли для других коней, а шкуру взял себе якут-перевозчик.

Назавтра я взял двух лошадей и с учителем начал объезжать соседние аласы и опрашивать всех встречных, нет ли где хоть плохонького проводника. Наконец мы узнаем, что старик Николай Сыромятников знает дорогу и не прочь поехать с нами.

Мы отыскиваем на лесной поляне его маленькую бедную юрту, огороженную жидкой изгородью. Из дверей выглядывают женщины. Сыромятникова нет дома, он в соседнем лесу.

Мы находим Сыромятникова на озерке, где он ловит рыбу. Это маленький седой человек с кротким морщинистым лицом. Сидя на пеньке, он обстоятельно отвечает на расспросы. Хотя кругом нагло вьются комары, я даже забываю отгонять их: подумайте, ведь проводник найден!

Старик отвечает обстоятельно и медленно, и учитель Савва переводит мне его слова.

— Да, я ездил по северной тропе, и к устью Эльги, и в Тарын-Юрях.

— А хорошо ли ты помнишь дорогу? Наверно, давно не бывал там?

— Нет, последний раз по этой тропе ходил три года назад. И хоть я стар, а глаза хорошо видят.

— Не устанешь с нами ехать?

— Меня, старика, наверно, не заставите вести груженных лошадей, а со своей я сам справлюсь.

— Один поедешь? Помощников не надо?

— Зачем помощники? Моего коня разве пасти? Так ваши ребята за ним приглядят.

Это совсем другой разговор, чем с его однофамильцем — кулаком. Николай действительно хочет нам помочь и не стремится использовать поездку для эксплуатации и нас и горных эвенов.

Но все же придется подождать с отъездом два дня: Николаю надо устроить свои домашние дела.

3 июля, потеряв на переправу через Алдан и поиски проводников шесть дней вместо одного-двух, мы выступаем из Крест-Хальджая. У дверей юрты и домов стоят любопытные, и нам кажется, что они определяют, какая лошадь раньше сдохнет. Но как только мы покидаем селение и томительное ожидание сменяется движением вперед, настроение резко меняется, снова мы верим в свои силы, и мрачные предсказания теряют власть над нами.

Первые сорок километров дорога идет по местности того же характера, что и долина самого Алдана: леса — сосна, лиственница, береза, — прерываемые лугами. Вначале попадаются юрты, потом все реже, и последние уже — на расстоянии двадцати километров одна от другой. Сначала вблизи юрт некоторые болота покрыты гаями и есть даже мосты через речки, но за последней юртой мы вступаем в область сплошных девственных болот. По этой тропе до подножия гор на сто восемьдесят километров простирается приалданская низменность.

Взобравшись перед отъездом на колокольню Крест-Хальджая, я увидал на востоке и северо-востоке низкие зубцы и гребни, синеющие на горизонте. Потом все девять дней, пока мы брели по бесконечным болотам, я мечтал об этих синих горах. Только на пятый день сквозь опушку леса иногда начали мелькать вершины хребта, которые как будто оставались все так же далеки и недосягаемы. Пока же вокруг нас были только болота!

Болота здесь разнообразны. Во-первых, чистые болота, с большими кочками, покрытыми болотной травой, и с морем воды между ними. Вечная мерзлота близко, всего пятьдесят-семьдесят сантиметров, и поэтому, если тропа по болоту уже пробита, идти сравнительно хорошо: лошади бредут по брюхо в воде, но не проваливаются.

Хуже болото с редким лесом, покрытое мхами; здесь лошади проваливаются сквозь мох и могут повредить себе ноги, завязив их в упавших деревьях.

Еще хуже лес по болоту — здесь тропа превращается в ряд грязных топких ям между корнями деревьев, крайне опасных для лошадиных ног; местами встречаются маленькие открытые болота, где лошади вязнут уже совершенно. Некоторые лошади проходят легко, другие па-

дают с вьюком; их развьючивают и иногда тащат по грязи до сухого места — сначала вьюк, потом и лошадь, всю вымазанную и пеструю от грязи. Серый Пегашка падал раз пятнадцать в день, и его шерсть совершенно скрылась под слоем грязи.

Лошадь, чтобы спастись из болота, прыгает на корни деревьев, стучается вьюком о дерево; если на ней сидит всадник, она не обращает на него никакого внимания, и ему приходится во время этих прыжков оберегать свои колени от ударов о стволы, а глаза — от острых ветвей.

Чтобы обойти болота, караван нередко уходит с тропы в чащу. Тут нещадно обдираются вьюки и ящики — вскоре на вьюках с мукой повисли клочьями простые мешки, которые мы надели сверху для предохранения брезентовых; якутские ящики, такие беленькие вначале и аккуратно обтянутые кожей, разбились и обтрепались. Только московские экспедиционные ящики, скованные по углам железом, бесстрашно прокладывают дорогу, ломая молодые деревья.

Передвижение по болотам очень утомило и людей и животных. Не говоря уже о постоянном вытаскивании груза из болота, одно пребывание в седле в течение десяти-двенадцати часов на лошади, которая судорожно бьется под вами, вытаскивая из трясины то передние, то задние ноги, чрезвычайно утомительно. Поэтому мы вздохнули с облегчением, выйдя к берегу реки Томпо и увидав всего в десяти километрах к востоку окраинную цепь Верхоянского хребта.

Томпо — это большая река, которую даже здесь, в ста восьмидесяти километрах от Алдана, нельзя перейти вброд. Она вытекает из ущелья в хребте и рассыпается на протоки. Между ними — тальниковые острова, по берегам — заросли тополей и елок.

В лесу мы нашли спрятанную ветку, сделанную специально для переправы каким-то заботливым путником. Но она мелка для перевозки груза, и приходится привязывать к ней по бокам два бревна. Кроме того, у нас была складная брезентовая лодка, которая помогала уже на Алдане. Она очень короткая, плохо управляется, но на нее можно нагрузить очень много.

На следующий день переплавляют лошадей. Прижав весь табун к утесу, страшными криками пытаются согнать его в воду за партией лошадей, привязанных к лодке.

Переправа через Томпо.

Но лошади убегают на крутые осыпи, чтобы избежать воды. После нескольких неудачных попыток удастся заставить только половину табуна войти в воду и переплыть реку. Они выходят дрожащие, унылые и покорно стоят на отмели. Остальных переводят обычным порядком, в поводу.

Хребет совсем близко, и нам не терпится попасть туда скорее. Что лежит за первой грядой? Может быть, мы увидим главную снежную цепь? Пока лошади отдыхают на лугах, мы с моим помощником, горным инженером Протопоповым, идем пешком в горы вдоль Томпо. Пробираемся по берегу, потом взбираемся на склон, чтобы обойти утесы, и к вечеру достигаем устья большого левого притока, почти равной самой реке. Как мы позже узнали, это был Менкюле.

На отмелях следы молодых и старых лосей, приходящих к водопою, но самих животных, конечно, не видно. Решаем заночевать километрах в пяти от устья Менкюле — уже поздно, а дальше обрывы преграждают путь. Менкюле течет здесь в понижении, тянущемся за первой, окраинной цепью, а Томпо идет ему навстречу с севера, в то время как по имевшимся тогда у нас картам она долж-

на течь с востока. Мы устраиваемся на ночь у громадной кучи леса, принесенного рекой, и зажигаем ее, отчасти чтобы погреться, отчасти чтобы отогнать комаров, которые сегодня нам изрядно досаждают.

Чтобы переночевать с удобствами, надо было бы срубить навесик, покрыть его ветвями, зажечь «надю» — два или три бревна, сложенных вместе. Надья горит всю ночь, и спят по обе стороны вдоль нее. Но у нас нет топора, и мы устраиваем костер на площади в двести квадратных метров. Костер горит на славу. Мы согреваем банку консервов и затем ложимся с краю на горячую золу.

На обратном пути мы взбираемся на Кюрынью — высокую гору в первой цепи возле Томпо. На ней, по поверью якутов, возникают дожди. Вчера действительно вокруг нее весь день клубились грозовые тучи. Вся вершина покрыта кедровым сланцем, цепким кустарником, преграждающим путь своими бесчисленными ветвями. На немногих плешках-полянках — следы медведей и уютные ямки, вырытые в щебне: сюда медведи приходят погреться на солнце и отдохнуть от комаров, которые гудят в лесу. Настоящий медвежий курорт! Может быть, сейчас у них «мертвый час» и за кустом мы найдем медведя?

С вершины Кюрыньи открывается изумительный вид во все стороны. Прежде всего мы смотрим, конечно, на восток: за понижением, в котором текут Менкюле и Томпо, возвышается более значительная цепь, Скалистая, как я ее назвал. Ее обрывистые гребни с красновато-коричневыми скалами тянутся непрерывной стеной по всему горизонту, километрах в сорока-пятидесяти от нас. Высота ее местами доходит до двух тысяч метров, и нам кажется, что это и есть главная цепь Верхоянского хребта, но до последней в действительности еще очень далеко.

На север горизонт ограничивают горы, лежащие за узкой щелью Томпо, но зато на запад глаз скользит по бесконечной равнине. Похожая на кожу пестрой лягушки, она покрыта светлозелеными пятнами громадных болот и темными массивами лесов. На горизонте при некотором напряжении можно различить высокий левый берег Алдана. И нигде ни одного человеческого жилья, ни дымка, ни покоса!

На другой день мы вступаем в те бесконечные горы, о которых нам насаказали столько страхов. Лошади после отдыха выглядят свежими и веселыми, болот в горах ма-

ло, и они бойко идут вперед, постукивая крепкими подковами.

Наша тропа проложена по небольшой речке Куранаху и постоянно переходит с берега на берег, иногда теряется, но Николай ведет нас уверенно: якут не боится отсутствия тропы, она так мало протоптана, что в любом месте можно проехать с наименьшим удобством. На якутском языке дорога и след обозначаются одним словом: «су о л»; и действительно, наша дорога часто только след проехавшего год назад путника. Если попадается болотце, мы лезем в чашу, обдирая в клочья вьюки о мелкую поросль.

Николай, впрочем, стар, и наши рабочие втихомолку подсмеиваются над ним и сами часто выбирают дорогу поудобнее, особенно «леший» Оконохой (Афанасий), который никогда не ведет свою связку по тропе: то тропа слишком камениста, то вязка. И, догоняя караван, я всегда вижу по следам: вот прошли все, а здесь, в стороне, шел Афанасий.

После ночевки на Куранахе переходим через гору на приток Менкюле — Нижний Харыялах.

По Харыялаху дорога быстро сворачивает на его узкую правую вершину. Я задерживаюсь возле утесов и, отстав от каравана на час, вижу впереди, в верховьях Харыялаха, два столба дыма. В июне и июле здесь очень мало дождей, все пересохло, к тому же на Харыялахе — ели (Харыялах значит «еловый»); в чаще они увешаны гирляндами сухих лишайев, которые мгновенно вспыхивают. Кто-то из нашего каравана бросил тлеющую спичку или папиросу, и вот пожар охватил уже несколько гектаров. Ели загораются одна за другой, и огонь сразу захватывает все дерево, превращая его в колеблющийся столб пламени; как только сгорает лишай, огонь уменьшается, и появляется черный дым.

Мы едем по самому краю обрыва — огонь захватил тропу и прижимает нас к речке. За пожаром утес, который надо осмотреть. Пока я записываю наблюдения, налетает порыв ветра, и огонь, страшно завывая, прыгает с утеса на утес, через десятки метров, подобно какой-то гигантской огненной метле, вздымающей искры. Лошадь поворачивается спиной к пламени, косится, прядает ушами, храпит и явно считает наше пребывание возле огня ради каких-то несъедобных камней легкомыслием.

Вечером делаю строгий выговор рабочим за неосмотрительное курение, но никто не признается.

По Харыялаху мы входим в Скалистую цепь. Красноватые утесы известняков возвышаются по обе стороны речки метров на семьсот, от них в долину выдвигаются большие осыпи.

Наш караван медленно поднимается между ними, проходит ярко-зеленые лужайки, маленькие озерки и переваливает на восточный склон цепи, на речку Верхний Харыялах.

15 июля по ущелью этой речки мы спустились в широкую долину Менкюле, в то благословенное место с хорошим кормом, о котором нам говорили в Крест-Хальджае:

— В Кюель-Сибиктя отдохнете и покормите лошадей перед подъемом на Главный хребет.

Но Николай решил пройти дальше и остановился в Ойегос-Оттук («боковой корм»), выше по реке. Хотя корм здесь хуже, мы делаем здесь дневку, чтобы дать отдохнуть лошадям и осмотреть соседние горы.

С утра все настроены празднично: стирают белье, чинят одежду, пекут лепешки, идут на реку купаться. В экспедиции это все удовольствия, которым с удовольствием можно предаваться лишь на дневках. Я записываю вечерашние наблюдения. В полдень снаряжаемся для экскурсии.

Выходим из палатки и видим два столба дыма совсем близко, в полукилометре к северу и востоку. Петр, пожилой рассудительный рабочий, спокойно говорит:

— Это я разложил дымокур на рёлке¹: кони очень бьются, комаров много. Никуда огонь не пойдет — кругом болото. А другой дымокур Михаил на острове разложил.

Надо бежать: если ветер рванет сильнее, через десять минут лагерь будет в огне. В другие дни поиски лошадей иногда затягиваются на два-три часа, но сегодня, на наше счастье, лошади близко, и их вскоре удастся привести.

Поспешно свертываемся, упихая все кое-как: котел с тестом, приготовленным для лепешек, опрокинут, и тесто вытекает на мох, как серая лава. Огонь начинает перекидываться через последнее болотце в нескольких шагах от лагеря. Мы долго боремся с ним, забивая пламя ветвями; наконец он побеждает, но все уже завьючено, и караван уходит.

¹ Рёлка — сухой гребень на болоте.

ПЕРЕВАЛ ЧЕРЕЗ ВЕРХОЯНСКИЙ ХРЕБЕТ

Мы идем еще два дня вверх по реке Менкюле. Это большая, быстрая и глубокая река, через которую очень опасно переходить вброд, и поэтому только в конце второго дня, когда река становится мельче, проводник переводит караван на другой берег.

По долине Менкюле двадцать или тридцать тысяч лет назад спускался с хребта ледник. Всюду мы встречаем следы недавнего оледенения: утесы, обточенные льдом, нагромождения валунов и мелкого рыхлого материала, так называемые морены, перегораживающие дно или тянущиеся вдоль склонов; эти камни ледник притащил с собой сверху. Ледник был длиной не меньше ста километров и заполнял долину до высоты четырехсот метров. Тогда весь Верхоянский хребет был покрыт такими ледниками, спускавшимися по всем долинам к равнине Алдана. Теперь климат изменился, и ледники растаяли.

С Менкюле мы сворачиваем на его приток Тебердень, который должен вывести нас к удобному перевалу. Три дня мы идем по этой речке. Долина становится все мрачнее, горы высятся на целый километр. Наверху уходят к облакам темные утесы, внизу громадные осыпи спускаются к широкому плоскому дну долины, покрытому тополевыми зарослями, большими безотрадными галечниками (по которым так трудно идти лошадям) и нередко белыми пятнами тарынов.

Тарын, или наледь, — это характерное явление сибирского Севера в областях вечной мерзлоты. Зимой, во время сильных холодов, многие горные реки промерзают до дна, и вода просачивается через галечники берегов и под дном реки. Многочисленными струйками она вытекает на поверхность льда, разливается по нему тонким слоем, который вскоре замерзает. За зиму намерзает слой льда толщиной в два-три метра и даже до восьми метров, который покрывает не только реку, но и всю долину ее, иногда шириной до двух-трех километров; длина тарына также бывает разная — от нескольких сот метров до десятка километров.

Зимой, при шестидесятиградусных морозах, тарын всегда покрыт водой, а летом, в июльские жары, мощные толщи льда среди зелени не тают до самой осени. Тарын захватывает и прибрежные леса, если они лежат на низкой террасе; деревья от этого постепенно гибнут, и летом

В Верхоянском хребте. Река Тебердень.

в долинах рек на местах, где тарын стоял, образуются огромные площади галечников с засохшими серыми рощами.

Зимой тарын представляет большие препятствия для передвижения, а летом это излюбленная дорога: на тарыне лошадям идти мягко, они не сбивают себе копыт, как на галечниках, и не вязнут, как на болотах.

На третий день мы поднимаемся наконец на главную цепь, пройдя около трехсот восьмидесяти километров от Алдана и сто девяносто километров от подножья хребта. Исчезают деревья, дно долины покрыто щебнем и круглыми кусками песчаника, по которым лошади идут тяжело, осторожно переступая между камнями. Мы выходим на широкую седловину — перевал на высоте около тысячи шестисот метров. На западе вниз по Теберденю видны острые хребты до двух с половиной тысяч метров высотой, с обильным снегом, с цирками недавних ледников.

На восток лежит плоская долина с округлыми горами за ней, в мрачной завесе грозовой тучи. Нигде нет леса, склоны покрыты травой, утесов почти нет. Это знаменитый Чыстай (от русского слова «чистый»), который лежит по гребню Верхоянского хребта, безлесное пространство, где летуют эвены со своими стадами.

Мы спускаемся по широкой долине. Оказывается, это верховья Томпо; хотя мы уже перевалили через Главную цепь, но все же не достигли бассейна Индигирки. Алданский склон хребта круче, размывается быстрее, чем индигирский, и Томпо своими верховьями успела проникнуть на восточный склон Главной цепи и похитить верховья индигирских притоков.

В пятнадцати километрах от перевала, у первых деревьев, жмущихся к подножью гор, мы находим чумы эвенов (ламутов) и стада оленей.

Мы прошли четыреста километров, не встретив ни одного человека. Оймяконские якуты, числом около двух тысяч, живут главным образом по долине Индигирки и на нескольких притоках вблизи нее, а эвенов во всем бассейне верхней Индигирки и в прилегающей части Верхоянского хребта не более трехсот пятидесяти человек. Таким образом, население этого района, площадью в двести — двести пятьдесят тысяч квадратных километров, не более двух с половиной тысяч человек, то есть в среднем на человека приходится сто квадратных километров, а в горах, наверно, и тысяча квадратных километров.

Утром мимо нас прогоняют оленей. Они бегут со странным хорканьем, вытянув морды, и потом тесной кучей ложатся у чума. Их рога очень похожи на заросли кустарников: когда северный олень лежит тихо в лесу на мху, вы часто не можете его сразу разглядеть между кустами.

Я пытаюсь расспросить у эвенов о прямой дороге на Чыбагалах, но никто из них не ездил туда и не слышал, есть ли такая прямая дорога (а Харитонов еще в Москве говорил нам, что через верховья Томпо мы прямо пройдем в Чыбагалах). Приходится покориться судьбе и ехать на Индигирку. Мы решаем, что в Тарын-Юряхе, на Индигирке, где есть фактория Якторга, мы договоримся с доверенным фактории о зимнем нашем возвращении, о найме оленей, ибо ясно, что летом в Якутск мы не вернемся. Сегодня 21 июля, больше месяца со дня выхода; мы прошли семьсот пятьдесят километров, — по карте как раз столько было прямо до Чыбагалаха, — а между тем мы только сейчас перевалили через Главную цепь Верхоянского хребта, и до Чыбагалаха надо, наверно, идти еще целый месяц.

Расстояние так увеличилось против карты потому, что мы не идем прямо; мы сделали большой крюк к востоку,

а кроме того, горные долины не проложены так прямо по линейке, как железная дорога, и делают много изгибов.

Переночевав еще одну ночь с эвенами, мы уходим через покрытые травой низкие горы на восток и незаметно переваливаем в верховья реки Брюнгаде, принадлежащей уже к бассейну Индигирки.

23 июля, после двух дней пути по широким долинам верховьев реки Брюнгаде, мы входим по этой реке в большую горную цепь, параллельную Главной, которую я назвал Брюнгадинской. Цепь эта, хотя и крутая, не более двух тысяч метров высоты, и на ней только редкие пятна снега. Долина Брюнгаде, пересекающая цепь под прямым углом, в пределах цепи суживается, загромождена моренами древнего ледника; то справа, то слева подступают крутые обрывы.

На следующий день с утра нам приходится переходить несколько раз реку вброд. Два дня шел дождь, и Брюнгаде сильно вздулась. На втором броду последних лошадей в связках течение сдергивает вниз, и они едва добираются до берега. Третий брод страшен — мутная серая масса воды мчит бешеным потоком.

Николай уже не решается искать брода, и вперед едет эвен, который вместе с другим эвеном, якутом и якуткой вчера присоединились к нам. Эвен храбро гонит лошадь. Вскоре она вся скрывается под водой и плывет, высунув голову и пофыркивая; всадник на своем высоком седле поднимает колени к подбородку. Доплыв до того берега, он возвращается обратно, но менее благополучно: поток срывает с седла переметные сумы, и они, как пара огромных пузырей, мчатся вниз по течению. Эвены и якуты уезжают вниз вдоль реки в надежде, не прибьет ли сумы к берегу, а мы останавливаемся у брода. Я посылаю проводника вперед узнать, нельзя ли пройти этим берегом, а пока мы изучим горы левого берега. К вечеру проводник нашел дорогу по левому берегу Брюнгаде, и мы идем следующий день по ней. Дальше нужно перевалить на север, в бассейн реки Эльги, так как по Брюнгаде мы попадем в Оймекон. Местность становится мало интересной, горы еще высоки, но плоски. Селерикан, большой приток Эльги, вздувшийся от дождей, течет в сильно болотистой унылой долине. Николай дороги дальше не помнит и блуждает по болотам и в чаще молодых лиственниц в поисках троп.

28 июля проводник окончательно не знает, куда идти. Неясные следы ведут вправо от долины Селерикана, и он уводит нас за ними. Взбираемся на перевал через правую цепь и видим на востоке большую долину, до сорока километров шириной, с большими лугами, и по дальнему ее краю в вечерней дымке плесы большой реки. Это Индигирка. С волнением смотрю я на нее. Река, по которой никто не проплывал, знаменитая своими порогами. Совершенно неизвестная область, куда действительно не ступала нога исследователя. Таинственная Индигирка, которая вдруг превратилась из географического названия в действительность, из тонкой черной полоски на карте в большую полноводную реку.

ПО БОЛЬШОЙ РЕКЕ

29 июля мы спустились в райские пастбища — долину Индигирки. Слева в нее впадает река Эльги. Вся эта широкая равнина покрыта пышными лугами, разделенными перелесками. Но даже лиственница, дерево мрачное и неуютное, кажется на фоне лугов более нежной. Лошади жадно зарывают морды в траву — на сегодняшней стоянке в лесу под перевалом им не пришлось как следует попировать.

Идем наугад на север, направляясь к устью Эльги. Через несколько километров — пустая юрта, повидимому зимник. Все повеселели: ведь мы миновали Верхоянский хребет и мрачные предсказания крест-хальджайцев не оправдались — у нас только одна лошадь хромает.

Вскоре находим обитаемую юрту. Из нее выскакивают три якутки, со страхом и изумлением глядящие на наш караван: столько вьючных лошадей зараз здесь никогда не видали.

Встречаются табунки необыкновенно жирных лошадей; поглядев издали на наш караван и поржав немного, они испуганно убегают, поспешно вскидывая толстым задом. Минуем еще две юрты — Петра Слепцова и Петра Атласова, с которыми в дальнейшем нам придется иметь еще много дела.

Первого нет дома, а Петр Атласов провожает нас к берегу Эльги, к месту переправы. Атласов ничего не знает про дороги. И немудрено: он бедняк, у него всего три коровы и ни одной лошади. Бедные якуты раньше далеко

не ездили — не на чем было (разве наймутся в работники гонять оленей с грузом), и Атласов ездил только в Тарын-Юрях — это еще пятьдесят километров вниз по Индигирке.

Вечером приходит Петр Слепцов, человек более богатый и самоуверенный. Приносит нам «киси» — гостинец, который всякий гостеприимный хозяин должен дать гостю, но при этом всегда рассчитывает, что в обмен получит что-нибудь. Киси Слепцова — это берестяной туяс с молоком и утки, за которые я потом даю ему яркий бумажный платок.

Разговор, как всегда, разворачивается очень медленно и не скоро доходит до интересующих нас вопросов.

— Есть ли отсюда дорога на Чыбагалах?

— Люди ездят из Тюбеляха, прямо никто не ездил.

— А как далеко до Тюбеляха?

— Косов сорок.

— А оттуда до Чыбагалаха?

— Не знаю, однако далеко, еще дальше.

— Не слышал, где мука, масло, которое из Оймекона исполком повез для нас в Чыбагалах?

— Как же, слышал: ваш груз месяц назад Мичика в Тюбелях на плоту плавил.

— И в Чыбагалах потом повезли?

— Нет, люди говорят, в Тюбеляхе оставили.

— Можешь нас по Индигирке в Тюбелях провести?

— По Индигирке в Тюбелях только на лодке ездят — там ущелья, река глубокая, быстрая, много проток, островов. Кругом надо.

— Как кругом?

— Через горы, по левую сторону.

— Трудная дорога?

— Трудная: камня много, горы высокие, корм плохой.

— Через Тарын-Юрях пройдем?

— Нет, Тарын-Юрях на том берегу, останется в стороне, косах в пяти.

После долгих переговоров и упрасиваний Слепцов соглашается провести караван горами в Тюбелях за шесть пудов муки.

Наш проект обеспечить обратный зимний путь через горы, прежде чем уходить на север к Чыбагалаху, оказался неисполнимым. В Тарын-Юряхской фактории сейчас никого нет, и она закрыта. А до Оймекона, улусного

центра, далеко, около ста пятидесяти километров, и поездка туда и обратно займет не менее десяти дней. К тому же там никого из нужных нам членов исполкома нет. Мы только зря потеряем драгоценное время.

Поэтому, если мы хотим попасть в Чыбагалах, надо рискнуть идти вниз по Индигирке, не думая об обратном пути. Между тем надо спешить — половина лета прошла, а наша конечная цель, Чыбагалах, оказывается все еще очень далеко; сколько до него от Тубеляха, здесь не знают, и прямой дороги отсюда туда нет.

Утром отправляю Михаила посмотреть, нет ли где сухостойного леса возле реки, чтобы сделать плот. Мне очень хочется исследовать Индигирку и проплыть по ней и вместе с тем дать отдых лошадям. Если весь груз отправим на плоту, лошади, идя порожняком в Тубелях, немного отдохнут, а то многие сильно отошались, и два дня отдыха на здешних травах не восстановят их силы. Но сухой лес расположен далеко от реки или на непроходимых протоках, и доставить его к Индигирке слишком долго. Михаил возвращается весь расцарапанный, изъеденный комарами, проклинает протоки, Индигирку, лес, который не сохнет там, где надо.

В конце концов удастся уговорить Петра Слепцова продать маленькую ветку и дать нам напрокат другую, побольше.

Большая ветка спрятана у Слепцова в кустах, и ее нам привозят на санях, запряженных быком. На Индигирке не знают колесных экипажей, да они и непригодны на болотах: и летом и зимой сено, дрова, воду здесь возят на санях. Запрягают только быков, считая, что они сильнее. Некоторые якуты, выходцы из Лено-Алданского района, начали запрягать лошадей, но эта запряжка подвергает здешних жителей в изумление.

С устья Эльги я отправляю обратно проводника Николая, который дальше уже не знает дороги.

1-августа наша экспедиция разделяется на две партии. Протопопов с караваном переправился через глубокую реку Эльги, и Петр Слепцов поведет их через горы в Тубелях.

Я с Салищевым и Кононом, наиболее смышленным из наших якутов (он одновременно и рабочий и проводник), поедем втроем на двух ветках. Я сяду в маленькую ветку, а двое других — в большую. Но «большая» лодочка

так мала, что приходится привязать по бокам два бревна, чтобы она могла поднять двоих.

Для багажа берем на буксире еще нашу брезентовую складную лодку. В нее нагружаем палатку, постели, продовольствие, астрономические инструменты.

В мою лодку я могу взять только плащ и маленькие сумки для камней.

Предстоящий путь по Индигирке гораздо интереснее, чем через Верхоянский хребет. Через хребет по южной тропе прошел в 1891 году в Оймекон Черский; об Индигирке же мы знали только по нескольким строкам опросных данных, которые собрал в низовьях Индигирки географ Майдель. Он писал: «В то время как до впадения Нелькана верховье Индигирки с его многочисленными притоками течет по широкой, лишь местами прорезанной горными цепями равнине, с этого места прибрежный ландшафт совершенно изменяется. Левый берег горист почти до места впадения Селегняха, а правый низмен и болотист». И Майдель приводил рассказы об «ужасных болотах» правого берега Индигирки. Так было показано и на картах: низменность по правому берегу Индигирки заходила с севера почти до самой Оймеконской впадины, а по левому берегу вдоль Индигирки тянулся дикий хребет Кех-Тас, отделенный от нее большой рекой Сюрюктах-Арга.

Пускаясь вниз по Индигирке, я не надеялся встретить даже камни, не говоря уже об утесах — где уж тут, когда берег низмен и болотист, — и завидовал Протопопову, который сделает интересное пересечение отрогов Кех-Гаса.

Но плавание по Индигирке принесло много неожиданностей. Прежде всего она оказалась рекой гораздо более мощной и быстрой, чем мы предполагали.

Как только мы выплыли из лабиринта островов, лежащих у устья Эльги, мы увидели реку, которая вместе с островами достигала нередко трех-четырёх километров ширины. И, несмотря на такую ширину, вода мчалась со скоростью горной реки: в самых тихих местах не меньше шести километров в час, а на быстринах — до двенадцати. Мне в моей легкой лодочке было нетрудно переходить из протоки в протоку и приставать к утесам, но мои спутники скоро оказались в тяжелом положении: ветка с двумя бревнами — и так уже неуклюжее сооружение, а брезентовая лодка на буксире делала ее совершен-

но неповоротливой. И, чтобы перегрести от одного берега к другому, им приходилось долго работать веслами, а за это время их уносило на много километров вниз. Поэтому нам сразу пришлось разделиться — я приставал к утесам, а «грузовые суда» ждали меня через каждые десять-двенадцать километров.

Моя лодочка так мала, что, когда я лежу, мое тело ее заполняет, и так неустойчива, что обернуться назад в ней нельзя, можно только слегка повернуть голову. Чтобы посмотреть назад, надо повернуть всю лодку.

Жутко плыть в такой скорлупе одному по большой реке; все время слышен шорох песка, которым поток бьет о лодку, она жутко вздымается на плоских волнах стремнины и вертится в многочисленных водоворотах. Из всех рек, которые мне приходилось проплывать, Индигирка самая мрачная и жуткая по своей мощи и стремительности.

Вскоре мы убеждаемся, как неверны сведения, собранные Майделем.

У самого Нелькина, реки, впадающей ниже Тарын-Юряха, на правом берегу вместо низменности появляются громадные горы с пятнами снега на вершинах, высотой не менее чем две тысячи метров.

На следующий день горы не становятся ниже; высокий хребет появляется и на левом берегу. У устья Неры, большого притока, направо — черные голые горы, не менее двух с половиной тысяч метров высоты, с обильными снегами и сетью жил гранита, выступающих в виде зубчатых стен по гребням и вершинам и придающих горам мрачный и фантастический вид.

За Нерой Индигирка сразу суживается, течение все более и более ускоряется. С обеих сторон большие утесы и горы, покрытые облаками. На ночь приходится поставить палатку на узкой полосе галечника — на склон не залезешь. К вечеру мы с ужасом убеждаемся, что река необыкновенно быстро поднимается, вздуваясь от дождя, — уже несколько дней, как идет дождь. За час подъем около десяти сантиметров, а до нашей палатки всего семьдесят пять сантиметров. Ночь проходит тревожно. Я много раз выглядываю из палатки и вижу, что вода подымается с суровой точностью. В 6 часов утра приходится сняться — вся площадка залита, и вода уже лижет вход в палатку.

В течение следующих десяти дней Индигирка еще раз

поднялась за два дня на два метра и в три дня снова упала до прежнего уровня.

Еще день плаванья по бешеной реке. Теперь на быстринах скорость доходит до пятнадцати километров в час. Возле утесов плыть уже опасно — вода с силой бьет в них, от выступов идут гребни валов. Но мне надо держаться возле самых утесов, чтобы их осмотреть.

Работа эта требует большого напряжения — нужно одновременно править веткой, глядеть на утес, зарисовывать складки пластов, записывать, фотографировать. Чуть положишь весло — ветку в водовороте поворачивает и наносит боком на вал под утесом. А если захлестнет, то моя скорлупка тотчас потонет. При стремительном движении вдоль утесов надо еще уловить момент, чтобы пристать: нельзя же проезжать мимо утеса, не осмотрев его. И вот смотришь, нет ли у подножья утеса камня, за которым тихо, и на всем скаку круто поворачиваешь к берегу; надо, чтобы нос лодки попал как раз за камень, иначе снесет или опрокинет.

К вечеру проплываем устье Ольчана. За ним утесы еще учащаются. Одна за другой три воюющие и шипящие стены проносятся мимо, и вот четвертая. Река в крутом повороте прямо мчит на отвесный утес, который острыми зубцами разрезает воду, ревущую и пенящуюся в больших валах. Работая изо всех сил, едва ухажу от этого утеса, и не успевает мелькнуть мысль: «А что случилось здесь с грузовыми лодками?», как вижу их у берега.

Оказывается, опасаясь утеса, они свернули в протоку у берега между галечными отмелями, которая кончилась мелким перекатом. Брезентовую лодку долго тащили по камням, и дно ее, наверно, протерлось.

Становимся на ночлег, перевортываем лодку — действительно, во внешнем брезенте дыра, и надо наложить заплатку.

Утром, пока Конон чинит лодку, решаем сходить на соседнюю гору. С нее мы, может быть, увидим на востоке или севере низменность Майделя.

Поднимаемся на склон крутой горы, вершина которой все время скрывается в облаках.

С высоты открывается достаточно обширный вид, и ясно, что низменностей и болот здесь никаких нет. Несколько горных цепей, из которых самая большая скрыта в облаках к югу от Ольчана, пересекают реку. Все они

идут с востока на запад, поперек реки, и Индигирка разрезает их по узкой долине, местами превращающейся в настоящее ущелье.

К полудню лодка починена, и можно ехать дальше. Погода начинает проясняться, и мы спешим в Тюбелях, чтобы успеть сделать там астрономические определения до прихода каравана. Но вот беда: мы не знаем, где мы! Может быть, мы уже незаметно проплыли Тюбелях и скоро попадем в знаменитые пороги, которые где-то ниже? По карте Тюбелях на правом берегу, немного выше Ольчана, а большая река, которую мы прошли вчера, ничем иным, кроме Ольчана, не может быть.

На правом берегу в лесу показывается дымок и несколько пасущихся лошадей. Конон находит юрту. Здесь живет семья якутов. Взрослые уехали на отдаленный покос, и дома остались дети, которые могли только рассказать, что до Тюбеляха еще далеко. Карта опять совершенно неверна.

В ТЮБЕЛЯХЕ

На шестой день плавания река становится еще стремительнее. Мы пересекаем еще несколько цепей, проходим несколько извилистых ущелий с отвесными стенами и входим в небольшое расширение. Очевидно, сейчас будет Тюбелях. Вот еще утес, а возле него река уже вся покрыта пеной. Мне удастся проскочить, разрезая волны, но неуклюжая ветка Салищева попадает под вал, и ее заливает до половины.

В просвете протоки левого берега мелькнули две юрты. Мы успеваем пристать только к островку и, перейдя его, видим за протокой обширный луг, выбитый скотом, стадо черных с белыми пятнами коров и две юрты — зимнюю и летнюю, а вдали, у гор, маленькая старинная часовня чернеет своим простым срубом. Возле юрт нас встречают старуха, красивая молодая якутка и ребята.

— Рассказывай!

— Рассказывайте сами. Мы женщины, что мы знаем!

— Чья это юрта?

— Мичика Старков хозяин.

— А где сам Мичика?

— В Оймекон поехал, в исполком.

— Надолго уехал?

Стан в Тюбеляхе, на Индигирке.

— А вот узнает в исполкоме, что делать с мукой, которую он для экспедиции приплавил.

— А где же мука?

— Внизу, у дальнего Егора, в двух с половиной косах, на том берегу.

— А где масло?

— Вот, в погребе у нас спрятано.

— Вы не слышали, есть дорога в Чыбагалах по этому берегу?

— Нет, не ездят. Если на тот берег переправиться, можно в Мому поехать, ниже порогов; там много жителей, луга хорошие, скота много.

Женщины живут в этой узкой щели, между высокими хребтами, загораживающими солнце, и не знают ничего, кроме Тюбеляха. Даже весь Тюбелях они не видели: старуха ездила однажды зимой за три коса вниз, а дальше ничего не знает. Есть где-то внизу, в конце Тюбеляхской долины, в пяти косах, дальний Иван, который все знает.

Я решаю стать в одном косе ниже, у устья реки Иньяли, куда выйдет наш караван, постараться собрать в это место масло и муку и там искать проводника.

Иньяли и впадающая против нее река Еченка текут в

мрачных глубоких долинах с большими серыми галечниками. В глубине поднимаются горы выше двух тысяч метров, а по Еченке видны еще более высокие снежные пики.

Возле устья Иньяли также есть юрта, и жители встречают нас с большим радушием. Но сведения самые неутешительные.

— По этому берегу люди в Чыбагалах не ездят. Переправляйтесь на тот берег, потом горами пройдете в обход порогов, выйдете на Тиэхан-Юрях, а потом в Мому спуститесь.

— Зачем нам в Мому? Нам нужно в Чыбагалах.

— А как же иначе? Из Момы переправитесь опять через Индигирку и пойдете на Чыбагалах. Там три брата живут; место хорошее, корма много, людей мало.

— Так в обход далеко очень?

— Наверно, далеко: косов сорок либо пятьдесят.

Вместо остающихся до устья Чыбагалаха ста десяти километров надо в обход через Мому сделать больше трехсот пятидесяти километров и при этом дважды переправиться через Индигирку.

Вот она мчится перед палаткой. В лесу на том берегу едва различаешь деревья. Как тут на ветках мы будем перевозить две с половиной тонны груза и переправлять в быстрине наших измученных лошадей?

К счастью, один из якутов, Николай, вспоминает, что есть дорога и по левому берегу, также в обход, также не то на тридцать, не то на сорок косов, без переправы через Индигирку, но зато с тяжелыми бродами, с перевалами, болотами. Он сам ездил по ней, но так давно, что не сможет провести.

Наконец приводят дряхлого старика.

— Рассказывай, друг (капсе, дагор).

— Нечего рассказывать, стар я стал, никуда не езжу. Что люди расскажут, то и повторяю.

— А раньше ездил?

— Молодая сила была, всюду ездил — и вверх ездил, и в Мому, и на Чыбагалах.

— А на Чыбагалах как ездил, каким берегом?

— Этим берегом, этой стороной, через горы. Вот сначала по Иньяли вверх, потом перевал высокий, долго идти. Выйдешь на Юрынью, по ней вниз пойдешь. Давно ездил, больше тридцати лет прошло. Плохо помню, как ехал.

Старик берется провести нас.

С трудом он вспоминает, как идет дорога, и с трудом отвечает. Но лучше такой проводник, чем переправа через Индигирку.

9 августа приезжает Мичика (Дмитрий) Старков. Это человек совсем из другого теста. На вид невзрачный, треугольное сморщенное лицо, редкие черные волосы на подбородке (якуты выщипывают бороду), сгорблен. Но он бесстрашный пионер, Кодумб Индигирки. Узнав, что мы проехали вниз, он приехал в два дня из Оймекона — четыреста километров в ветке. Он один из немногих гоняет плоты по Индигирке, он дальше всех проникал на лодке в страшное ущелье ниже Тюбеляха. Он первый в этом году поднялся на лодке от Тюбеляха до Оймекона — до сих пор плавали только вниз или в пределах тридцати-пятидесяти километров. Надо видеть, как передвигаются якуты в лодках, и видеть Индигирку, чтобы оценить этот подвиг. Индигирская ветка, у которой для скорости хода дно закруглено, слишком вертка, чтобы можно было отталкиваться в ней шестом стоя, как делают русские; и якуты отталкиваются сидя, быстро-быстро перебирая двумя короткими палочками.

Мичика сразу приводит в порядок все дела. Муку он перевозит на своей ветке на левый берег, верстах в двадцати ниже, где ее возьмут наши лошади. Масло уже привезено в мохнатой черной коровьей шкуре.

Мичика поведет нас сам на Чыбагалах через горы.

Мы расспрашиваем всех про знаменитое коровье вымя Николаева, но никто таких гор не видел, и Мичика насмешливо улыбается. Про якута Ивана, живущего на Чыбагалахе, он не знает — там есть три брата, но зовут их иначе.

10 августа около полудня появляется караван. Лошади имеют очень унылый вид, хотя семь или восемь из них идут порожные. Особенно жалко смотреть на коня № 16 — он, вытянув шею, спотыкаясь, тянется за другой лошадию. Вчера этот конь выбился совершенно из сил и не мог встать. Сегодня утром его насильно подняли и протащили пятнадцать километров до Индигирки. Как только останавливается караван, он немедленно падает.

У многих лошадей сквозь кожу проглядывают ребра и таз: необходим отдых, иначе мы не дойдем.

Пострадал и один из людей: в первый же день Петр,

нагибаясь к ручью зачерпнуть воды, вывихнул себе ногу. Вот уже девять дней его поднимают на лошадей.

Путь через хребты был тяжел: надо было перевалить через несколько высоких горных цепей, подняться на перевалы по речным галечникам, по каменистым ущельям, пройти глубокие броды, болота. Если нам предстоит еще много таких перевалов, то лошади вряд ли выдержат.

После однодневного отдыха я отправляю за мукой вниз по Индигирке двадцать более крепких лошадей. Одновременно мы с Протопоповым поедем к реке. Надо посмотреть утесы насколько возможно дальше и увидеть хотя бы начало знаменитых порогов. По рассказам Мичики, ущелье Индигирки в порогах узко и извилисто, так что вода должна с громадной силой ударять в утесы. Берегов, к которым можно было бы пристать, там совсем нет — горы обрываются утесами или крутыми скатами.

Никто из якутов не решался пускаться в ущелье, но есть предание, что двести лет назад партия из семи казаков и якутов пыталась спуститься по порогам. Лодка была разбита, и из всех спасся только один Тихон, который выплыл на обломках к устью речки, названной по его имени Тиэхан-Юрях (Тихонова речка).

Сам Мичика доходил до начала ущелья, а зимой проезжал его на оленях. Ветер в ущелье так силен, что сдувает снег со льда, а оленей с нартой по гладкому льду тащит к утесам.

У нас осталась только моя ветка, поднимающая одного человека, и придется привязать к ее бортам два бревна, чтобы сесть в нее вдвоем.

Мы выезжаем в самом лучшем настроении. Индигирка снова мчит нас. Первое расширение Тюбеляха быстро кончается, и мы проплываем узкое ущелье, не более трехсот метров ширины. Вылетаем во второе расширение. Впереди серо-розовая гранитная цепь, голой спиной своей преграждающая путь. Индигирка бросается влево и двадцать пять километров течет на запад, вдоль цепи, и потом, будто собравшись с силами, прорезает горы.

Снова начинаются острова. Внезапно между галечниками мы видим ряды высоких скачущих гребней. Они в соседней протоке, мы отделены узким галечным островком, но протоки сейчас сойдутся. Тщетно стараемся отгрестись. Течение мчит нас со скоростью поезда; под островом валы занимают всю реку. Первый же вал наполняет нашу

лодку до половины, второй превращает ее в подводное судно, и из воды торчат только кончики носа и кормы. Бревна нас держат, мы сидим по пояс в воде; встречные валы хлещут нас в грудь и в лицо. Гребем к правому берегу — слева все еще валы, — но подлая лодка под водой движется, как черепаха. Между тем нас тащит вниз, ко второй части порога, где от утеса начинается ряд новых валов.

Напряженно гребя, мы ухитряемся за несколько метров до нижних валов пристать к утесу. Выливаем воду из лодки, из сапог, из штанов, из карманов — всюду полно.

Осматриваем горные породы утеса и затем готовимся к плаванию: снимаем сапоги, вешаем пояса с записными книжками и фотоаппаратами на шею. Теперь можно тонуть. Со слабой надеждой выгresti влево, за валы, пускаемся в путь. Но, конечно, посудина наша слишком тяжела и неповоротлива. Первая гряда валов, несмотря на то, что лодка направлена по всем правилам, в разрез вала, заливают ее до бортов.

Снова по грудь под водой, и на этот раз хуже: здесь водовороты, и лодку под водой так накрывает, что мы вот-вот вывалимся.

Опять надо к берегу — отливать воду.

Это происшествие показало нам, что пускаться с таким судном в большие пороги бессмысленно.

Садимся в лодку и гребем к левому берегу — надо найти место, куда перевезли муку. Вдоль берега в ветке ползет навстречу якут и машет нам рукой — это он возил муку; штабели ее на берегу. Как приятно видеть большую кучу — пятнадцать мешков ржаной, пшеничной и крупчатки! Это обеспеченная осень и часть зимы. Теперь, во всяком случае, мы не умрем с голоду, даже если застрянем в горах.

Индибирка, несмотря на острова, не теряет своей силы, течение все время десять-пятнадцать километров в час. Она даже, как будто предчувствуя тесноту ущелья, тяжело дышит — есть места на быстринах, где вздымаются плоские волны, нечто вроде мертвой зыби, в полметра вышиной. Жуткая река! В особенности жутко на ней в хрупкой ветке. Колоссальные размеры реки и окружающих гор, бешеный бег воды, грозное шуршание песка и гальки под водой — все это подавляет человека.

Только к вечеру достигаем расширения. Направо мельк-

нула юрта дальнего Ивана, «который все знает», налево две пустые юрты. Километрах в пяти начинается ущелье. Это действительно узкая, извилистая щель. Мы видим только ее начало, где бурлит вода.

Нам очень хотелось осмотреть начало ущелья, но уже был поздний вечер, и экскурсию в ущелье можно было выполнить только завтра и затратить на это целый день. А потеря дня, когда сегодня уже 12 августа и до Чыба-галаха еще триста пятьдесят километров, недопустима; к тому же я велел Якову, младшему из наших якутов, ждать нас с верховыми лошадьми у штабеля муки только до полудня завтрашнего дня, а туда еще двадцать пять километров пешком.

Решаем ночевать в последней пустой юрте. Это зимняя юрта, сейчас в ней никого нет. Находим медный сломанный чайник и устраиваем его над камином. Только мы с наслаждением начинаем сушиться перед огнем, как приходит молодой якут. Я объясняю ему, что мы приехали осмотреть ущелье, ночуем в его юрте, и как гостинец, «киси», я отдаю ему лодку. Он, улыбаясь, объясняет нам, что в юрте ночевать нельзя: много блох — «былахы», и показывает, как они скачут. Действительно, по земляному полу со всех сторон прыгают блохи, взбираются по сапогам, по одежде в таком количестве, что становится страшно. После переезда якутов в летнюю юрту блохи развелись в пыли из яиц и теперь в первый раз в жизни хотят позавтракать свежей кровью.

Опрометью выскакиваем мы из юрты и раскладываем костер во дворе. После дневного купанья августовский вечер на шестьдесят пятой параллели прохладен, и приятно понежиться у костра. Солнце зашло, и причудливый гребень гранитной цепи вырезывается черной массой на светлом небе.

На ночь залезаем в амбарчик и зарываемся в шкуры, которые мы там нашли. Завтра нам предстоит неприятная прогулка — без дороги по тайге.

Выходим рано, по мокрой траве. Путь до наших лошадей дается нам тяжело. Всякий, кто ходил в тайге, знает, что пройти двадцать пять километров без дороги не весело. Или вы идете по мху и нога вязнет в нем, или по болоту, где вы вязнете еще глубже. По берегу Индигирки идти нельзя — утесы. И вот мы ползем вверх, переваливаем несколько долин, снова взбираемся вверх.

До мучного склада мы добираемся только к вечеру.

Яков, к счастью, догадался ждать нас позже назначенного срока.

Темнеет, но надо ехать. До темноты проезжаем несколько юрт нижнего расширения Тюбеляха. В них оживление, женщины и девушки доят коров. Яков вытаскивает желтый бумажный головной платок («плат») с гроздьями винограда и кокетливо повязывает голову. Девуцы с восхищением глядят на него: здесь он совсем не выглядит таким увальнем, каким казался в городе, — он строен и ловок.

От юрт дорога поднимается сразу на четыреста метров, на древнюю террасу. Темно. Глубоко внизу блестят плеса Индигирки, за ними гряды гор, еще более высокие ночью.

Ночи уже темные, и хорошо вызвездило. Приятная прохлада. Завернувшись в бурки, которые привез Яков, мы наслаждаемся отдыхом после утомительного дня. Около часу ночи приезжаем в лагерь. Похлебка из консервов служит нам лучшей наградой.

Пороги Индигирки до сих пор встречают очень сурово исследователей, которые хотят пройти через ущелье. В 1931 году экспедиция Народного комиссариата водного транспорта проникла в страшное ущелье и начала промерные работы. Но моторная лодка разбилась в порогах, и вместе с ней погиб начальник экспедиции, талантливый исследователь В. Д. Бусик, и его помощник Е. Д. Калинин. Несколько позже в той шивере, из которой нам удалось выбраться, вымокнув и потеряв только несколько предметов снаряжения, потонули еще два сотрудника экспедиции — В. Селиванов и местный якут Г. Старков. Экспедиция так и не могла закончить работы по промеру реки в ущелье.

ГДЕ ЖЕ, НАКОНЕЦ, ЧЫБАГАЛАХ?

Еще два дня мы проводим в Тюбеляхе: надо починить бото, и Мичика не готов. Опять на траве наворочены целые стога сена, и из него Афанасий шьет новые бото. У нас нехватает шпагата, чтобы сшивать бото, и приходится изобретать, как Робинзонам, чем бы заменить шпагат. Обстригаем хвосты и гривы у лошадей и даем якуткам сучить нитки. Чтобы заменить ремни и веревки для увязки поводов, которые уже порвались, разрезаем чер-

ную шкуру, привезенную Мичикой, в которой хранилось масло.

Я стараюсь уменьшить число вьюков, чтобы увезти с собой побольше муки. Брезентовая лодка нам больше не нужна, и мы разрезаем ее на потники, на мешки, на ремни. Весь лагерь занят хозяйственными делами.

За палаткой лежит конь № 16. Он не встает с того дня, как пришел. Рядом с ним поставили котел с водой и положили сено, но он так устал, что с трудом поднимает голову, чтобы есть, и сено вываливается у него из рта. Чтобы не пропало даром добро, с него ободрали подковы. Он так и пролежал до нашего отъезда, и пришлось поручить его заботам местных якутов, с тем, что если он выздоровеет, они выгонят его к устью Эльги. Лишь за полчаса до выступления, увидев, как вьючат коней, он собрал все свои силы и спрятался в кустах.

Петр сидит у костра и что-то чинит. Он не может принять участие в общей работе из-за больной ноги. Я предлагаю ему остаться в Тюбеляхе: на обратном пути мы придем за ним. Но он ни за что не хочет и просит взять его.

16 августа приезжает Мичика. Он на жирном, толсто-пузом коне. Якуты отличают семь степеней жирности коней — высшая степень, когда на спине слой жира в два пальца. Конь Мичики относится к этой степени. Якуты пускают лошадей на долгие сроки в луга, чтобы потом на такой жирной лошади сделать короткий и быстрый переезд с тяжелым вьюком, доведя лошадь почти до истощения к концу четырех-пяти недель. Большого срока не выдержат и копыта — сойдутся. Чтобы такая жирная лошадь не опилась и не задохлась, ее перед поездкой выдерживают день, два, три без корма. Мичика держит своего коня на привязи, первые три дня «кормит у столба», как смеются русские, и отпускает лишь под утро на два часа пощипать траву.

Такая система очень ценна для мест со скудным кормом и для зимних перегонов.

Якуты очень удивлены, что наши кони идут два месяца, — при их системе за это время кони давно бы погибли. Особенно поражают их подковы: это первый раз, что на Индигирке видят кованых коней. Но я удовлетворен: только благодаря подковам мы дошли так далеко. Даже якутские рабочие, непримиримые противники подков, сами подтягивают ослабевший гвоздь. Каждый начинает

дрожать за своего коня — запас подков кончился, у нас был только один выюк, семьдесят килограммов подков.

Мы уходим вверх по долине Иньяли, прямо на запад.

Долина покрыта то галечниками, то обширными тарынами, то лесами или лугами с обильной голубикой.

С первого же дня выясняется, что лошади далеко не те, что прежде. Карька и Пегашка падают во всех бадаханах.

Каждый день я отмечаю в журнале: «Лошадь № 1 сильно захромала и с трудом дошла до стоянки. Лошадь № 5 сильно захромала и освобождена от груза». Что-то будет? Подков нет, и «заводных» (запасных) лошадей также.

18 августа подходим к месту, где долина Иньяли делится на две, — с юга большой приток Силяп. За ним, южнее, — громадная гранитная Силяпская цепь, метров до трех тысяч высоты, со снегом. Между Силяпом и Иньяли на стрелке огромная изолированная вершина со сплошной шапкой снега. Это гора Чён, самая высокая гора в этой части хребта.

Длинные языки снега спускаются с нее в узкие ущелья, загроможденные моренами.

Мичика рассказывает, что раз он в погоне за горными баранами поднимался на Чён, шел туда целые сутки, дошел до снега, видел в ущельях ледники — поэтому гора и названа Чён (чён — лед в углах юрты, скопляющийся зимой под нарами).

Каждый день я отстаю, осматривая утесы, и потом нахожу дорогу по следам. Теперь тропа через Верхоянский хребет кажется мне трактом — здешняя тропа не более чем след. На моренах еще хуже: камни, сухой мох, и копыто лошади не оставляет здесь следа. Но я приобрел большой опыт. Кроме того, мой белый конь — настоящий следопыт. Когда мне нужно следить за геологией и некогда высматривать следы, конь сам находит дорогу, даже на моренах. Он почти всегда безошибочно решает, куда идти, и редко приходится его направлять; в этих случаях он очень конфузится. Зато как он торжествует, если я ошибся и приходится возвращаться туда, куда он тянул! Наверно, для него я — самонадеянный мальчишка. Ведь он уже старик, ему пятнадцать лет.

22 августа достигаем прекрасных зеленых лугов в широкой долине верховьев Иньяли. Лес уже только по краю долины, редкий и кривой; недалеко граница леса. Мы по-

дошли к Чыстаю. Здесь мы пройдем еще раз, если пойдем обратно прямым путем на устье Эльги.

Несколько лошадей в ужасном состоянии: они ходят на трех ногах, задрав заднюю, сбитую. Ясно, что не только до Чыбагалаха, но даже через перевал, который предстоит нам завтра, они не пройдут. Единственное средство — оставить здесь часть груза и наиболее слабых лошадей. К нашему возвращению они могут поправиться.

На каменной россыпи (чтоб не захватил лесной пожар) у леса строим маленький сруб в два метра длины и ширины. Сверху брезент — от дождя, бревна и камни — от медведей. От людей охранять не надо — здесь не принято воровать. Отбираем все, что не понадобится в течение месяца: часть муки и масла, крупы и консервов, а также все тюки с коллекциями. Страшно бросать их среди гор, но кто не рискует, тот не выигрывает.

Немного дальше оставляем на лугах трех лошадей — Карьку и двух белых коней.

Подъем на перевал в бассейн Мюреле (приток Чыбагалаха) тяжел и каменист. С высокого перевала видны снова снежные цепи — на востоке и западе, на юге и севере. На севере в дымке какой-то новый хребет. Когда же они кончатся?

По мрачному ущелью речки Буркат выходим на Мюреле. Это самый крупный приток Чыбагалаха.

При спуске встречаем первого человека после двухсот километров пути: на Буркате стоит чум бедняка-эвена. У него всего семь оленей и столько же членов семьи. Кроме того, две или три собаки. Он с сыном приезжает к нам верхом на оленях, согнувшись в комок, сидя на передних лопатках; у оленя маленькое седло в виде двух подушечек лежит прямо на лопатках, и стремян нет. С любопытством рассматривают они людей, лошадей и палатки. Наш приезд для них как паденье метеорита: они в первый раз видят русских. Отец только раз в жизни ездил в Оймекон и, кроме маленького участка в верховьях Мюреле, ничего не знает. У них трудно что-либо узнать про дорогу.

— Как пройти на Чыбагалах?

— Какой Чыбагалах? Не слыхал.

— Ну, а куда эта река, Мюреле, течет?

— Далеко течет. Узкое ущелье, потом выходит опять на широкое место, в Индигирку течет.

— Прямо в Индигирку или в Чыбагалах?

Озеро в верховьях Иньяли.

— Не знаю, сам не видел, люди не говорили. Вот здесь, у себя, знаю, какие реки. Налево кверху — Дядя, потом Дися. А Чыбагалаха нет.

По мере того как мы идем, Чыбагалах отодвигается все дальше на север.

Но и в географических познаниях всезнающего Мичики неожиданно оказывается пробел: он дальше дороги не знает. В Чыбагалах он заезжал снизу от Момы и на Мюреле никогда не был. Но это его не смущает: как не доехать, если есть след — «суол»! От его храбрости мне делается немного жутко: идти с караваном из сорока истощенных и хромых лошадей — это не то что проехать на легкой на свежей и жирной лошади.

— Сколько до Чыбагалаха?

— Косов двадцать, а может, и больше.

— Пройдем ли по Мюреле? Говорят, очень тяжелые броды.

— Что же, обойдем как-нибудь.

Вообще для Мичики ничего страшного нет.

Ущелье Мюреле — самое суровое из всех виденных нами до сих пор. За рекой высится новая цепь — гранитная, с рядами страшных башен и зубьев. Я стараюсь меж-

ду ними найти «коровье вымя». Дойдем же мы до него наконец! Но эти острые вершины похожи не на вымя, а скорее на рога.

Над глубоким и мрачным ущельем реки нависли тучи; иногда открываются сквозь них зубцы утесов.

Внизу ползет наш измученный караван. По гранитным осыпям лошади итти не могут, а тропа то и дело выходит на галечники, по которым то одна, то другая лошадь скачет на трех ногах. Тропы, собственно, нет — просто Мичика ведет нас по вдохновению. Чтобы избежать утесов, приходится бродить много раз. Река становится все многоводнее и бурнее.

В ночь на 25 августа в горах выпал снег. У нас начинаются дожди. 26 августа находим в долине большой луг и оставляем на нем еще двух хромых лошадей. Как только с них снимают седла, они начинают жадно есть траву, стоя на трех ногах. Седла и потники вешаем рядом на дерево.

Проходим большой тарын в устье Оньюла; каньон этой реки выходит из гранитов слева. Я доказываю Мичике, что, судя по схеме, которую мне дал в Тюбеляхе якут Николай, дорога уходит в Мюреле именно по Оньюлу и что пора уходить — броды становятся слишком глубоки. Но Мичика улыбается: «Здесь, налево, — самые большие горы», и ведет нас еще два раза вброд через Мюреле. На втором глубоком броду быстрым течением сносит последних лошадей в связках. Мюреле стала уже большой рекой.

27 августа — последний день по Мюреле. С утра захромали еще два коня. Мы вступаем в область моренных валов. Между ними болота, в которых тонут ослабевшие кони. Подходим к месту, где, по мнению Мичики, должен быть брод; но здесь пасует и Мичика и даже не пробует брода — серо-зеленые валы широкой реки не обещают ничего хорошего. Пробираемся дальше по левому берегу, у подножья осыпей, которые здесь спускаются в реку. За ними опять морены и болота. Наконец с перевала через морены видим, что дальше река идет в узком сером ущелье и по левому берегу не проберешься. Смотрю на Мичику — он спокойно поворачивает в горы: есть след.

Действительно, гранитное плато, сквозь которое мы шли по каньону Мюреле целых семьдесят километров, кончается. В понижающихся горах есть лазейка — седло-

вина, через которую можно спастись из мрачной долины, настоящей долины смерти.

Но и спасение это стоит не дешево — мы поднимаемся на перевал по древней морене, потоку гранитных глыб, покрытых мхом и жидким лесом. Ноги лошадей пробивают мох и застревают в щелях между камнями. Теперь падает не только Пегашка, но и многие лошади, которые считались вполне надежными.

С трудом в темноте достигаем перевала. Далеко ли корм, Мичика, конечно, не знает, и приходится стать здесь же, на перевале, на болоте, в котором свободны от воды только каменные площадки.

Семьдесят километров каньона Мюреле будут надолго памятны и людям и лошадям!

С перевала видны на севере снова гребни гор — до самого горизонта, но уже не снежные и не такие страшные, как пройденная цепь. Мичика показывает на самую дальнюю:

— Вот эти горы — за Чыбагалахом.

Но как-то не верится: неужели Чыбагалах в самом деле существует?

28 августа утро начинается спуском по таким же покрытым мхом глыбам, как и вчера. Пегашка падает и не может больше встать. Когда его поднимают, падает снова. Измученный Александр, наш молодой рабочий, хочет его бросить: «Зачем мучить скотину?», но мне удастся заставить его встать. С него снимают вьюки, дальше он пойдет порожнем. Скотина действительно имеет ужасный вид: на хребте совсем нет мускулов, глубокие впадины между костями крестца и таза, на спине — раны.

Через два километра вступаем в долину Нокона. Это небольшая, но веселая река, скачущая и пенящаяся по гранитным глыбам. Мичика храбро въезжает в эту пену. Его конь все еще толст и крепок, но нашим она не по вкусу. Злая Рыжка Иннокентия, давно забывшая, как она бросалась на людей, била их копытами в грудь и кусала, падает в потоке. На ней в привычке пудовый мешок с коллекциями; вода подхватывает его и уносит. Чернов храбро бросается в воду и спасает драгоценный груз.

Еще два брода через Нокон, опять перевал; затем по мху крутого склона мы сползаем снова в тот же Нокон. Чудесная лощина, вся покрытая густой травой, раскидистые лиственницы у потока. Мы останавливаемся кормить

Нокон.

лошадей, хотя прошли только двенадцать километров: ночью на болоте они вряд ли много поели.

Только на следующий день около полудня с плато правого берега видим наконец Чыбагалах. В двухстах пятидесяти метрах под нами он пересекает долину, подмывает утесы, бурлит; эта река не меньше Мюреле. Прямо под нами расширение с лугами, и в нем у реки — группа юрт, скот, изгороди.

В бесконечных горах на западе мне, как всегда, чудится что-то похожее на коровье вымя.

Спускаемся к юртам, разбиваем палатки. Лошади привязаны все в ряд у изгороди; теперь их только тридцать семь вместо сорока четырех, выступивших из Якутска.

Вечером мы чувствуем себя по-праздничному. И стоит праздновать: ведь сюда надеялись попасть через месяц, а шли два с половиной; предполагалось расстояние в семьсот-восемьсот километров, а прошли тысячу пятьсот; думали, что пойдем по низменностям, а пересекли столько хребтов, что им потерян счет. Что бы ни предстояло впереди, цель достигнута.

Вчера братьев якутов Сорокоумовых не было дома, сегодня два из них явились с рыбалки, и я устроил им и их женам, сестрам и матери подробный допрос. Первые сведения, которые они сообщили, были ошеломляющими. Мы еще не дошли до места: в 1922 году они жили не здесь, а в двенадцати косах (девятиста шести километрах) выше по Чыбагалаху. В той юрте и был у них Николаев.

Значит, еще несколько дней поисков, а сегодня уже 1 сентября! Мичика заявил, что если мы хотим выбраться из гор на наших лошадях, надо уходить отсюда не позже 15 сентября.

Все, что мы слышали дальше, совершенно отличалось от показаний Николаева: приехал он не в августе, а в сентябре; не втроем, а впятером; юрты якута Ивана на Чыбагалахе нет — братьев зовут Сергей, Гаврила и Егор; с верховьев Чыбагалаха для отряда привели не ламута (эвена) Никульчана, как рассказывал Николаев, а Афанасия, и вел он их не до Момы, а всего лишь два-три коса, потом вел эвен Осип, потом до Момы эвен Григорий.

Это сразу разрушило живописный рассказ Николаева о том, как старый эвен возил его туда и обратно по горам.

Остальное все в том же роде. Кажется, нет ни одного слова в рассказе Николаева, которое соответствовало бы действительности. Особенно важно, что нет такой реки, которая бы текла параллельно Чыбагалаху на небольшом расстоянии от него и по которой на шестьдесят километров шла бы дорога в Мому по совершенно безлесной местности.

На вопросы о «коровьем вымени» якуты смеются, и мы также.

После долгих расспросов, выяснив все притоки Чыбагалаха, все пути от него в Мому, мы определяем, что на той дороге, где ехал Николаев, только речка Талынья может подходить: она единственная, текущая некоторое время параллельно Чыбагалаху.

Решаем идти на Талынью и начинать разведку с нее, а там видно будет.

Возле юрты Сорокоумовых остается большая часть нашего каравана, а на Талынью едет только легкая разведочная партия на самых крепких лошадях. Двух наибо-

лее слабых — Пегашку и маленького саврасого коня — я продал Сорокоумовым, и в обмен они дали мне проводника, второго брата Гаврилу, с двумя конями. Один конь, необыкновенно толстый, не хочет идти с нами, и его весь день ловят два брата и двое наших. Но он дико носится по лесам и иногда с развевающейся гривой выскакивает к юртам.

3 сентября мы выступаем без него, но как только мы отходим от юрт, раздаются дикие крики: конь пойман.

Выступление веселое: ведь сегодня мы знаем определенно, куда идем, и наша последняя цель совсем недалеко, в десяти косах.

Особенно довольны рабочие: у каждого вместо связки из пяти коней, цепляющейся за деревья, одна лошадь. У Конона нет лошади с хронометрами, на которые надо все время оглядываться, не задели ли они за дерево; Яков избавился от ненавистных красных ящичков с научными инструментами, которые изводили его своим весом; даже белый конь, который «красный джасык таскай», остался на Мюреле.

Вскоре неприятный брод через Чыбагалах. Река вся в гранитных глыбах, надо пробираться между ними. Брод наискось в очень широком месте. В конце, у левого берега, несколько лошадей — и моя в том числе — попадают в глубокие ямы и плывут. Все мокро. Брр!.. Сейчас не лето.

На второй день подходим к устью Талыньи. Долина Чыбагалаха становится широкой и плоской. Здесь когда-то лежал громадный ледник, как в верховьях Иньяли, а на юге — то самое гранитное плато, которое мы пересекли по Мюреле. Оно сплошь покрыто снегом, выдающихся вершин и пиков мало. Это одна страшная снежная глыба на сотню верст.

По Талынье доходим почти до границы леса и становимся на террасе, на краю долины.

Поперек долины будет копаться первая линия шурфов. Пробивать их трудно — много гранитных валунов, а вскоре показывается вечная мерзлота, которую надо разбивать клиньями.

Пока ведется разведка на Талынье, я делаю с Гаврилой на его толстых лошадях поездки в глубь гор, чтобы изучить их строение. При этих поездках, перевалив однажды через высокую горную цепь, мы выходим по мом-

ской дороге в долину речки Ольчана. Оказывается, эта речка течет в Чималгу, а та — в Сюрюктях. Вот где наконец нашлась эта таинственная река Сюрюктях, которая на всех картах показана такой длинной и идущей от самого Верхоянского хребта до Момы!

Спускаемся в Ольчан — унылые, безлесные места. Дальше момская дорога уходит вверх по Ольчану, но Гаврила уговаривает меня поехать на юг: по момской дороге на пять косов нет леса. Смотрю гальку. Ольчан выносит настолько новые и разнообразные породы, что я решаю итти вверх по нему. Гаврила едет с кислым лицом и время от времени стонет:

— Ханна хонобыт (где будем ночевать)?

Ольчан сходится своими верховьями с Чималгой, и дорога уводит туда. Перевал сплошь покрыт кочковатым болотом. Мой толстый конь тяжело переваливается, вздыхает, сопит. Впереди Чималга круто поворачивает в пеструю цепь и разрезает ее глубоким ущельем. Кажется, не будет конца горным цепям, а мы уже на Полярном круге, и пройдено горами больше тысячи километров.

Вечер. До леса еще два коса. Надо ночевать. По берегам речки есть кустарники полярной ивы — «талаги», — и между ними площадки травы. Хватит для двух чайников и двух коней. Мы собираем сучья ивы. Горит она скверно, греет плохо, но чайник поспел. Я угощаю Гаврилу консервами, он меня маслом. Потом сидим у огня.

Разговор плохо клеится. Я знаю очень мало якутских слов. О дороге всё уже переговорили. Гаврила рассматривает этикетку от консервной банки; на ней головы разных животных. С радостью он отмечает знакомое изображение:

— Это корова. А это кто?

— Свинья.

— Себинья? Какой зверь?

— Как корова: есть можно, мясо вкусное.

Баран также незнаком Гавриле. Якуты много сот лет назад привели с собой с юга баранов, но те погибли в тяжелых условиях севера.

При этой поездке я открыл то место, которое нам описывал Николаев. На момской дороге действительно есть безлесное пространство длиной в шесть косов, но оно захватывает не одну речку, а четыре. От всего описания Николаева остается только одна эта широкая полоса гор,

без леса. И здесь, на Ольчане, можно найти узкие места с утесами, такие, как он описывал. Вернувшись на Талынью, я рассказываю о своих открытиях, и мы решаем проехать на Ольчан и разведать речку ниже ущелья.

Тогда мы будем спокойны, что разведали все пункты, где мог быть Николаев.

Днем на наш стан на Талынье приходит в гости один из местных обитателей. Сначала за горой слышится жалобное блеяние, потом к палаткам выбегает молодой горный баран и жалуется — повидимому, он потерял свою мать. Баран серо-коричневый, брюшко белое, рога только начинают отрастать. Протопопов поспешно хватает винтовку и выпускает всю обойму. Баран с необыкновенным изяществом взлетает прямо по крутому склону и скрывается за гребнем. Рьяный охотник не может себе простить промаха, проверяет винтовку — за два месяца, что ее везли на седле, прицел сдвинулся, и она бьет неправильно.

Здесь немало горных баранов («чубука»), всюду в горах их следы и тропинки по откосам, и нередко в долинах валяются черепа с рогами — трофеи эвенов. Эвены подкарауливают баранов и стреляют их из ружья или настораживают лук на их тропинках, и неосторожный баран сам спускает в себя стрелу. Этим же способом здесь охотятся на диких оленей и зайцев.

10-го мы едем на один день к Ольчану. Вести там продолжительную разведку трудно — нет корма и топлива. С собой берем насос и бутару. Бутара очень изящно сделана Михаилом из одного вьючного ящика и лиственничных досок. Песок и галька поступают в ящик, промываются здесь на грохоте (железный лист с дырами), затем мелкий материал сносится по корыту, где оседают тяжелые минералы и благородные металлы. Чтоб лучше удержать платину и золото, в корыто положено сукно.

Бутара работает быстро — только успевают подавать ведра с песком. Весело качает насос. Непрерывная струя сносит песок, скребет лопата по грохоту, выбрасывая гальку. За эти дни промыли три тонны песку и не нашли ни крупинки платины!

Проработав день на Ольчане, мы убеждаемся, что рассказ Николаева можно окончательно считать выдумкой.

Только три года спустя в Средне-Колымске я узнал, откуда на самом деле Николаев достал платину. Вы также узнаете об этом позже — когда прочитаете всю книгу.

13 сентября мы вернулись в Чыбагалах. Перед нами было распутье, как у богатыря в сказке: «Направо пойти — коня потерять, налево — самому погибнуть».

По первоначальному плану, нам следовало бы идти отсюда на запад, к старому Верхоянскому тракту.

Но никто не мог нам сказать, есть ли такая дорога. Если мы и найдем ее, то с нашими утомленными лошадьми мы не доберемся даже до тракта: зима захватит раньше.

Можно идти на Верхоянск по той дороге, по которой экспедиция Якутского Совнаркома пыталась дойти до Чыбагалаха, но до Верхоянска километров шестьсот, дорога трудна: на Догло тяжелые галечники и экспедиция погубила там лошадь. Дойдем ли?

Третья дорога — на Мому. Пройти туда, обменять лошадей на оленей и потом выехать в Верхоянск по зимнему пути. Но тогда мы не сможем больше вести исследования.

Самый верный путь — к Оймекону. Двигаясь на юг, мы уходим от зимы. На этом пути у нас оставлены коллекции; их вернее везти самим, чем поручать доставку их Мичике. В Оймеконе нас знают, я писал туда судье Богатыреву и просил обеспечить нам зимний проезд в Якутск. Места нам отчасти знакомы, а пройдя четыреста-пятьсот километров горами, мы попадем на устье Эльги, где есть жители и где мы, во всяком случае, не пропадем.

Пройдя на юг по более западному маршруту, можно будет узнать, как подходит на западе новый, открытый нами хребет к Верхоянскому хребту, а если мы пройдем от Эльги до Оймекона, то будет изучена и вся верхняя Индигирка.

Но через Чыбагалахскую и Момскую цепи есть только одна дорога — по Мюреле, и нам до Иньяли придется идти старой дорогой. От Иньяли Мичика обещает пройти прямо на устье Эльги новой тропой.

16 сентября прощаемся с семьей Сорокоумовых. Иннокентий и Яков гарцуют перед юртами, бросая нежные взгляды на молодых якуток. Гарцует, но несколько буйно, и Чернов: у него склонность пробовать всех лошадей каравана, и, хотя он верхом первый раз, он не боится брать самых диких лошадей. Сегодня он выезжает на Рыжке. Она отдохнула и начинает вспоминать боевые времена.

Ущелье Мюреле в сентябре.

С нами новые спутники — средний брат Сергей ведет нас до Мюреле, по новой дороге, в обход Ноконя. Вода сильно спала, и мы лучше попытаемся пройти ущельем Мюреле, чем снова испытывать болота ноконских перевалов. Другой спутник — якутская лайка Ойюран, пушистый черный пес с белыми лапами, которого Протопопов купил у Сорокоумовых.

Вечером начинается снег, мокрый и густой. Снег идет весь следующий день, но в долине еще тает. Ущелье наполнено белесой мглой, сквозь которую иногда проглядывают вершины. Внизу склоны черные и скользкие. Холодно, уныло и жутко.

На другой день мы переходим вброд Мюреле шесть раз. Мичика хочет узнать все достоинства нового пути, по которому он еще не ездил.

На третьем броду глубоко — вода достает до выюков. Иннокентий пробует взять повыше, и вся его связка плывет — видны только головы и спины.

18-го проходим тарын на устье Оньюла. На лугу за тарыном две брошенные нами лошади сами выходят к каравану. Они соскучились в одиночестве. Конь Якова толст и крепок, конь Чернова поправился плохо, все еще видны ребра, но он не хромает.

Перевал с Мюреле на Иньяли.

19 сентября утром 10 градусов мороза. На высоте восьмисот метров мы входим в область, захваченную снегом. Выше уже сплошной покров снега в пятнадцать сантиметров толщины.

Первая ночевка на снегу пугает — мы не привыкли разгребать снег для палатки. Неудобно и необычно, всюду липкий снег — на палатке, на сапогах. Это неприятно, но гораздо страшнее судьба лошадей: корм в долине Мюреле и так скуден, а теперь они должны добывать его из-под снега. В тополевых зарослях на реке, где мы стали, трава растет отдельными пучками между деревьями, и мне жутко смотреть, как лошадь раскидывает ногой снег, потом жадно выщипывает этот желтый и жесткий пучок. Если на высоте в восемьсот метров уже снег, то почти до самой Эльги мы из него, наверно, не выйдем: верховья Иньяли, которые мы пересечем, лежат выше. Мысли о лошадях мучают меня все время, и ночью я вижу сон — как мы спускаемся в луга, на которых нет снега, и как лошади с радостным ржанием мчатся по траве.

20 сентября — дальше по Мюреле. Покров снега все толще: ночью опять шел снег.

Свернув к перевалу вверх по Буркату, слышим лай.

Какая-то собака бросается к Ойюрану. За ней из лесу высыпает нестройный караван из десятка оленей — эвен кочует с семьей. Это не тот житель Бурката, которого мы встретили месяц назад; тот уже откочевал, — это новый, пришедший с Иньяли. Все спешиваются и окружают эвена. Сыплются расспросы. Он не успевает отвечать.

— Много снега за перевалом?

— Совсем нет снега.

Даже трудно поверить — мы стоим по колено в снегу.

— Лошади наши не убежали?

— Пасутся там же, где вы их оставили. Толстые стали.

— А амбар цел?

— Кто амбар унесет?

Останавливаемся на Буркате неподалеку. Эвен и его жена — превосходная пара. Он высокий, стройный, по-своему красивый, ловкий и подвижной, воплощение всех достоинств эвенского народа. Его жена с треугольным миловидным личиком в своих ровдужных штанах похожа на мальчика. Легко и грациозно двигается она, сидит на олене, согнув ноги на маленьком седле. С ними четверо ребят. Старший, лет пяти, сам ведет в поводу оленя, следующие два сидят верхом, но оленей ведет мать. Последний, грудной, в маленькой люльке в виде кибитки, привязан к спине оленя, как один боковик вьюка.

Вся семья едет за нами к остановке: собака с рыжими лохмами впереди, высунув язык, за ней мать и дети с вьючным оленем. Ее внимание всецело занято нами, и ветви хлещут ребятишек по лицу. Но те заняты интересным зрелищем и не обращают внимания на удары. Оба младших без шапок, несмотря на мороз.

Эвенские дети рано привыкают к холоду — еще грудными их выносят на мороз. Их перевозят или в такой люльке на спине оленя, или переносят в кожаном мешке на спине матери. Вместо пеленок кладут мох или древесную труху, чтобы ребенку было сухо.

21 августа — перевал. Все время идет снег, пурга, все кругом в белесом тумане. Караван уныло бредет гуськом по глубокому снегу. Может ли быть, что в десяти километрах за хребтом нет снега? Только Ойюран не унывает, снует всюду, пушистый хвост загнут кольцом влево.

Едва мы начинаем спускаться с перевала, картина резко меняется. Покров снега все тоньше и тоньше; он лежит только на склонах гор, а внизу видны темные, сво-

бодные от снега луга Иньяли. Вот последние пятна снега, и мы идем по траве, хотя и желтой. Мой сон исполняется — лошади выбегают на луга, зарывая морду в траву.

На лугах Типкер-Молота вдали видны две черные точки и одна белая — это наши лошади, оставленные здесь месяц назад. Они одичали, и, чтобы поймать их, караван выстраивается кольцом, а их загоняют внутрь. Александр храбро хватает свою Карьку за хвост, но она поддает задом и прорывается сквозь сомкнувшееся кольцо. Крики, лай Ойюрана, ржание. Лошади хлюпают в болоте, но наконец все пойманы.

У всех трех прекрасный вид: спины зажили, бока округлились, белый конь оброс густой шерстью.

Наш амбар не сгорел и не разграблен медведями.

Два следующих дня мы идем по верховьям Иньяли и ее правого притока Нянкачана.

Перевал с Нянкачана в бассейн Эльги — последний чистый, который мы проходим. Теперь мы будем идти всё вниз, не считая перевалов через водоразделы между притоками Эльги. Становимся на ночь на какой-то речке. Начинается густой снег. Наше второе лето продолжалось три дня.

Где мы? Мичика не знает — его познания кончились на Нянкачане. Месяц назад он просил передать каким-то эвенам, чтобы его ждали здесь, и отправляется их искать (как всегда, пешком — якуты берегут своих коней). Но, пробродив часть ночи, он никого не находит.

Мичика тем не менее не унывает. Я никогда не видал его унывающим. Что же беспокоиться? Можно пойти на юг, вверх по реке.

Найдет ли он эту дорогу? «Как не найти — большая дорога...» А по этой «большой дороге» раз в лето проезжал один всадник. Сейчас она к тому же покрыта снегом.

С нашей реки поднимаемся в небольшую выемку в склоне и попадаем сразу в ущелье другой реки, которую Мичика называет Антах. Вечером, пройдя Антах и озера за ним, мы с Черновым находим в ущелье окаменелости и задерживаемся, собирая их. Только к ночи достигаем какой-то большой реки. След каравана идет через утомительные болота ее левого берега.

В сумерках на болоте сереет лошадь. Мы готовы обрадоваться — значит, лагерь близко, но встреча оказывается печальной: это первая лошадь № 43, брошенная из-за усталости. Ее долго тащили без вьюка и седла, тол-

кали, били; наконец она отказалась идти и оставлена там, где люди совсем отчаялись сдвинуть ее с места.

Конь уныло щиплет сухую, невкусную траву на болоте. Нам с Черновым удастся заставить его идти. Мы гоним коня по следу. Совсем стемнело. Слышен навстречу топот — это Александр едет за своим жеребцом.

Стан неподалеку, запрятан в зарослях на том берегу большой неизвестной реки.

Два дня идем по этой речке (как потом выяснилось — Тобычану). Долина ее все шире и шире. На второй день, после полудня, перейдя полосу морен, мы оказываемся на берегу большого черного озера. Оно занимает всю ширину долины, до восьми километров длины. Куда же девалась река? Мы не заметили, как она перед озером бросилась в узкое, извилистое ущелье, прорезанное в левом берегу, и направилась в горы, в обход своей прежней широкой долины, где среди морен разместилось озеро. Это тоже обычное ледниковое явление: река, если она не в состоянии промыть морены, уходит из большой долины в новое ущелье, которое она прокладывает через горы.

Мы долго идем вдоль озера. Оно мрачно чернеет в рамке голых лиственниц. По обе стороны крутые склоны покрытых снегом гор.

Мы достигли уже конца озера и идем вдоль вытекающей из него реки. У ее истока — заездка (перегородка) для ловли рыбы. Значит, где-то есть жители. Темнеет.

Наконец находим караван в лесу между двумя болотами — было слишком темно, чтобы идти дальше. Корма, кроме скверной болотной травы, нет, в лесу только мох. Начинается снег, он идет все сильнее и сильнее.

Часов в десять сквозь мягкий шелест снега слышен крик. Это едет Мичика. С ним два всадника на оленях — Мичика нашел эвенов. Их стан недалеко в горах. Выясняется, что мы заблудились, — дорога ушла из долины вместе с рекой. Если мы пойдем дальше по долине озера, мы выйдем в двух косах отсюда в долину Эльги, но по ней к ее устью пройти нельзя: там болота, леса, утесы, нет дороги и кормов. Необходимо вернуться обратно.

Один из эвенов, старшина наслег Семен Неуструев, соглашается вести нас пять косов.

Мы возвращаемся к северному концу озера. Уже 28 сентября, и природа хочет показать нам, что скоро зима.

Проводник-эвен Семен.

Вечером 13 градусов мороза, а утром даже 21 градус. Солнце светит ослепительно ярко.

Несколько дней мы идем через низкие горы левобережья Эльги, переходя с одной маленькой речки на другую, по лесам и замерзшим болотам, через крутые гряды, покрытые лесом.

Часто идет снег и засыпает все — людей, лошадей, деревья и дорогу.

3 октября, последний переход, оставшийся до жилых мест, оказывается и переломным днем нашего передвижения. Ночью одна из лошадей попала в яму с водой и просидела там до утра при морозе градусов в пятнадцать. Сегодня, не пройдя и десяти километров, она начала падать, и у первых юрт ее пришлось бросить. Дальше быстро, одна за другой, стали «приставать» (как говорят в Сибири) другие лошади в некоторых связках. На протяжении двадцати километров оставлено пять лошадей. Часть вьюков и седла раскиданы в разных местах, люди идут пешком.

Затемно приходит Михаил с девятью лошадьми — это часть связок Петра и Александра; затем слышны выстрелы в лесу — Чернов дает знать, что он не может больше

тащить Рыжку. Она сегодня уже на полдороге совсем выбилась из сил, и ее трудно сдвинуть с места. Последние дни она нежно и благодарно ржала каждый раз, как Чернов слезал с седла.

В восемь часов вечера к стоянке у Дыры-Юряха приходит последний отряд — Петр и Александр с оставшимися лошадьми.

На следующий день посланные рабочие приводят четырех лошадей. Пятая, простудившаяся, лежит на лугу и не хочет есть. Повидимому, ее дни сочтены.

Целые сутки идет снег и покрывает толстым слоем палатки, выюки, седла.

НА УСТЬЕ ЭЛЬГИ

Возле Дыры-Юряха нам оставаться не к чему, надо пройти к нашему астрономическому пункту, на устье Эльги, еще пятнадцать километров. Не стоит вести с собой в Оймекон всех людей и груз — они могут остаться на устье Эльги и затем, когда я найму оленей, прямо отсюда поехать в Крест-Хальджай. Это даст мне возможность, оставив слабых лошадей на Эльги, уехать на сильных в Оймекон, не нанимая новых у здешних якутов.

Прощаемся с Мичикой. Он едет домой через горы.

5 октября переходим на устье Эльги. Леса, луга, где желтая высокая трава своими метелками еще подымается над снегом. На полпути встречаем Карьку — «клешева скотина» опять убежала, и ее не могли найти. Александр рад: по крайней мере хоть одна лошадь из связки есть, а то всех растерял на дороге, начиная от коня № 18, в самом начале экспедиции при переправе через Алдан. Теперь видно, кто лучше выбирал лошадей: те связки, в которых были смирные лошади, понесли наибольшие потери, а буйные лошади Иннокентия все бодры, сдает только Рыжка.

В зарослях у Эльги много заячьих следов. Мы несколько раз встречаем якутов, несущих пойманных зайцев. Их здесь ловят петлей, укрепленной на треноге над заячьей тропой.

После вчерашнего снега сегодня опять ясно и холодно — 26 градусов мороза. Но Эльги все же не стала. У нее большие забереги, метров по пять-шесть; река темнеет широкой полосой среди снегов. Против летнего уровня

Вброд через Эльги поздней осенью.

она очень сильно спала, и говорят, что через нее можно переправиться вброд. На том берегу, ослепительно блестящем, какая-то черная фигура предупредительно прорубает проход в забереге. Это Петр Атласов, у юрты которого мы стояли, в качестве хозяина расчищает путь. С этой стороны заберег также прорублен. Лошади боязливо заходят в воду, но брод очень мелок, и все проходит благополучно.

Со следующего дня начинаем устраивать остающихся. Протопопов и Михаил обязательно хотят срубить зимовье. Выбирают место в густом лесу вблизи астрономического пункта. За день русские спиливают сорок семь больших лиственниц.

Якуты пока устраивают свою судьбу иначе — отказываются от своей комнаты в зимовье и переезжают в юрту к Петру Слепцову.

Вместе со Слепцовым к нам приходит молодой якут Федор Кривошапкин. Он одет элегантно: новые, хорошо подобранные меховые оленьи сапоги-унты, рукавицы с отворотами из лисьих лапок, тарбаганья шапка, суконная куртка на меху, с оторочкой из бурундука.

Федор предлагает себя в проводники до Оймекона.

Я отдаю ему одну из лошадей, оставшихся в Дыры-Юряхе, в обмен на корову. Корову сейчас же приводят — она на выпаске у Петра Атласова.

Всего на устье Эльги до двадцати юрт. Среди жителей Петр Атласов, наверно, самый бедный. У него три коровы и ни одной лошади. Коровы дают летом по бутылке молока, зимой, наверно, втроем одну бутылку. Семья Атласова — человек пять или шесть — питается этим молоком да зайцами, которых они ловят. Он сам нередко заходит к нам в своей истертой оленьей парке, на которой почти не осталось волос, и, сгорбившись, курит трубку у костра. С ним лопата для выравнивания снега: после того как поставлена петля на зайца, надо заровнять следы. На лопате накручены волосяные петли.

Избу строим размером 4 на 6 метров, с двумя комнатами. На второй день положили все семь венцов, накат из тонких бревен и начали заваливать землей крышу. Михаил выстругал доски и сбил дверь; поставили две железные печки, в окна натянута бязь. Стены проконопачены осокой, которую привез Атласов.

10 октября почти все закончено, и русские рабочие переселяются. На следующий день переезжаем и мы. Очень приятно после холодной и тесной палатки сидеть в тепле, спать раздевшись. Изба сложена так хорошо, что, хотя ночью не топим, к утру температура доходит до 10 градусов тепла. Чтобы не так выдувало, на ночь окна вместо ставен закрываются сенными потниками.

Внутренность избушки имеет несколько мрачный вид, как и все северные зимовья. Чтобы «запахло» настоящим Джеком Лондоном, надо только поставить на печку бобы со свиной. А так есть все: и нары, и ружья по стенам, и развешанная одежда, и раскаленная докрасна печка.

В течение нескольких дней, остающихся до отъезда, я обмениваю наиболее слабых лошадей на мясо, масло, теплые шапки, рукавицы, заячьи одеяла. Ни шуб, ни меховых сапог здесь достать нельзя, и придется прислать их из Оймекона.

В зимовье постоянное оживление: мы готовимся к отъезду, а остающиеся всячески усовершенствуют свое жилище — забивают гвозди, прибивают полочки, ручку к двери и т. п. На дорогу нам пекут лепешки из пресного теста — вот уже больше двух месяцев, как кончились сухари.

Постройка зимовья.

Наконец получается известие о том, что стала Индигирка.

Со мной в Оймекон поедут Салищев и трое якутов, кроме Афанасия, который остается на Эльги как переводчик — он немного знает по-русски.

Мы оставляем в зимовье почти все продукты — муку, табак, сахар. В общем, нашим товарищам хватит на месяц, а за это время я надеюсь прислать на оленях новые запасы.

15 октября выступаем. Под вьюки — их всего шесть — и под верх выбирают лучшие лошади. Это кони, привычные к горам, и за десять дней отдыха на сухой траве они поправились. Они обросли густо зимней шерстью и приобрели вид пухлых детских игрушек.

В юрте Петра Слепцова — прощальный чай. Нам подают лепешки и хаяк. Хаяк — это смесь масла с молоком и водой, сбитая и замороженная. Хаяк подается расколотым на куски и превосходен на вкус, когда в нем примесь воды незначительна. Он в комнате не скоро тает, если заморожен при температуре ниже 30 градусов, и контраст с горячим чаем особенно приятен. На днях Слепцов прислал нам в качестве киси по кругу хаяка и мороженных сливок — последние еще вкуснее.

У юрты Слепцова нас встречает Федор. Одна из наших лучших лошадей у него под седлом. Богатое якутское седло с серебряными инкрустациями и с черным чепраком, покрывающим зад лошади и спускающимся двумя углами на ляжки.

Лошади собраны, их всего тридцать три. Мои глаза останавливаются на Карьке. Эта «лешева скотина» опять нас будет задерживать своими хитростями и прятаться в лесу! Но Федор смотрит на нее восторженными глазами — в Якутии очень редки темные лошади, вороных совсем нет, а карие, которых называют вороными, считаются первоклассными. И Федор с дрожью в голосе спрашивает, сколько я хочу за Карьку. Я отвечаю: «Бир мэхак» («один мешок» — сто рублей; «сто» по-якутски «сюс», но для денег употребляется слово «мешок»), и Карька, к обоюдной радости, переходит к Федору.

Мы запоздали и поэтому быстро идем вперед. Иннокентий гонит табун в двадцать голов. Лошади все время отбегают в сторону, в луга, и Иннокентий гоняется за ними с криком. Он умеет, как никто, дико взвизгнуть, гоняя лошадь, так что жутко становится в лесу.

Сегодня мы доходим до конца эльгинского расширения уже в темноте. Ноги в сапогах деревенеют от холода, несмотря на солнце: уже 26 градусов мороза. Издалека видны искры, снопом выбивающиеся из трубы юрты, где мы должны ночевать. Кажется, мы никогда не доедем. Вот наконец изгородь и гостеприимно распахнутые ворота. С трудом слезаешь с седла, привязываешь коня к «сергэ» — точеному столбу. Нагнувшись,ходишь в юрту. Она полна якутами, стоящими у камина. Но все они стоят спиной к огню — у якутов не принято греться, глядя мечтательно в струящееся пламя. Огонь в камине силен, и на него даже больно смотреть.

Трудно передать, как приятно после мороза погреться у камина, при этом зная, что лошади стоят в загоне, им даво сено и что не надо заботиться об их дальнейшей судьбе.

Начиная с этого дня Федор в счет уплаты за Карьку доставал нам на каждом ночлеге сена.

Обычно путешествующий якут не покупает сена: летом лошадь его пасется на подножном корму, а зимой во всякой юрте не только накормят его, но и его лошадь. Для юрт, стоящих на оживленных дорогах, это тяжелая повинность.

Выше Тыэллаха долина Индигирки сразу суживается: с востока подступает склон Верхоянского хребта, с запада — высокая группа гор. Вдоль утесов мы выходим на лед Индигирки и потом на правый ее берег.

Мы с Яковом задерживаемся у утесов и, как всегда, отстаем. К концу дня — встреча, которой я никак не ожидал: в лесу стоит одна из наших слабых лошадей, Чалка Александра. Два длинных перехода подряд исчерпали ее силы. Мы пытаемся гнать лошадь дальше, но ее хватает только на какие-нибудь полкилометра.

За соседним холмом другой сюрприз: в такой же унылой позе щиплет траву Рыжка. Теперь мы пытаемся вести ее. Я тяну спереди, Яков бьет сзади. При переходе через сухое русло Рыжка падает на камни. Когда мы вдвоем ее поднимаем, у нее подгибаются ноги, мускулы дрожат — они мягки, как тряпочки, и лошадь снова падает. У нее к тому же болит спина. Если оставить лежать, она замерзнет или сдохнет от голода. После получасовой возни нам удастся поднять ее и отвести на жалкую траву рядом.

Ночью достигаем расширения Юддех. Здесь пышные луга и одна юрта, бедная, но, как всегда, с ярким огнем. Когда подъезжаем к ней, ее силуэт со снопом искр рисуется на иссиня-черном небе. Ярко-желтая луна освещает серебряные горы.

В Юддехе проводим весь следующий день — надо привести отставших лошадей и выкормить их. Сена на вторую ночь нехватает, поэтому кормят только наиболее слабых, а остальных пускают в луга. Они иногда возвращаются к юрте, бродят вокруг загородки и щиплют остатки сена среди навоза.

Утром я делаю маленькую экскурсию на тот берег, к утесам. Остальной день сидим в юрте.

Зимняя юрта отличается от летней прежде всего тем, что к ней вплотную примыкает хлев — «хотон», дверь в который всегда открыта, чтобы он обогревался тем же камином, что и юрта (или, вернее, двери нет совсем). Юрта (по-якутски «балаган») построена так же, как летняя, но немного ниже и меньше. И она и хотон снаружи прикрыты слоем земли с навозом. Дверь обита шкурой, окна осенью со стеклами, но хозяева начинают уже вставлять на зиму льдины. Льдину вытесывают по величине

Оймеконская долина (юрта и хотон).

отверстия и замазывают снегом с водой. Такое «стекло» теплее, чем рама с настоящими стеклами — в ту всегда дует, стекла к тому же разбиты, а льдина прилегает гораздо плотнее; света она дает больше, чем рама с мелким переплетом, затянутая слоем инея. На льдине изнутри также оседает слой инея, но его каждое утро отскребают ножом. За несколько месяцев льдина проскребается насквозь, и тогда вставляют новую.

Утром коров выгоняют из хотона через юрту, чтобы не охлаждать хотона. Им дают сена столько, чтобы они не сдохли; удой от этого, конечно, не улучшается. Лошадям сено дают только тогда, когда на них ездят, в остальное время они на подножном корму. Вводить на ночь в хотон лошадь считается вредным.

У камина на шестке всегда несколько котлов со льдом, который топится на воду: вода привозится только в виде льда на санях, так как водоемы сильно промерзают. Воды нужно много, главным образом для чая. Пьют его без конца, каждого проезжего тотчас поят чаем, и хозяйка или хозяин опять пьют с ним. У огня медный чайник всегда наготове (самовар в Оймеконе бывает только у богачей). Вокруг огня все время вертятся ребяташки;

они полуголые, несмотря на зиму. Тут же сидит собака, которая их облизывает. Собак в Оймеконе мало — охота плохая, не стоит держать, — а кошек совсем нет.

У маленького мальчика, который торчит у камина, есть кожаные штаны, но они сзади разрезаны, и он ездит задом по земляному полу.

Каждое утро вся семья поочередно моется из тазика; вытираются довольно чистым полотенцем, полощут зубы; гостям для этого в чашке дают нагретую воду. Грубые фарфоровые чашки всегда вымыты, стол вымыт щеткой и вытерт.

Юрта делится на две части: правая от входа — для гостей, левая — для хозяев (в центральной Якутии расположение обратное). В правой части — ряд нар, из которых самые почетные в дальнем углу — «билирик» и «правая передняя нара», где садится высокий гость. Наименее почетная — у входа; на нее садятся гости из числа не важных.

Во время ночевки на почетных местах располагаемся мы с Салищевым, на средней наре Конон, дальше Федор, а если остается еще место — Яков и Иннокентий. Часто есть еще гости, и младшие ложатся на сене на полу.

Несмотря на такое количество народа, в юрте всегда свежий воздух: камин служит прекрасным вентилятором. К утру градусов пять тепла. Рано утром затапливают камин, и он горит до поздней ночи.

Хозяйские нары помещаются на дальней стене, налево от почетных; по левой стене — дверь в хотон и обычно полки для посуды. Шкафчик для чашек и мелочи стоит у хозяйских нар. Передняя стена — для дров. В юрте уходит за день около четверти сажени дров, а в больших юртах и больше.

Снабжать юрту топливом — довольно утомительное занятие, тем более что якуты здесь рубят только сухостойные деревья, и, когда вырубают все кругом, приходится ездить далеко.

Женщины сидят и работают на хозяйских нарах и, выходя во двор, обходят камин, находящийся посредине, с темной, задней стороны. Старая пословица говорит: «Если женщина проходит между мной и моим огнем, то может мне испортить промысел и счастье». Вообще женщины, по старым правилам, должны были держать себя скромно и тихо.

Но хозяйка юрты Юддеха, старая вдова, уже забыла про эти правила. Весь день мы слышим ее скрипучий голос. Она делает замечания ребятишкам, которые шалят, и взрослой дочери, недостаточно внимательной к своим обязанностям. Особенно достается какому-то дряхлому старичку, который в темном углу трудится целый день. Ему дали выделывать камас — кожу с ног оленя, из которой делают унты и наколенники. Хозяйка пилит старика все время, и он не покладая рук перетирает кожу руками на доске.

На-днях сын старухи убил дикого оленя, и сегодня все лакомятся оленьими ногами. Ободрав с них камас, отделяют мясо с голени и едят сырым — это считается лакомым блюдом. Потом вынимают мозг и тоже едят его сырым.

Вечером юноша приносит оленью тушу. Он старается держаться как хозяин; ему едва семнадцать лет, но семейные относятся к нему с почтением, даже сердитая мать. Мужчина, даже если он еще мальчик, — хозяин дома.

Молодой хозяин греется чаем, затем начинаются расспросы. Наши якуты каждый раз с большим удовольствием рассказывают обо всех приключениях.

Всем нам хочется продать здесь Рыжку или Чалку, чтобы не погубить их на дальнейшем пути. Федор хочет использовать наше положение и предлагает за обоих шестьдесят рублей. Наши якуты с жаром рассказывают, какие это были хорошие лошади, особенно воспевают былые подвиги Рыжки. У юноши горят глаза. Иметь такую бойкую лошадь, которая кидается на людей, — разве это не идеал наездника?

В конце концов мы сторговываемся за пару коротких оленьих шуб (парки), унты и наколенники. Все это захватит Федор на обратном пути и отвезет в зимовье.

Два следующих дня мы идем по два коса (по пятнадцать километров) в день. На большее мы не рискуем.

Второй короткий переход — до устья реки Кюёнтя, большого левого притока Индигирки, который принимает в себя многоводную, знакомую нам по летней дороге Брюнгаде. Река еще не стала, но у нее широкие забереги. Мы идем вдоль них, ища брода. Часть табуна подходит напиться, лед подламывается, и все оказываются в воде. Одна из лошадей, Большой Серко Михаила, уже силь-

но истощенная, не может подняться, и ее вместе со льдом относит вниз. Кое-как ей удастся выкарабкаться.

Иннокентий храбро едет в ледяную воду в поисках брода. У заберега на другой стороне вода по грудь — не вылезти. Наконец брод найден, но трудно заставить лошадей пройти заберег. Многие из них падают на скользком льду, и слабые не могут встать. Поднимаем их, но они снова падают. Особенно много возни с мокрым Серко и с Чалкой: они совсем не стоят на ногах.

Теперь проводим их через плывущее сало. У того берега нужны новые усилия, чтобы заставить лошадей вскочить на скользкий заберег. Чалка не в силах — она падает в воду у края заберега; мы выволакиваем ее на лед, затем тащим по льду до гальки. Здесь ее удастся поставить на ноги. Но, пройдя шагов сто, она снова падает. Тщетно мы пробуем поставить ее — она падает, как резиновый чортик, из которого выпущен воздух. На ней совсем нет жира — кожа обтягивает кости и тощие остатки мускулов. Наконец мы подсовываем под передние ноги животного кусок брезента, под задние — бревно и почти несем ее. Она грузно лежит на подхватах и только задевает ногами почву.

Дотаскиваем ее таким манером до лужка на острове

Ущелье Юн-Кюрме на Хандыге.

и здесь оставляем. Следовало бы тащить дальше — Чалка еще мокрая и может замерзнуть, — но сама она не дойдет, а нести на себе слишком тяжело. Вечером, приехав в юрту, посылаем Чалке сена. Наутро новый посланный находит ее уже мертвой, замерзшей.

На устье Кюёнтя мы ночуем в урочище Мойнобут, в богатой юрте. Прежде всего поражает, что при юрте нет хотона. Теперь борьба за отделение хотона от юрты ведется в Якутии с большой энергией, везде в школах развешаны плакаты, доказывающие необходимость постройки отдельного хлева, но пятнадцать лет назад в Оймеконе мы видели юрты без хотона только у двух-трех богачей; и хотон отделяли от юрты хозяина, только чтобы присоединить его к рядом стоящей юрте рабочих.

Хозяина нет дома. Нас принимает хозяйка, бойкая и словоохотливая женщина, которая, председательствуя за столом, говорит больше всех. Старинные правила поведения здесь уже уступили место новому быту. Сыновья ездят учиться в школу, за Верхоянский хребет, в Крест-Хальджай.

В Мойнобуте я расспрашиваю о возможности нанять оленей в Якутск. Здесь слышали, что я заказывал оленей судье Богатыреву, что я обещал быть к покрову, слышали даже, что богатый якут Неуструев ждет нас в Оймеконе, чтобы вместе с нами и со своей семьей ехать в Якутск. Мы должны всё узнать в фактории Якторга в Оймеконе: Богатырев, уезжая, поручил заботу о нас заведующему факторией Евграфу Слепцову; это человек ученый, он позаботится обо всем. Говорят даже, что нам заказана теплая одежда.

Сколько в этом правды? Я помню крест-хальджайские сплетни и несколько сомневаюсь в добродетелях Неуструева, любезно нас ожидающего. Не новый ли это Иннокентий Сыромятников?

Переход от Мойнобута до долины Оймекона через низкий горный отрог сопровождается еще большим разгромом нашего табуна. Уже в шести километрах от Мойнобута остается на поляне в лесу одна лошадь, которую, по моей просьбе, гонит обратно в Мойнобут встречный якут. Дальше остается в разных местах еще пять.

Я опять отстаю для осмотра утесов, и на мою долю падает задача собирать этих лошадей, гнать их дальше. Скоро я убеждаюсь, что они не в состоянии пройти даже полкилометра.

Чум эвенов в ущелье Юн-Кюрме.

В темноте мы выезжаем в долину Оймекона и останавливаемся в бедной юрте в урочище Чангычанах.

Назавтра здесь днюем — надо собрать лошадей. Приводят всех, кроме Большого Серко: ночью он попал ногой в яму между кочками, сломал ногу и замерз.

Пока выкармливаются лошади, опять наблюдаем жизнь якутской юрты. Эта беднее и грязнее, чем в Юд-дехе. Хозяин — угрюмый человек с черной бородой, резко выделяющей его среди почти безбородых сородичей. По лицу его видно, что в нем есть примесь русской крови.

В юрте один только стол (обычно их два — для гостей и для хозяев). Топят скудно, не так щедро подкидывают свежие поленья и ждут, пока они обуглятся, и в юрте часто становится темно. Но зато есть самодельные сал-ные свечи, которые зажигают к обеду.

Опыт последнего перегона заставляет принять новый план дальнейшего продвижения. Из Чангычанах мы выступаем двумя партиями — связку слабых лошадей отдельно ведет Иннокентий и заезжает среди дня в чью-нибудь юрту покормить их. Ночуем в урочище Ют-Урбыт («Молоко положено») у бывшего учителя оймеконской школы И. Слепцова. Это снова хорошая, чистая юрта, с полом и перегородками.

ОЙМЕКОНСКИЕ ДЕЛЬЦЫ

У Слепцова мы узнаем, что благодетельный Неуструев, ждущий нас в Оймеконе, на самом деле подрядчик: он вместе с другим дойдунцем, Поповым, взял от Богатырева подряд доставить нас через хребет. Дойдунец — это выходец из Дойды: так зовут в Оймеконе Лено-Алданскую область. «Дойду» по-якутски значит «вселенная»; отсюда, из глухого угла, в самом деле Якутск кажется средоточием вселенной.

Еще один переход — и мы будем в фактории Якторга, где «ученый» Евграф Слепцов нам все расскажет.

23-го, выезжая из Ют-Урбыт, мы удостаиваемся видеть одного из наших подрядчиков, Харлампия Попова, по прозвищу Улар (глухарь). Он приезжает утром и пьет с нами чай. Это грузный человек с толстой чувственной нижней губой и отталкивающим лицом. Он критически осматривает наших лошадей. Мы видим его еще раз

днем — он проскальзывает в стороне, мимо нашего каравана.

Фактория Якторга, где мы ночуем, пока помещается в урочище Ебюгэ-Кюёля (Озеро Предков). Это не селение, а опять-таки одна-две юрты. Исполком еще в двух косах дальше.

Вечером в факторию является сам «ученый» Евраф — короткий, круглый якут с маленьким усиками на упитанном личике. Он быстро вкатывается в юрту в серой суконной куртке и пушистой песцовой шапке.

Вопреки якутскому обычаю — сначала поговорить часа два о посторонних вещах и потом перейти к делу, — я сразу спрашиваю Слепцова об отправке в Якутск. Слишком долго — с самого Якутска — мне не давал спать этот вопрос, и я не в силах больше ждать.

Слепцов не менее охотно объясняет мне:

— Вот, от нечего делать я взялся доставить вас в Крест-Хальджай и заключил договор с Богатыревым.

Он показывает мне два договора: первый между народным судьей Богатыревым и Якторгом, второй между последним и подрядчиками Поповым и Неуструевым.

Слепцов со снисходительной улыбкой говорит:

— Мы и так имеем очень много хлопот, но нельзя не помочь экспедиции. Мы всегда готовы содействовать научным работам.

Но ясно, что помощь эта гораздо выгоднее для подрядчиков, чем для нас: вместо того чтобы гнать оленей, как обычно здесь бывает, порожняком до Крест-Хальджая за грузом, подрядчики получают по шестидесяти рублей за нарту; кроме того, по договору обусловлено медленное движение и небольшая нагрузка. Настроение в юрте убеждает меня, что здесь я встречу заговор с целью эксплуатации экспедиции не хуже крест-хальджайского и что пока нужно быть осторожным.

Действительно, Слепцов с большой поспешностью начинает наступление по главному пункту. Разговор переходит на лошадей:

— Да, видел я бедняжек. Много пришлось им перенести. По-моему, вам прежде всего надо заняться их спешной ликвидацией.

Я предлагаю фактории купить всех лошадей.

Слепцов отвечает саркастически:

— Нет уж, я не рискну на такую операцию.

На комиссию он склонен взять, но считает, что лошади очень плохи.

Мы выходим с ним во двор, и он говорит:

— Вот эти четыре не переживут нынешней ночи, эта тоже, эта тоже, вот эти никуда не годны, эти еще хуже. У вас есть только одна хорошая лошадь. Проще всего вам продать лошадей сразу в одни руки. Здесь есть такие лица, которые могут купить всех. Развяжетесь, по крайней мере.

В юрте уже появился наш подрядчик — Харламбий Попов. Он греется у огня в ожидании чая. Слепцов приглашает его к нам за занавеску. Я сообщаю ему свои цены — сто рублей за плохую лошадь, сто пятьдесят — за среднюю, двести — за хорошую (я слышал, что к весне в Оймеконе лошадь стоит триста-четыреста рублей).

На хищном лице Попова улыбка удовольствия. Он ласково объясняет мне, что прокормить до весны лошадь стоит сто рублей, что половина наших лошадей за зиму сдохнет и поэтому он мне даст на круг по пятьдесят пять рублей за лошадь, и это окончательная цена.

А ведь за самых плохих лошадей на Эльги я выручал по семьдесят-восемьдесят рублей!

И я отказываюсь от переговоров.

Слепцов отзывает меня во двор и настойчиво советует уступить всех лошадей по семьдесят рублей. Я попрежнему тверд, но на душе скребут кошки: мне Конон сообщил на ухо, что здесь всё в руках Харлампия, что если мы ему не продадим, никто не решится перебивать у него, что сено Слепцов отпустил плохое и мало и что в районе, где расположен исполком, сена нет.

Между тем я веду переговоры с Поповым о перевозке нас в Крест-Хальджай. По договору, он должен подать оленей на михайлов день (21 ноября) и взять нас подле исполкома Оймекона. Я пытаюсь его уговорить, чтобы он подал оленей раньше и на устье Эльги, а не сюда. Но он твердо стоит на договоре: раньше михайлова дня все равно снегу мало, на Эльги ему не по пути. За триста рублей он согласен перевести наших с Эльги — даже не в Оймекон, а прямо на южную зимнюю дорогу.

Но я хочу сделать смелый удар и, пока тая свои планы, отказываюсь от предложения Попова. Мне Конон уже шепнул, что проводник Федор непрочь взять подряд на перевозку с Эльги до Оймекона.

Вечерний чай проходит в тяжелом напряжении.

Эвенские дети играют у чума.

После чая я перехожу в наступление. С любезной улыбкой говорю Слепцову, что забота о продаже наших лошадей причинит ему, видимо, очень много хлопот, поэтому завтра же утром я уведу их к исполкому. Слепцов сразу меняется в лице и лепечет, потеряв свой самоуверенный тон:

— Это невозможно, там нет сена.

Затем он старается представить мне радужные перспективы комиссионной продажи через Якторг.

Второй удар — я нанимаю Федора, нашего проводника, доставить груз и людей с Эльги в Оймекон. Федор за время дороги оценил достоинства Мышки и хочет взять его в уплату за доставку. Кроме того, он покупает одного из плохих коней.

До исполкома всего семнадцать километров, и мы проходим их благополучно — только один желтый конь отстает на полдороге.

Исполком помещается в старом центре Оймеконской долины. В 1926 году это поселение, носящее название Томтор, состояло из двух деревянных церквей, юрты священника, большого здания школы, больницы, дома судьи и четырех или пяти юрт местных жителей.

Здание школы, где нас поместили, — с тремя классами, но в одном пока помещается кооператив, в другом — изба-читальня, которую очистили для нас. Ученики разделены на четыре группы, но учитель один, и ему одновременно приходится учить и самых маленьких, которые изучают всё по-якутски, и старший возраст, которому надо преподавать всё по-русски. Раньше, до революции, в Оймеконе была церковно-приходская школа, в которую из Якутска присылали учителя, не знающего якутского языка, и он обучал детей, не знающих ни слова по-русски; все преподавание велось тогда на русском языке. Следов этой учебы не заметно — знают немного по-русски только молодые, кончившие советскую школу.

Учеников двадцать четыре, от малюсеньких хороших детей до неуклюжих юношей. Пока в школу могут посылать детей только состоятельные родители. Нужно содержать ребенка отдельно от семьи, а это в якутском хозяйстве тяжелый расход. Со временем будет устроен бесплатный интернат при школе, и тогда, конечно, число школьников сразу возрастет. Пока же самый культурный здесь — школьный сторож, у которого учатся четверо детей.

Все утро за перегородкой слышно, как повторяют младшие дети склады, а старшие бьются над стихами «Вышел на крылечко дедушка Федот...» или учат месяцы: «Феврал, март, апрел, июль...» На переменах они возятся в коридоре и стараются заглянуть в щель нашей двери. Особенно мил маленький эвен-сирота, которого привез в школу судья Богатырев.

Сейчас в Оймеконе нет ни предисполкома Индигирского, ни судьи Богатырева. Судья уехал вместе с начальником милиции — он же единственный милиционер — в Семчан, селение на Колыме в семистах километрах на восток. Вся верхняя Колыма в 1926 году входила в Оймеконский улус; всего в нем две с половиной тысячи жителей, из которых тысяча двести человек — в двух наслегх собственно Оймекона и пятьсот — по Нере и Тарын-Юряхе. Всем улусным властям при объезде улуса приходится делать концы по пятьсот-семьсот километров, и судья, уехав осенью, не вернулся еще к декабрю.

НОЯБРЬ В ОЙМЕКОНЕ

Первые две недели в Оймеконе я провел в очень оживленной деятельности. Надо было заготовить теплую одежду, продукты и продать лошадей. В первое же утро по прибытии я продал четырех худших лошадей по сорок-пятьдесят рублей и, главное, в обмен получил сено для остальных коней. В тот же день были проданы две средние и две хорошие лошади — последние по сто пятьдесят рублей, и настроение рынка сразу изменилось. Первыми стали покупать члены исполкома и другие оймеконцы, которые не хотели, чтобы Попов дешево достались хорошие лошади. Попов до конца вел агитацию против нас и лично не купил ни одной лошади (хотя, может быть, были и подставные покупатели — его агенты). Неуструев же к концу попросил продать ему одну лошадь среднего качества, так что ясно — враги экспедиции были разбиты. К концу двух недель все лошади были распроданы по хорошим ценам.

За лошадей мне очень редко давали деньги — приходилось брать пушнину, шубы, унты, шапки, рукавицы, оленьи шкуры, мясо, молоко, хаяк.

Каждый сотрудник экспедиции получил пару унтов (из камасов), пару оленьих чулок, надевающихся внутрь

унтов, пару заячьих рукавиц, штаны из пыжика, пыжиковую шапку и оленью шубу. Для наших товарищей, оставшихся на Эльги, теплая одежда была отправлена 8 ноября вместе с гостинцами — хлебом, табаком и конфетами.

В первые же дни по прибытии Салищев начал вести астрономические определения возле школы, и я помогаю ему. Еще нет теплой одежды, а по ночам 30 градусов мороза, и нам приходится трудно.

Зато мы имеем возможность любоваться каждую ночь северным сиянием. Оно перекачивается по небу складками, как свернутая занавеска. «Юкагирский огонь» — якутское название северного сияния — якуты увидели впервые, придя на север, в страну юкагиров (одулов). Кругом тишина, нет ветра, все спокойно и безмолвно — и это причудливое холодное пламя, которое, извиваясь, движется по небу.

В Оймеконе зимой не только почти нет ветра, но и очень мало осадков. За месяц, что мы были там, снег выпадал очень редко. Небо то сияющее, то затянутое легкой дымкой или серым туманом, из которого падает легкий снег в виде пыли.

Это неудивительно: Оймекон закрыт от ветров, приносящих влагу, со всех сторон высокими хребтами. Эти же хребты служат барьерами, внутри которых в Оймеконской впадине скапливается холодный воздух. Уже с 10 ноября у нас замерз ртутный барометр (спиртового у нас не было — мы не собирались зимовать в горах), и температура даже днем держится все время ниже 40 градусов Цельсия. Только в конце ноября на три дня наступает оттепель, когда днем температура поднимается до 30 градусов, и мы выскакиваем из дому неодетые, без шапок. По некоторым признакам надо думать, что по ночам уже в ноябре температура была ниже 50 градусов.

Между тем на полюсе холода, в Верхоянске, в том году температура ниже 30 градусов держалась с 6 ноября, а ниже 40 градусов — только с 22 ноября. Сравнение этих наблюдений конца октября и ноября с наблюдениями в Верхоянске показало, что Оймекон холоднее Верхоянска. И действительно, метеорологические наблюдения, которые позже были поставлены в Оймеконе, показали, что зимние месяцы в Оймеконе всегда на

3—4 градуса холоднее, чем в Верхоянске. И Оймекон должен считаться истинным полюсом холода.

Чтобы использовать полное пребывание в Оймеконе, я, закончив все хозяйственные дела, съездил вверх по Оймеконской долине, в верховья Индигирки, к горячему источнику Сытыган-Сылба.

Когда через неделю я вернулся в Оймекон, получилось первое письмо от наших, оставшихся на Эльги. Протопопов подробно описывал свою робинзоновскую жизнь. Главное и печальное в ней событие — это тяжелая болезнь Афанасия. 1 ноября он почувствовал себя плохо и затем так разболелся, что не мог подниматься, и от боли в желудке кричал. Вероятнее всего, это рак или язва желудка. Старику, как оказалось, шестьдесят лет, а при найме он говорил, что пятьдесят пять, и он застарелый алкоголик. Сейчас боль прошла, но слабость такая, что он не может сидеть на нарах. Неизвестно, удастся ли его привезти в Оймекон.

Другое событие радостное — это изготовление хлеба. В журнале партии отмечено, что 26 октября сделана закваска из кислого молока и сахара и 27-го удалось выпечь хлеб. Вырыта яма, и в ней сделана хлебная печь. Это коллективное творчество: закваска Протопопова, печь Михаила и выпекает Петр. Нам послали в гостинец хорошо выпеченный, вкусный хлебец из пшеничной муки.

21 ноября в тумане от оленьего дыхания они явились и сами, в больших оленьих шубах, закутанные шарфами. Афанасий приехал также — ему гораздо лучше, он даже ходит, но я помещаю его в больницу.

Михаил и Петр ворчат: они представляли себе поездку на оленях спокойным удовольствием, а тут мерзнут ноги, леденеет лицо, а рядом с нартой не побежишь — снег и кочки.

Сегодня михайлов день, 21 ноября, но вместо оленей я получаю от Попова записку: «Во-первых привет и почтение, вчера приехал с тунгуса гр-н Николаев Егор и говорит загонял волк оленей не известна сколько оленей свел сколько дней будут содержаться».

По рассказам, волки угнали оленей куда-то далеко, и их ищут. Целых семь дней прошло, пока снова собрали всех оленей, и только 28 ноября удалось двинуться.

Мы пользуемся неделей отдыха, чтобы приготовить для поездки палатки и печки.

Афанасий все в том же положении — слабость и легкие боли в желудке, но он ни за что не хочет оставаться в Оймеконе: он боится, что одному ему потом никак не выбраться отсюда, а Иннокентий и Яков довезут его до дома. Для него делают специальную нарту — сиденье оплетают веревками и ставят верх из брезента.

ОБРАТНО ЧЕРЕЗ ХРЕБЕТ ПРИ 60 ГРАДУСАХ МОРОЗА

28 ноября с утра лихорадочная укладка. Днем подают двадцать одну нарту: тринадцать для людей (включая двух проводников) и восемь для груза. Все население оймеконского центра собралось посмотреть на отъезд и попрощаться с нами.

Сначала никак не могут распределить груз, людей, оленей, потом все кое-как улаживается, и в половине четвертого, после заката солнца, мы выезжаем. Олени еще не приспособились к нартам — они молодые и многие в первый раз в упряжи. Два моих оленя совсем дикие. Едва тронув с места, они сцепляются рогами и падают. Весь поезд останавливается, оленей расцепляют. Через десяток минут другое происшествие: в овраге моя нарта опрокидывается, и я вываливаюсь. Все очень рады, а особенно довольны приехавшие с Эльги — они все уже вываливались и теперь считают себя опытными путешественниками.

Нарта сделана так, что сама судьба велит ей опрокидываться. На двух широких полозах укреплены плоские копылья, соединенные поперечинами из тальника или иногда лиственницы. По краям их соединяют продольные жерди, а сверху настланы две или три дощечки.

Спереди полозья соединены дугой из тальника (бараном), через который перекинута постромка.

Упряжка оленей необыкновенно проста и остроумна: широкая ременная петля перекинута через шею и проходит под передней внутренней ногой. Ременная постромка идет от этой шлеи к саням, перекидывается через дугу барана и идет к другому оленю. Запрячь и распрячь оленей — дело одной минуты: накидывают петлю на голову оленя, поднимают ему ногу и просовывают в петлю. Если один олень тянет плохо, другой сейчас же оттягивает постромку вперед, и ленивый олень

попадает ногами в баран. Таким образом, оба принуждены тянуть одинаково.

Общий ход регулируется передними нартами. Обычно проводник ведет связку из десяти нарт, и каждая пара оленей привязана к предыдущей нарте недоуздом. Как только трогает передняя нарта, следующие принуждены бежать. Трогают они легко и сразу переходят в рысь. Если нарта слишком раскатывается, олени разбегаются в стороны, и нарта, ударяясь бараном о переднюю, останавливается. Все части нарты связаны ремешками, в ней нет ни одного гвоздя.

Грузовые нарты шириной около шестидесяти — семидесяти пяти сантиметров и длиной в рост человека. Беговые, на которых ездят тунгусы и часто проводники-якуты, не шире пятидесяти сантиметров и почти на метр длиннее. У них спереди есть еще вертикальная дуга, за которую можно держаться, когда бежишь рядом. Эти нарты еще легче опрокидываются, но якуты и эвены никогда не лежат на нарте, а сидят, свесив ноги, и поддерживают нарту ногами, когда она накреняется.

Мы устраиваемся по-барски: сзади на нарту привязываем груз, подкладываем под себя оленью шкуру, и можно полулежать и даже спать. Но это опасно: спит только один Чернов, и нередко слышишь дикие крики: «Тохто (стой)!» и видишь Чернова, волочащегося по снегу под опрокинутой нартой, а возница не слышит (или из озорства делает вид, что не слышит) и мчится вперед.

В первый день мы делаем немного, всего пятнадцать километров. Ночевка в лесу. К счастью, относительно тепло, всего только 35 градусов мороза, но с непривычки кажется тяжело. Надо разгрести снег, нарубить и связать жерди, поставить их двумя пирамидами и к положенным на них продольным жердям привязать палатку. Потом поставить печку, наладить трубы. Сегодня это все делается очень медленно, все не налажено, долго приходится ждать, пока принесут жерди, напилят дрова. В темноте никак не собрать печку, колена труб не сходятся, хотя в Оймеконе они хорошо подходили. Наконец печка нагрелась, и можно скинуть с себя часть мехов.

Следующий день пересекаем плоские отроги Верхоянского хребта и выходим на Ючюгей-Юрях, приток Кюёнтя. Речка оправдывает свое название (ючюгей — хороший): на ней пастбища и несколько юрт. Но всюду

болота, снега очень мало, и нарты постоянно опрокидываются на кочках. Проводник не видит и не слышит, и много времени пройдет, пока едущие сзади докричатся, а олени тащат нарту полозьями вверх по кочкам, и ящики и сумы одна за другой рассыпаются по пути.

1 декабря проезжаем юрту нашего проводника и пьем у него чай. Это последнее жилье: дальше на пятьсот километров — ледяная пустыня без жителей. Разве только встретим эвенов. Юрта стоит в урочище Джакай. Это расширение в горах, где сходятся три реки, образующие вместе большую реку Кюёнтя. К северу от нас высятся уже большие горы — продолжение Брюнгадинской цепи, которую мы пересекали летом.

Прояснилось, небо сияет, и мороз днем за 40 градусов. Афанасию плохо. Он ночью не спит, все время стонет, его рвет; даю ему порошки висмута, но они плохо помогают. Он почти ничего не ест, только чай и немного молока. От тряски на кочках у него снова начались боли.

Начиная с этого дня и до 9 декабря мороз нас не оставляет. Повидимому, по ночам около 60 градусов мороза, а днем до 50 градусов. Все время слышен шум, как будто пересыпают зерно или ветер стряхивает с деревьев снег. Это шум нашего дыхания. Влажное дыхание замерзает, образуются иголочки льда, которые шуршат, ударяясь одна о другую. Якуты называют этот шум «шопотом звезд». От дыхания оленей, когда они бегут, поднимается такое облако пара, что совершенно не видно гор и даже ближайших деревьев. В тумане различаешь только соседнюю нарту, следующая уже скрыта. Только когда караван останавливается и олени дышат не так порывисто, можно разглядеть окрестности. К тому же солнце стоит низко, мы едем в ущелье, и его почти никогда не видим. Сейчас самые короткие дни; уже в половине четвертого совсем темно. Здесь, как в саду якутских сказок, «нет дня, а все темная ночь». Все время едем во мгле, завернутые до глаз в шарфы. Когда у задней нарты рвется постромка, олени убегают вперед, а нарта остается, и никто не замечает этого. Только на остановке в пути, поправляя нарты, узнаем о потере. Во избежание этого на последней нарте каждой связки у нас сидит человек.

В мехах все-таки холодно. Быстро мерзнут ноги, несмотря на теплые унты, меховые чулки, две пары шер-

стяжных носков и войлочные стельки. Чтобы обезопасить себя от холода, надо было бы сделать меховые одеяла и сидеть, закутавшись в них, но все время нарта наклоняется на кочках и камнях, надо ее подталкивать, поднимать.

Мы предпочитаем туземный способ — когда холодно, соскакивать и бежать рядом с оленями. Скорость их рыси — около восьми километров в час, и нетрудно держаться наравне с ними, если не слишком много накручено одежды. На проводниках очень легкая одежда — драная безволосая парка, ровдужные штаны и ровдужные холодные унты. Они бегут почти все время — в таком костюме не усидишь. Наши якуты одеты немногим теплее, — только что парка новая, но штаны и унты у них тонкие, и они удивительно изящны, стройны и ловки. Особенно хороши Яков и Иннокентий, когда они сбрасывают парки и легко бегут рядом с нартой, в одной курточке, туго стянутой поясом — куском скрученного ситца. Русские рядом с ними — как медведи, какие-то кучи меха в своих дохах и громадных унтах (у якутов ноги удивительно маленькие). Особенно монументален Александр, сидящий на широкой нарте с громадным меховым хронометровым ящиком. Какой-то меховой бог холода.

Я соблюдаю местные обычаи — еду сравнительно легко одетый, в одном полушубке. Но на это есть серьезные причины: в кухлянке к утесу не проберешься, не достать ничего из кармана. А сбрасывать ее каждый раз невозможно: каждое лишнее прикосновение к холодным предметам замораживает руки. И я предпочитаю соскакивать каждые полчаса с нарты и бежать рядом с оленями, пока не начинаю задыхаться.

Лица у всех — и у якутов также — укутаны шальями или шарфами; все время оледеневшая маска на лице, в узком просвете у глаз нарастают сосульки и бугры снега, ресницы покрываются льдом, глаза закрываются.

Но это все пустяки, главное — руки. Чтобы иметь возможность работать, мы обшили компасы материей, выбросили кожаные поясные сумки. Салищев держит записную книжку и компас в холщевом мешочке на шее, а я — в карманах полушубка. Я в двойных рукавицах, а Салищев пришил большие волчьи рукавицы к шубе, внутри заячьи рукавицы, дальше перчатки; для работы рука просовывается в прорез рукавицы на пульсе — по тунгусскому образцу.

Но ничто не помогает: в эти дни в двойных рукавицах руки у меня совершенно холодные. Не успеваю я вынуть руку из рукавицы, взять компас и книжку, как рука деревянеет и нельзя записать наблюдений. Особенно мучительно брать образец и делать снимки. Много раз случалось, что, вынув аппарат и раскрыв его, я не был в состоянии нажать спуск, и приходилось прятать опять аппарат в карман, сложив его кое-как. А затем — мучительное отогревание рук в холодной рукавице. Салищев в отчаянии стал засовывать руку сквозь все меха и греть ее о голое тело. Это, кажется, самое верное.

У него еще другое несчастье: останавливаются часы. Он перепробовал все наши часы, и ни одни не выдерживают. В кармане везти их нельзя — не достанешь на морозе, а внутри двойной рукавицы через два-три часа они замерзают. Он пробовал их даже надевать на ногу под шубу — также мало толку.

Ничего подобного не испытываешь при морозах меньше 40 градусов: тогда можно писать без особых мучений. А теперь каждая пуговица, которую надо застегнуть, представляет препятствие, и, расстегнув полушубок, чтобы достать из внутреннего кармана аппарат (на морозе замерзает затвор), я ехал расстегнутым несколько километров, пока не нагревались руки, или просил о помощи Якова.

Меня поражали якуты, особенно проводники: они вообще необыкновенно выносливы. Оттого, что они все время бегут, у них горячие руки. Ломаются нарты, и по пятнадцать-двадцать минут они голыми руками перетягивают ремни, развязывают узелки, строгают.

А нарты ломаются часто. Мы мчимся, не разбирая камней и кочек. Нарты ударяются о дерево, о камень, подсакивают, на спусках с размаху стучаются друг о друга — проводники не обращают никакого внимания. На спуске тормозит задняя пара оленей: они тянут за недоуздки, которыми привязаны к передней нарте.

К самой задней нарте привязывают запасного оленя, чтобы он тормозил. Но, если спуск крут и передних оленей бьют по ногам задние нарты, олени отсакивают в стороны, нарты с размаху ударяются баранами о передние, и вся вереница, давя друг друга, мчится вниз. Несколько нарт при этом запереечат, опрокинутся — ничего, все увязано.

Олени бегут очень весело, берут с места охотно и

легко. Обычный их ход семь-восемь километров, но, когда я отставал на утесах, Яков, ехавший со мной на передней нарте, потом пускал нарты галопом, со скоростью километров до пятнадцати. Хороша такая езда, дух захватывает! Впереди пара скачущих оленьих задков, туча мелкого колючего снега в лицо, нарта раскачивается, как бешеная, только успеваешь перекидываться с одного края на другой на ухабах, чтобы нарта не опрокинулась.

Двигаемся мы теперь почти все время по рекам, где ровнее и можно быстро ехать. Во многих местах тарыны — свежий лед, захватывающий всю долину. Олени широко расставляют ноги, копыта у них расплзаются, люди соскакивают и бегут рядом, нередко олень падает, но связка не останавливается, и оленя тащат, пока он не ухитрится встать. Мы сначала кричали «тохто» (стой), но проводник Уйбан сказал (он знает несколько слов по-русски):

— Один олень упал, два олень упал — ничего. Все олень упал — мой бежит, ничего, едем.

И теперь мы равнодушно смотрим, как то одного, то другого оленя его товарищи тащат на боку.

В самом деле, оленей так много и они так часто попадают ногой куда не следует, что нельзя постоянно останавливаться, тем более что во время остановки олени обязательно переступят постромки или станут ногой в дугу барана. Они при этом забавно чешут задней ногой морду, счищая лед, или трут морду о спину пассажира. Вообще у них нет такого делового подхода к работе, как у лошадей: на остановках сразу ложатся, в пути начинают драться друг с другом, с ними можно шалить, дергать за хвост, за рога. Они похожи на каких-то больших кошек, в особенности некоторые безрогие, пестрые. У нас почти все серые и коричневые, белых два или три. Рога спилены до половины, чтобы не цеплялись за соседа. Олени очень кротки и безропотно сносят побои — не кусаются, не лягаются. Впрочем, их почти и не бьют.

Правят одной вожжей, привязанной справа к голове правого оленя. Чтобы заворотить направо, достаточно потянуть вожжу, но налево не повернешь никак. Поэтому проложенная оленьим караваном по широкой реке дорога представляет странное зрелище: она не идет прямо к цели, а все время крутит. Мы видим, как возникают эти изгибы: олени идут вправо до тех пор, пока

ямщику не надоедает; он соскакивает, догоняет оленей и бьет правого по морде, тогда они поворачивают влево и начинают закручивать туда. Ямщик тянет за вожжу направо, и история начинается сначала. Говорят, что в других областях Севера олени понимают какие-то слова и идут, куда надо. Но здесь они совершенно необразованные, и у нас передовой нарте случалось описывать полный круг, на потеху остальным. Тогда вперед выезжает Иннокентий — он всегда хочет поддержать честь своего улуса перед оймеконцами, — но, как назло, его олени тоже кружат, только в противоположную сторону.

Особенно забавны олени на тарыхах, покрытых водой, еще не успевшей замерзнуть. Оленям не хочется идти вброд — кому же придет охота мокнуть при 60 градусах мороза, — и они всячески стараются обогнуть воду. Когда их заставят пойти, куда надо, они поднимают хвостики, как будто можно подмочить их, и, расставив широко ноги, торопятся перебежать тарын. Пассажирам тоже приходится беречь ноги, чтобы не замочить унтов.

Как только начинает темнеть, мы останавливаемся на ночлег, так что всего едем пять-шесть часов в день. С оленей сбрасывают лямки, и они убегают в гору, грациозно подняв голову. Более хитрым привешивают на ремне к шее бревно («чанкай»), которое бьет по ногам и мешает бежать. Размеры бревна соотнобразуют со степенью хитрости зверя.

В это время все наперегонки разгребают снег под палатки, рубят жерди, натягивают палатки. Это мучительная операция: надо привязывать палатку к жердям голыми руками, и концы пальцев замерзают. Все страшно холодное — палатки, жерди, веревки. Деревья так замерзли, что звенят от удара топора. Печка холодная, дрова тоже, разгораются плохо. И почти час мы сидим в палатке, ожидая, пока она нагреется настолько, чтобы можно было раздеться. Сначала снимаешь рукавицы, шарф, потом шапку и наконец полушубок. Больше ничего снимать не приходится, наша печка в эти морозы слабо нагревает; возле нее мех на одежде горит, а в задней половине на стенах осаждается толстым слоем иней.

Как только разгорелась печка, вытаскиваем из мешка кусок масла; он колется, как стекло, на тонкие осколки. Мы поглощаем его в большом количестве с сухарями,

Хитрому оленю надевают чанкай.

подогретыми на печке. Чай еще не скоро — надо растопить лед, а в плохих местах даже снег. На одной ночевке чай получился с резким запахом, вроде мыльного: это попал снег с багульником.

Вечером все четыре палатки — три наших и одна проводников — сплошь завешены меховыми вещами. Ведь каждый снимает с ног штук десять-пятнадцать всяких обуви, да еще рукавицы, шапки, шарфы. Все это надо просушить. Но у нас сохнет плохо — ночью палатки выстывают.

Однако нам ночью тепло и без печки. В палатке научных сотрудников едва хватает места для нас четверых, и когда мы залезаем в спальные мешки, покрываемся дохами, то в этой меховой куче мороз не пробивает. Спим одетые, в меховых штанах и теплых фуфайках, и снимаем только унты, заменяя их запасными меховыми чулками. Самое неприятное — утреннее разжигание печки. Мы делаем это по очереди, и остальные лежат в мешках, пока дежурный не растопит печки и палатка не нагреется.

Наш Уйбан разоряется для приманивания оленей на соль; он берет несколько крупинок на руку и кричит: «Мэк, мэк, мэк». Пока олень облизывает руку, другой рукой его хватают за недоуздок и ведут к саням. Далеко у нас олени не разбегались, и за два часа их легко собирали. За всю дорогу на них истратили, наверно, не больше фунта соли. Это все, что они получают от человека.

От Джакая мы едем короткое время вверх по долине реки Суантар, затем сворачиваем в узкое ущелье реки Кюнгкюняс. На их слиянии во льду огромная яма — это вода из-под льда ушла, просочившись в галечник, а выше русло промерзло до дна, и новая вода не может проникнуть в яму.

Кюнгкюняс прорезает южную часть Брюнгадинской цепи. Черные скалы, сейчас мрачные, громоздятся кверху. В шарфе и шапке трудно поднять голову, и кажется, что едешь в темном коридоре, где никогда не бывает солнца.

Из-за угла на паре хороших оленей вылетает нарта, и на ней кто-то в кухлянке. Наш караван останавливается, и все собираются у головной нарты. При ближайшем рассмотрении оказывается, что путник — миниатюрная эвенская девушка с открытым, несмотря на мороз, ли-

*Перевал через Верхоянский хребет с реки Хандыги на реку
Кобюму.*

цом. Она держится с достоинством и степенно отвечает на любезности якутов. Вот олени помчались, и она легко вскакивает на ходу: не полагается садиться до того, как двинулась нарта, потому что оленям трудно сдвинуть ее с места и лямка сбивает им плечи. И, когда кто-нибудь из наших лениво лежит на нарте при отправлении, на лицах якутов можно видеть насмешливую улыбку.

Когда ветер относит густой пар от каравана, я вижу впереди Уйбана, который бежит рядом с нартой, держа за ее дугу левой рукой. Уже давно я любовался в старинных книгах о северных путешествиях этим типичным жестом, может быть в течение нескольких тысячелетий неотделимым от северной природы. И теперь, час за часом, целых две недели сквозь пар дыхания я вижу эту древнюю картину, столь же старую, как и сама езда на оленях.

Мы и идем теперь по древнему пути — здесь проехал верхом в феврале 1786 года путешественник Гаврила Сарычев, который прошел из Якутска в Верхне-Колымск и построил там суда для исследования побережья Ледовитого океана.

К вечеру 2 декабря выходим из ущелья в расширение, выше которого река поворачивает на запад. Еще

три дня едем вверх по этой реке между пологими склонами слегка волнистых гор. Это тот же пейзаж, что в верховьях Томпо на северном пути. Обгоняем партию якутов, везущих пушнину из Оймекона. Зимний тракт гораздо оживленнее летнего.

Мороз как будто все время усиливается. 5 декабря переваливаем через Чыстай, и тут нас захватывает южный ветер. Все тело леденеет. Не знаешь, куда деться в этой открытой долине.

Перевал здесь на границе леса: мы едем по широкой ледниковой долине, которая и за перевалом все еще поднимается, но в ней уже появляется узкая долинка — это Хандыга врезалась в верховья Кобюмы, только что пройденной нами реки. Мы снова в бассейне Алдана.

Круто и быстро спускаемся по Хандыге.

Назавтра выходим в широкую долину. Здесь горы такой же высоты, как и на Кобюме, но длина все углубляется, и скоро она превращается в такое же глубокое ущелье, как и по Теберденю. Голые скалы по обе стороны, ребристые скаты до километра высоты.

На Хандыге мы знакомимся еще с одним из зимних препятствий — с водой. Из галечников выбиваются струи воды, которые приходят из глубины и не успели еще замерзнуть. Струи эти сливаются в целую протоку, которую нужно перейти. Олени останавливаются перед ней и, несмотря ни на какие крики и битье, не хотят идти в воду. Уйбан уже разбил в кровь морду головного оленя, но тот только тоскливо отворачивается. Людям тоже не хочется мочить ноги — хотя брод только до колен, но что потом делать с обмерзшими унтами? Вдруг Яков берет своих оленей и храбро пускается вброд. Другие связки гонят поспешно за ним, и речка пройдена. Желтые щегольские унты Якова покрыты до колен льдом. Я предлагаю ему запасные, но он отказывается: унты новы и вода не прошла. Он только сбивает палкой и ножом лед, и мы снова мчимся.

Помните, в «Дочери снегов» Джека Лондона героиня попадает в мокалинах, то есть в меховых сапогах, в воду, и сколько из-за этого было потом шуму. Разрезают мокасины, разводят костер... А ведь в Клондайке никогда не было таких морозов, как здесь.

Днем еще брод, более глубокий. Нарты заливают поверхность досок, и наши подстилки и груз обледеневают.

Еще день по Хандыге. Ущелье становится все гран-

диознее. На Кобюме белые, как будто сахарные, горы вырисовывались на фоне желтоватого, светлосоломенного неба в час заката. Здесь, на Хандыге, солнца не видно совсем. Серебристые от снега и инея леса сияют на тусклом сером небе днем, на иссиня-черном ночью.

Вечером санный след завел нас к эвенской юрте. В глухом лесу — черное низкое строение из бревен, сделанное по образцу якутской юрты, но гораздо теснее и грязнее. Снаружи оно завалено оленьими сумами. Мы приподнимаем рваную ровдужную завесу на дверях и вползаем внутрь. Там полутьма, в очаге тлеют угли. Сначала видишь только их. Очаг в углу, вровень с полом, и над ним в потолке просто дыра. Немного свыкнувшись с темнотой, различаешь человек семь или восемь эвенов, сидящих на земле у огня. Грязь страшная, неудобно, холодно, нет ни нар, ни стола, нет даже шкур на земле. У огня старуха в грязных и рваных ровдужных штанах пьет чай. Чашки стоят прямо на земле. Тут же лежат две собаки, короткомордые и печальные.

Накатанная дорога кончилась. Мороз сегодня, несмотря на безветрие, еще сильнее прохватывает.

8 декабря мы вступаем в Скалистую цепь. Долина Хандыги превращается в извилистое ущелье. Опять тарыны, но на этот раз грозные, с водой, заливающей все ущелье. Навстречу три нарты с «барышнями», как их мне рекомендует Яков, бредут по воде. Барышни в кухлянках и шалях, и видны только черные глаза. Повидимому, это также эвенские девушки.

Мы избираем другой путь — по рытвине в скалистом крае долины взбираемся на поверхность древней террасы. Подъем трудный — узкая ложбина с камнями; нарты опрокидываются, возок Афанасия перекидывается через верх; Афанасий в снегу. Мы общими усилиями вытаскиваем экипаж и помогаем Афанасию взойти.

Но скоро терраса кончается, и приходится снова спуститься в ущелье, залитое водой. Нарты мчатся во весь мах одна за другой; каждый боится отстать — тогда олени не пойдут. Одна связка обгоняет другую, и вот в тот момент, когда Конон в этой водяной скачке поровнялся с моей нартой, раздается треск, и все мы — Конон, Яков и я — проваливаемся сквозь лед. Под верхним слоем воды другой этаж наледи, со слабой верхней коркой льда, еще только начавшей замерзать. Мы проломили эту корку и провалились до следующего слоя.

Вода заливает нарты, олени бьются, разбивают кругом лед и падают. Их кроткие черные глаза выражают крайнюю степень ужаса. Вода зловещим пятном расползается во все стороны.

Конон и Яков бредут по воде, а мне очень не хочется идти за ними — я не верю в свои унты. Ближайший край льда рассечен трещиной. Выдержит ли? Но раздумывать некогда, и я решаюсь прыгнуть. Мне повезло — льдина не обломилась, и я спасаюсь на сухое место. Чернов успевает обрезать постромки задних оленей, чтобы они не стянули в полынью остальные нарты, и олени вытягивают облегченные нарты на лед.

Снова мы мчимся галопом — караван ушел вперед. Вдруг я замечаю, что в утесах меняются горные породы. Вместо черных сланцев появляются известняки, пласты которых лежат совсем иначе. Останавливаю Якова, но впервые за полгода слышу от него ответ в резком тоне: «Тох нада, у бар (что надо, вода)». Он боится отстать от других в этом гибельном ущелье. Приходится покориться, и только в небольшом расширении дальше я могу осмотреть утесы и взять образцы, насколько это позволяют замерзшие руки.

Конон меняет здесь прямо на морозе унты, а Яков опять только обивает свои палкой.

Нам повезло: если бы нижний этаж тарына был глубже или под ним была тонкая кровля над третьим слоем, мы наслаждались бы полным купаньем. По рассказам, здесь были случаи гибели эвенов, провалившихся вместе с оленями под лед.

Ночью все время ветер с гор; к утру ветер достигает такой силы, что рвет палатку. Просыпаемся со странным ощущением — тепло. Высовываемся из палатки — можно рукой брать что угодно. Начинаем гадать, сколько градусов: один говорит — 40 градусов мороза, другой осмеливается поднять — 25 градусов. Но термометр показывает головокружительную цифру — 15 градусов мороза! Невозможно поверить, такие температуры здесь неслыханны. Но ртуть все время повышается и в десять часов утра доходит до —9 градусов. Что-то невероятное!

Весь день в спину, вниз по ущелью, — страшный ветер, но впервые мы едем с открытыми лицами, снегу много, мягко, олени бегут быстро, нехватает только бубенчиков, чтобы было московское катанье. К вечеру — 6 градусов, наконец утром 10 декабря — 5 градусов.

В Якутске метеорологи не хотели нам верить: в эти дни там было 19 градусов мороза. Сильный циклон захватил Алданский склон Верхоянского хребта и создал эту необыкновенную оттепель.

Но сейчас же температура начала еще быстрее падать, и к вечеру 10-го было уже —25 градусов, а 11 декабря замерзла ртуть, и пошли холода, хотя еще и не оймеконские, но почтенные.

Из всего пережитого за зиму меня более всего ошеломила эта оттепель. Сидеть в палатке совершенно раздетому, не видеть над собой пластов инея и, главное, трогать все предметы голой рукой после двух недель ледяного режима казалось изумительным. И даже первая ночевка в юрте на Алдане после этого не оставила большого впечатления.

Снега на этом склоне хребта все больше и больше. Когда идешь к утесам, проваливаешься и набираешь в унты. Под палатку мы уже не разгребаем снег, а слегка утаптываем и, чтобы не провалилась печка, кладем под нее ножки камни и дрова.

На дне долины появились первые ели, но на склонах гор все та же лиственница, запорошенная слегка снегом, и на мутном сером небе странно серебрятся гребни гор с зубцами леса.

Только 11 декабря пересекаем Окраинную цепь и выходим из хребта. Перед нами снова Алданская низменность.

Наши олени начинают утомляться, часто ложатся, хромают, худеют — у них видны ребра.

12-го и 13-го — все еще по Хандыге: ведь по ней до Алдана сто километров. Встречаем три нарты с великолепными белыми оленями. Первая упряжка сейчас же начинает бодаться с нашей головной, а мы сбегаясь посмотреть встречных. Эти олени возили из Оймекона бухгалтера: в семь дней они промчали шестьсот километров от Оймекона до Крест-Хальджая, отдохнули и везут в Оймекон нового председателя исполкома. Несколько минут разговоров, и белые олени мчат его в горы. От него я узнаю, что в Крест-Хальджае нас ждет какой-то якут, который заготовил лошадей, чтобы отвезти в Якутск. Опять кто-то ждет! Нет, довольно таких любезных благодетелей — пообедем лучше стороной.

Сзади все меньше и меньше становится белая стена хребта. Когда-то мы так жадно следили на Томпинских

болотах за ее увеличением, — теперь никто не оборачивается посмотреть, как она исчезает. Смотрят только вперед.

14-го в полдень выходим по Хандыге на Алдан; в этом месте он узок и покрыт торосами. Дорога идет вдоль него, а затем через леса наискось к устью Амги. Начинаются юрты. Конечно, мы заворачиваем, чтобы напиться чаю. Здесь уже подают к чаю не хаяк, а чистое масло: удой в этом районе не бутылка в день, как в Оймеконе, но пять. И целая гора лепешек — хлеб есть и свой и дешевый привозной. У Петра улыбка не сходит с лица: он увидал гумно и скирду хлеба.

Начинается санная дорога со следом посредине — это ездят на лошадях, и нашим оленям, которым нужно два параллельных следа, некуда ставить ноги. Они спихивают друг друга рогами в снег, бодаются, каждый старается бежать по среднему следу.

Ночуем в юрте Харлампия Попова, в урочище, наводящем на печальные размышления: былахы (блохи). Здесь семья Харлампия, а сам он в Оймеконе, так сказать, на отхожем промысле. Юрта построена, как русская изба, и только плоская крыша и камни еще остались от старого быта. Нары вдоль стен превратились в широкие скамейки. Несмотря на свое богатство, хозяин и не думает нас угощать.

Сын Харлампия не менее предприимчив, чем отец, и вызывается собрать по соседям лошадей, чтобы отвезти нас в Якутск.

Первый перегон половина каравана идет еще на оленях — лошадей привели прямо в наслег Согуй на Амге. В последний раз смотрим на круглые серые спинки милых животных. Даже Михаил, завзятый лошадиник, и Петр, который не хотел садиться на оленей — «в кустах все глаза выхлещут», — им жаль расстаться с ними и сменять на лошадей, в особенности на здешнюю упряжку: здесь запрягают коня в те же олени нарты, только приделав к ним оглобли. Лошадиные копыта у самого передка, и невольно представляешь себе, как разнесет лошадь это легкое сооружение, если оно опрокинется.

Особенно легки и изящны беговые санки; они очень короткие, сзади сплетена спинка, а человек сидит спереди верхом, бороздя ногами по глубокому снегу, поистине «бразды пушистые взрывая».

В Согуе встречаем еще один признак цивилизации —

первую кошку. Это маленький пестрый котенок, греющийся у огня. Он, брезгливо отряхивая лапки, пробирается через юрту.

20 декабря достигаем Охотского тракта и Татты, где есть почтово-телеграфная контора. Отправляю целую пачку телеграмм, которые выводят из равновесия даже меланхолического заведующего конторой. — вероятно, с ее основания здесь не подавали таких чудовищно длинных телеграмм.

Экспедиция настолько затянулась против всех мыслимых сроков, что нас стали уже считать погибшими.

К Якутску мы подъезжаем вечером 24 декабря. На Лене туман, из которого время от времени выскакивают сани: туда и обратно едет много народу. Все, и мужчины и женщины, закутаны в шали, так что видны только глаза. На Лене почти всегда ветер.

Показываются огни Якутска. Странно, какая масса огней в одном месте!

В начале января, закончив экспедицию, мы выехали из Якутска на лошадях по тракту через Алданские прииски на Уссурийскую железную дорогу.

ХРЕБЕТ ЧЕРСКОГО

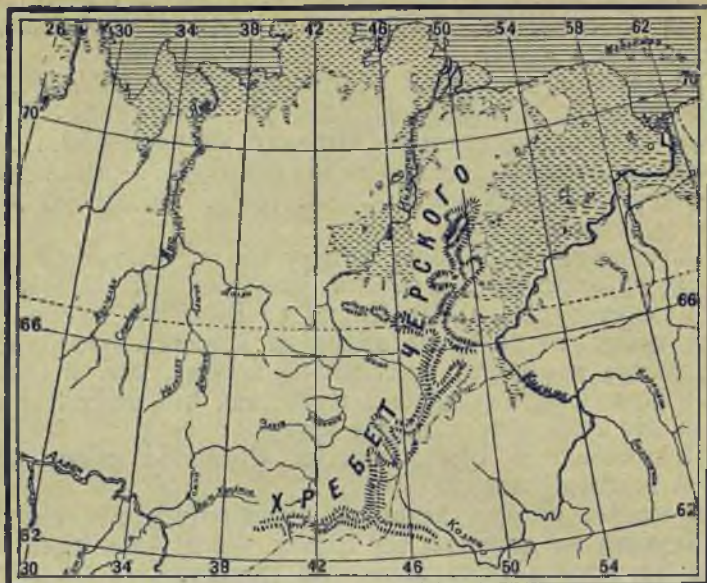
Я не рассказывал подробно о тех научных наблюдениях, которые мы вели ежедневно. Ведь не для того мы мучали и себя и животных, чтобы только поглубже забраться в неизвестную страну. Нашей целью было возможно более полное исследование всех этих бесчисленных хребтов.

Ежедневно, невзирая на дождь, снег и холод, как бы ни беспокоила нас судьба каравана, мы занимались своим делом — геологией и съемкой карты.

Чего же мы добились?

Вы помните, что, двигаясь по Индигирке вниз от устья Эльги, мы нашли на месте низменности, которую по расспросам здесь указывал Майдель, высокие горы — целый ряд диких скалистых цепей, тянувшихся с востока на запад.

Сопоставив эти наблюдения с геологическим строением гор и с наблюдениями Черского, который на пути из Оймекона в Верхне-Колымск также перевалил через несколько высоких цепей, я пришел к выводу, что мы

Так изображалась на картах до 1926 года горная страна, впоследствии названная хребтом Черского.

открыли громадный хребет, тянувшийся параллельно Верхоянскому хребту через всю страну.

На старых картах северо-востока Азии показано, что весь Колымско-Индигоирский край окружен с запада, юга и востока стеной хребтов Верхоянского, Колымского и Анадырского и от этих хребтов отходят внутрь по радиусам, подобно спицам в колесе, меньшие хребты, разделяющие реки Яну, Индигоирку, Колыму и Омолон.

В действительности оказалось, что и реки и хребты идут совсем иначе. Верхоянский хребет — очень широкий мощный хребет, состоящий из нескольких параллельных цепей. За ним к востоку лежит обширное высокое Оймяконское плоскогорье и затем новый громадный хребет, состоящий на Индигоирке из девяти цепей. Он тянется далеко на север и переходит за Верхоянско-Колымский тракт, а на юго-восток уходит за тропу, по которой прошел Черский. Длина хребта — свыше тысячи километров, а ширина — от ста пятидесяти до трехсот километров. Он выше всех хребтов северо-восточной Азии.

Так изображается эта горная страна на картах теперь.

Каков хребет дальше к востоку? Заворачивает ли он на юг параллельно Верхоянскому хребту, или на восток и потом, в виде дуги, на северо-восток идет вдоль Колымского?

Пятнадцать лет тому назад никто этого сказать не мог, потому что весь бассейн Колымы выше Верхне-Колымска был не изучен. Там побывал только ссыльный этнограф Иохельсон. Из его краткого описания было видно, что Колыма ниже Коркодона пересекает какие-то горы, сложенные известняками, и из этого можно было заключить, что древние горные породы, слагающие северную полосу хребта, проходят, изгибаясь дугой, к Коркодону. Может быть, и весь хребет поворачивает туда?

Наши геологические исследования показали, что Верхоянский хребет, Оймяконское плоскогорье и новый хребет составляют одну огромную область, смятую в складки в мезозойское время. На север эта складчатая зона идет до Ледовитого океана, но что с ней делается на юго-востоке?

Наша экспедиция захватила краешек огромной неизвестной страны. Множество новых вопросов встало перед нами, и, чтобы хоть в общих чертах выяснить строение северо-востока, нужно было проникнуть еще дальше на восток, на притоки Колымы, изучить эти бесконечные горные цепи.

Но как назвать новый хребет?

Государственное географическое общество, рассмотрев представленные мною материалы, решило назвать его хребтом Черского — в честь Ивана Дементьевича Черского, политического ссыльного, умершего в 1892 году на Колыме.

Судьба его замечательна. Родившись в 1845 году в Виленской губернии, он восемнадцатилетним юношей был сослан за участие в польском восстании в Сибирь и служил шесть лет солдатом в Омске. С 1871 года он работал в Иркутске, где скоро стал крупным геологом. Он написал там ряд интересных работ по геологии Сибири, обративших на себя общее внимание. Гениальный самоучка, он дал схему строения Сибири, которая, по отзыву самого выдающегося европейского геолога того времени, Зюсса, была «изумительной и далеко опередившей тогдашние воззрения». С 1885 года Черскому разрешают поселиться в Петербурге, и вскоре ему удастся организовать экспедицию в Якутию, о чем он давно мечтал.

В 1891 году Академия наук командировала его на три года в области рек Колымы, Индигирки и Яны. В июне 1891 года он выехал вместе с женой (которая должна была работать как зоолог) и двенадцатилетним сыном из Якутска с караваном в сорок четыре лошади. Верхоянский хребет был пересечен по летней дороге, огибающей реку Хандыгу с юга, по ее притокам. Черский перешел Индигирку у родового Оймеконского правления и далее пошел на северо-восток, через хребет Тас-Кыстабыт и лежащие севернее высокие цепи. В Верхне-Колымск он пришел 28 августа и зимовал здесь. Весной 1892 года экспедиция поплыла вниз по Колыме.

Черский, человек слабого здоровья, зимой серьезно заболел. К весне он понял, что дни его сочтены, и торопился привести в порядок свои наблюдения. Выезжая из Верхне-Колымска 31 мая, он говорил одному местному жителю: «При самых лучших условиях я надеюсь протянуть еще недели три, но больше вряд ли». И, зная

это, он все-таки выехал! «Я сделал распоряжение, чтобы экспедиция не прерывалась до Нижне-Колымска даже в том случае, когда настанут мои последние минуты, и чтобы меня тащили вперед и даже в тот момент, когда я буду отходить». Он считал необходимым довести работу до Нижне-Колымска, чтобы была исследована вся нижняя Колыма.

Первое время — до 10 июня — он сидел в лодке на носу и давал указания жене и сыну, которые осматривали утесы. На ночь он перебирался в кибитку, разбитую в лодке, но спать ему не удавалось из-за глубокого кашля. 10 июня приплыли в Средне-Колымск. Здесь его видел наблюдатель метеорологической станции. По его словам, «Иван Дементьевич скажет слово и минут пять-десять ждет прекращения горловых спазмов, чтобы сказать следующее слово, а тут опять те же спазмы прерывают надолго его речь».

С 20 июня Черский уже был не в силах писать дневник и передал его ведение жене. И вот записи шести последних дней жизни своего мужа М. П. Черская, во исполнение его непреклонной воли, вела, чередуя наблюдения геологические и метеорологические с короткими и трагическими фразами: «Мужу хуже, силы его совсем слабеют».

Последние дни и ночи Черский провел в сидячем положении. Мужество не оставляло его до последней минуты, и он даже давал распоряжения, что делать маленькому сыну с его бумагами, если жена не переживет его.

Черский умер в 10 часов 10 минут вечера 25 июня (старого стиля) у устья реки Прорвы. Здесь буря задержала его жену на двое суток, и только 28 июня ей удалось приплыть к устью Омолона. Лишь к 1 июля была выкопана могила и сделан гроб, и в четыре часа Черского похоронили против устья Омолона. На следующий день в дневнике опять записи барометра и температуры, которые с 26 июня Марфа Павловна иногда забывала вносить.

3 июня Черский шутливо говорил:

— Впрочем, смерть меня не страшит: рано ли, поздно ли, но всем одна дорога. Я могу только радоваться, что умираю в ваших палестинах. Через много-много лет какой-нибудь геолог найдет, может быть, мой труп и отправит его с какой-нибудь целью в музей и таким образом увековечит меня.

Желание Черского исполнено, но иначе: его тело не выкопано из вечной мерзлоты и не увезено в музей, а о нем напоминает огромный хребет, памятник в тысячу километров длиной, триста километров шириной и до трех тысяч метров вышиной; по площади он больше Кавказа и выше всех гор Северной Сибири.

НА БЫКАХ

Только в 1929 году мне удалось продолжить исследования дальше к востоку. На этот раз экспедиция была организована Якутской комиссией Академии наук.

В январе мы покинули Ленинград. Из Иркутска большая часть экспедиции выехала с грузом на санях по Лене, а мне удалось воспользоваться только что открытой авиалинией и прилететь в Якутск задолго до приезда моих спутников.

Это позволило мне заняться здесь организацией экспедиции и закупкой снаряжения и продовольствия.

База Академии наук уже заранее заключила договор с якутом Сыроватским, который должен был доставить нас до Оймекона.

Передвижение экспедиции по Лене сильно замедлилось, и только за двое суток до назначенного для выезда из Якутска срока мои спутники начали прибывать один за другим поодиночке, закутанные в дохи.

Это были К. Салищев и Михаил П. и новые сотрудники — радист В. Бизяев и рабочие Василий С. и Аггей Г.

4 марта приходит половина подвод — десять тощих лошадей и три быка. Судя по ним, первый этап пути вряд ли сулит много удовольствия: подвод слишком мало для нашего груза, а быки обещают тягучее, скучное передвижение по три километра в час. Подрядчик, или, вернее, брат подрядчика, так как сам он уехал вперед на Алдан заготавливать оленей, убеждал нас, что быки гораздо лучше: сейчас на пути бескормица, лошади скоро обессили бы, а быки крепче.

6 марта ушла вперед большая часть груза — восемь тяжело нагруженных саней с Василием. В тяжелой собачьей дохе, с винтовкой, он сел на последнюю подводку. Больше до Алдана мы с этой партией не встречались — только иногда на снегу у дороги видели подпись Василия и жалобы на медленное продвижение.

8 марта приходят остальные пять лошадей, и мы выезжаем.

И тотчас за Леной, как только мы вступаем в область лесов и аласов, начинается непрерывная борьба за скорость, за темпы. Борьба с ямщиками, с лошадьми, с дорогой.

Ямщики были правы: действительно, вся полоса вдоль тракта охвачена недородом, сена для лошадей купить трудно; на ночлегах, повинуясь обязательным на Севере правилам гостеприимства, продают на ночь после долгих уговоров на пять лошадей один пуд сена.

Лошади заметно худеют и слабеют. На второй день уже одна из пяти отказывается везти, половина груза с нее перекладывается на других, и мы идем часть дороги пешком. На следующий день удается нанять быка — и как мы рады, что нашелся сговорчивый якут и дал это медлительное животное, от которого два дня назад мы отказывались! Бык делает три километра в час, но наши лошади идут не быстрее.

Так с каждым днем все хуже — лошади устают все больше и больше, приходится постоянно идти пешком, перекладывать груз с одной подводы на другую, помогать лошадям.

Нанимать быков трудно — почти весь скот угнан из этого района в другие, более обеспеченные сеном, — и часто удается достать только на короткое расстояние маленького быка, который может везти не более ста пятидесяти килограммов. За день иногда проходим только пятнадцать километров. В нашем караване постоянно новые лица — то громадный якут в мохнатой шапке, то совсем маленький мальчик, школьник, который везет с собой учебник и на ночлеге учит уроки.

16 марта, подъезжая к улусному центру Уолбе, от которого было еще более пятидесяти километров до Алдана, мы убедились, что на лошадях подрядчика Сыроватского до Крест-Хальджая нам не дойти. Двух лошадей пришлось совсем бросить, а с трех других саней переложить большую часть груза. В Уолбу мы все уже доходим пешком, сняв свои тяжелые собачьи дохи.

Так торжественно являемся мы к школе, большому с плоской крышей зданию, где и находим временный приют.

В Уолбе в улусном исполкоме меня встречает давно жданный и не раз уже прокливаемый Сыроватский, мо-

лодой и стройный якут с энергичным и жестким лицом. Он прерывает мои жалобы на скверных лошадей сообщением, которое заставляет сразу забыть обо всем остальном:

— Знаешь, я ведь оленей не нашел.

Действительно, оленей для пересечения Верхоянского хребта у него не было.

Чтобы понять всю трагичность нашего положения, надо знать, что оленей на самом Алдане достать нельзя, нужно заранее сговориться с оленеводами — эвенами и якутами, держащими свои стада в трехстах-четырёхстах километрах от Алдана, чтобы они привели подводы к назначенному сроку. К концу зимы свободных ездовых оленей вообще нет — они уже заняты транспортированием грузов или истощены гоньбой. Во второй половине марта ехать в центральные части хребта и искать оленей — дело почти безнадежное. Поэтому не только становилось невозможным достижение по зимнему пути Колымы, а было сомнительно, дойдем ли мы до Оймекона. Нам угрожало сидение до лета на Алдане, затем трудная организация выючного каравана и выход к Колыме осенью. А я предполагал достигнуть верховьев Колымы к весне, использовать весеннюю распутицу на постройку лодки и затем все лето посвятить изучению Колымы.

Как выяснилось потом, Сыроватский никогда не занимался перевозкой грузов на оленях. Узнав о выгодном подряде, он явился на базу Академии в Якутске и предложил самые низкие цены. Он надеялся, что, приехав на Алдан, он сразу наймет здесь оленей, и, обманувшись сам, поставил нас в очень тяжелое положение.

Но в Уолбинском улусном исполкоме мы встретили полное понимание задач экспедиции и горячую помощь. В Уолбе как раз в это время были представители Годниканского эвенского рода — председатель Гаврила Баишев и писарь, молодой якут Александр Егоров, прибывшие для решения вопроса о выходе тунгусов на поселение. Годниканский род постепенно переводят на оседлую жизнь. Ему отведены участки на устье Амги и на Алдане и дают на первое время муку и небольшое денежное пособие. Вот эти годниканцы и должны были спасти нас — у них надо было постараться достать оленей.

Через четыре дня мы получили от Комитета Севера, от окружного исполкома и от Совнаркома Якутии разрешение нанять у эвенов оленей.

Пока я вел переговоры с центром, мои спутники уехали в Крест-Хальджай на новых быках, радостно распрощавшись с Сыроватским. Я живу в просторной зале школы, обширное помещение которой, еще не вполне достроенное, днем наполнено шумной толпой детей. Иногда дверь в мою комнату отворяется, и в пролет выглядывает десяток черных круглых головок с блестящими глазами, громко шепчущих: «Нучча (русский), Обручев».

18 марта меня просят потесниться: в зале дается вечер в память Парижской коммуны (пьеса «Казнь коммунара» и декламация). Дети стараются играть с достоинством и серьезностью. Парижане, конечно, в русских костюмах; особенно забавен парижский мэр, в сапогах бутылкой, в черной рубашке и пиджаке, в картузе и с цепью и звездой на груди. Называют его «гражданин голова» (спектакль шел по-якутски, но некоторые «технические слова» введены русские). Когда уводят на казнь коммунара, его жена, розовощекая девочка в платочке, падает в обморок, и вдруг весь зал разражается смехом: по прежним якутским понятиям, для женщин смешно и неприлично так афишировать свои чувства.

Из Уолбы я уезжаю 21 марта, в большой компании, на трех легких маленьких санках. Исполком командировал для сбора оленей на Верхоянском хребте самого председателя, а с ним должны ехать Баишев и Егоров. Им предстоит заехать в горы на двести-триста километров, посетить ряд стойбищ и к 12 апреля прислать оленей к устью Амги. В Крест-Хальджае к ним присоединился еще Голиков, стройный и ловкий эвен средних лет, также должностное лицо в Годниканском наслеге: заместитель председателя.

В Крест-Хальджае, где мы провели в 1926 году памятные томительные дни в поисках проводника, нам снова предстояло ждать и бесцельно терять время. Я нашел здесь в школе всех своих спутников, включая Василия. Бизяев уже успел наладить радио и с восторгом слушает на коротких волнах Японию, Филиппины, Австралию, Сан-Франциско, Мексику. По вечерам послушать хабаровскую станцию собираются к нам учителя, которых, вероятно, наше нашествие совсем выбило из колеи.

30 марта прощальный вечер перед роспуском на каникулы, и мы удивляем школьников пятидесятисвечной электрической лампой, питающейся от нашей походной

динамомашины. А школа угощает длинным театральным представлением: сначала драмой из якутской жизни, затем декламацией («Жук-учитель», «Демьянова уха» и другие стихотворения).

Вечер заканчивается диспутом: учитель сделал доклад на тему «Виновен ли Дубровский?», стараясь доказать, что виновен. К глубокому огорчению докладчика, юная аудитория, прельщенная смелыми похождениями Дубровского, единодушно выносит оправдательный приговор.

6 апреля мы расстаемся с крест-хальджайской школой и отправляемся вниз по Алдану к устью Амги, где у нас была назначена встреча с оленями. Снова на быках, на этот раз уже почти без участия лошадей. Медленно, но по крайней мере надежно. Быки считаются более нежными животными, чем лошади; среди дня им обязательно надо отдохнуть, а ночевать в тепле, в хотоне (лошадь можно пустить и в снег — добывать копытами траву). И вот мы останавливаемся постоянно в юртах, долго пьем чай, ведем бесконечные разговоры. На переходах быки идут медленно, равнодушно пережевывая жвачку. Иногда вся вереница завертывает к проруби; ямщик прорубает свежий лед пешней и очищает прорубь лопатой, а быки медленно и степенно тянут морды к воде.

НА ОЛЕНЯХ С ЭВЕНАМИ

Через три дня после выезда из Крест-Хальджая мы доходим до Ынгы. Это небольшое поселение якутов около устья Амги, левого притока Алдана. Здесь нас должны встретить нарты с оленями, но вместо них является Александр и сообщает, что олени еще не готовы и будут ждать нас в лесу в устье Хандыги.

В лесу, куда мы переходим на другой день, в метель, на маленьком озере нас ожидает Голиков с нартами. Оленей еще нет. Их собирают еще два дня, и все это время мы стоим на озере и подготавливаем нарты. 12 апреля наконец удастся двинуться в путь.

В 1926 году мы проходили Хандыгу зимой, в самые сильные холода, в серые вечные сумерки, а сейчас — какая разница: нестерпимо яркое апрельское солнце освещает блистающую поверхность реки, и вершины Верхоянского хребта блестят вдали, как головы сахара. Снег

уже тает, и местами поверхность реки покрыта водой, которая идет теперь сплошной массой по снегу и покрывает реку на десятки километров.

Дорога (вернее, след проехавшего каравана, занесенный снегом) проложена по самой реке, и нам приходится ехать почти все время по воде. Иногда Голиков, который ведет наш караван, пытается выбраться на береговую террасу, но это еще хуже: на самой кромке берега мокрый снег вместе с водой образует густую кашу, в которой тонут олени и вязнут нарты. После нескольких попыток ехать по берегу мы снова возвращаемся на реку и миримся с тем, что вода заливает не только полозья наших нарт, но нередко и самый груз.

По мере того как мы приближаемся к Верхоянскому хребту, количество воды все увеличивается. Мои русские спутники начинают приходить в отчаяние; кажется, что впереди предстоит бесконечная борьба, что мы никогда не дойдем до Оймекона. Мы должны достигнуть его самое позднее в начале мая; между тем сейчас, еще не войдя в Верхоянский хребет, мы делаем в сутки иногда не больше десяти-пятнадцати километров. Мы тратим большую часть дня на вытаскивание нарт из снеговой каши и отыскивание проходов через опасные места. Олени выбиваются из сил. Проводники бродят все время по колени в холодной воде (по ночам морозы доходят до 40 градусов), и даже Александр, привыкший к здешним дорогам, начинает унывать. На своем оригинальном русском языке он говорит:

— Один олень сила кончал. Много олень сила кончал. Все свалом помирать будем — проводник олень свалом.

Но на эвенов эти наледи не производят никакого впечатления. Голиков в самые трудные моменты так же весело поет песни, прыгает и танцует, как он это делал на хорошей дороге.

Через несколько дней мы дошли до ущелья.

Сейчас лед в ущелье покрыт на двадцать-тридцать сантиметров водой. В самой середине ущелья на маленьком взлобке стоит большой чум, коричнево-желтый в лучах заходящего солнца. Баишев, выехавший заранее с реки Томпо для заготовки оленей, встретил нас за несколько километров до Юн-Кюрме. В чуме собралось человек десять эвенов, хозяев оленей, а вместе с ними их жены и дети, играющие возле чума в снегу.

Обычно сбор оленьего каравана продолжается очень долго. Только часам к одиннадцати удается найти всех оленей и запрячь их в нарты. Но после Юн-Кюрме эта операция продолжалась еще дольше. Дело в том, что у годниканских эвенов было слишком мало ездовых оленей; они привели нам не только важенок (самок), но и диких, то есть не езженных оленей. В это утро диких должны в первый раз запрячь в нарты. Они были отпущены пастись с большими бревнами, привязанными к шее, но все-таки поймать их было очень трудно. За некоторыми из них, самыми дикими, эвены гонялись на лыжах в течение всего утра.

Окружив оленя со всех сторон, эвены бросают свою «мамыкта» — длинный ремень, нечто вроде лассо с костяным кольцом и петлей на конце. Когда дикий олень пойман, его в ожидании отправки привязывают к дереву.

Наконец все олени пойманы и запряжены. Как только караван двигается в путь, дикие олени снова начинают биться и опрокидывают нарты.

В этот день нам нужно пройти верхнюю часть ущелья, также покрытую водой на протяжении нескольких километров; к счастью, вода нигде не достигает настила нарт. Выше ущелья лежит большой тарын. Как можно было видеть по деревьям, погруженным в лед, толщина льда в этой наледи достигала нескольких метров. Выше тарына мы снова останавливаемся — здесь эвенам хочется провести два дня. Они вообще смотрят на нашу экспедицию как на обычную кочевку, и им совсем не хочется торопиться. Единственный, кто сознает необходимость поспеть во-время по санному пути в Оймекон, это секретарь («суруксут») Александр.

Но в этом месте для стоянки есть серьезная причина: у важенок, которые шли с нами, начали рождаться оленята, и как раз в Юн-Кюрме появились на свет три олененка. Необходимо дать отдых важенкам, тем более что до сих пор они чрезвычайно добросовестно исполняли свои обязанности.

Оленята после рождения не могут еще есть мох, но начинают уже копытить снег, подражая взрослым. Обычно на стоянках они лежат, свернувшись, возле матери, иногда встают на свои тонкие ножки и оглядывают людей мутными и еще бессмысленными глазами. Важенка сердито охраняет своего детеныша и с яростью бросается на самцов и собак, которые приближаются к нему.

Наледь в верховьях Индигирки. Лесной пожар.

Самцы сейчас уже потеряли свои рога, и у них начинают расти новые — нежные, пушистые и толстые. Важенки до мая сохраняют рога, необходимые для защиты детей.

Две маленькие эвенские собаки и наш громадный Чонка трусливо убегают, как только к ним приближается важенька с опущенной рогатой головой. Чонка — большой пес из якутских лаек, родом с реки Чоны (приток Вилюя); он жил в базе Академии наук в Якутске и пристал к нашему каравану. Он очень оживляет наше путешествие — весело бежит то впереди каравана, то сбоку. Пока мы шли по населенным местам, он заводил оживленные знакомства и игры с местными псами или отыскивал где-нибудь в кустах куски заячьих тушек, брошенных якутами, и тащил их с собой, ложась время от времени на дорогу, чтобы закусить. В хребте ему пришлось хуже. Снег был слишком глубокий, и, попрыгав без дороги несколько километров, Чонка смирился и поплелся уныло позади каравана. Сейчас на стане его преследуют важеньки, и жизнь становится очень печальной.

Наши проводники едут со своими семьями. Баишев везет с собой жену, а Голиков — жену, свояченицу и маленькую двухлетнюю дочь Лидию. Взрослые женщины правят оленями, ставят палатки (а жена Баишева — чум), готовят пищу. Все это входит в женские обязанности. Мужчины заняты мужским делом — охотой. Лидия едет закутанная в меха, но на стоянках она выползает в своем легком костюмчике, в кожаных штанах с широким разрезом сзади и садится играть в снег. Она забавно подражает взрослым. Как-то раз у костра она хотела выдернуть палочку, воткнувшую в снег, и, когда та не поддавалась, вытащила из чума тяжелый топор и стала рубить палочку под самый корень.

Мы поднимаемся еще несколько дней вверх по Хандыге и затем переваливаем на реку Кобюме и спускаемся по ней в бассейн Индигирки. Это тот же путь, который мы прошли в 1926 году, но какое различие во впечатлениях! Тогда нестерпимый мороз, пар оленьего дыхания, окутывавший все, полумрак вечных сумерек, а сейчас — ясные солнечные дни, тающий снег, теплый ласкающий встречный ветерок.

Но в суровом ущелье Кюн-Кюн-Яс, несмотря на конец апреля, нас захватывает пурга. Извилистое узкое ущелье имеет очень мрачный вид со своими черными скалами, которые время от времени появляются среди вихрей сне-

га. Остановившись вечером на ночлег у выхода из ущелья, мы не досчитываемся одного олененка. Сейчас число новорожденных достигает уже шести штук; часть из них бежит за нартами, а более слабые едут на нартах, закутанные в шкуры. За ними присматривает Баишев. Бедный олененок отстал в пурге, и его мать напрасно кричала — никто не понял ее горя. Баишеву пришлось возвращаться обратно за потерянным олененком.

Теперь нам можно расстаться и с оленятами и с важенками: возле Кюнгкюняса нас встретили эвены, у которых мы их и оставляем на попечении жены Баишева, худой и мрачной женщины в островерхой меховой шапке и сборчатом кафтане. Она сурово управляет мужем. Впрочем, и другие иногда обижали милого и простодушного старика, и он отводит душу только у нас в палатке, где, разомлев от жары и выпитого чая, он долго рассказывает о своих подвигах и о предстоящей дороге, тыкая пальцем в грудь и восклицая по-якутски:

— Мин, Баисев, белем (я, Баишев, знаю).

Наступило уже 1 мая. Становится жарко, и наши сильно уставшие олени едва могут идти.

4 мая мы наконец входим в Оймекон. Здесь мало снега, и в самом селении приходится тащить нарты по земле. Совершенно тепло, и, повидимому, наша мечта — дойти по зимнему пути до Колымы — совершенно неосуществима.

СНОВА В ОЙМЕКОНЕ

В 1926 году мы приехали в Оймекон зимой. После тяжелой и долгой экспедиции он показался нам очень приятным местом, почти земным раем. Но, в сущности, это довольно унылое селение, хотя другим путешественникам он иногда и казался очаровательным. Англичанин-спортсмен Кохрэн, который приехал в Оймекон из Верхне-Колымска в начале прошлого века, после переезда верхом по глубоким снегам через хребет Черского писал: «Это самая живописная и прелестная долина в мире».

Весной Оймекон все-таки очень хорош. На северо-востоке возвышается громада хребта Тас-Кыстабыт, еще покрытого снегом. Дно долины пестреет от пятен снега, и начинают появляться крупные фиолетовые пострелы, которые здешние жители называют тюльпанами. С коло-

колни старой церкви открывается обширный вид на долину Куйтугуна и Индигирки.

Нам отвели помещение старой церкви, которое превращено в клуб. В Оймеконе при четырех юртах постоянных жителей имелось две церкви, построенные когда-то местным богачом.

При нас снимали кресты и купола со второй церкви. В ней должны были поместить больницу, которой тесно в ее нынешнем здании.

Возле больницы индигирский отряд Якутской экспедиции Академии наук, бывший здесь незадолго до нас, установил метеорологическую станцию.

В больнице новый фельдшер, состав исполкома также новый, и вообще многое изменилось в Оймеконе. Нет уже той ловкой компании дельцов и бандитов, которую мы нашли здесь в 1926 году.

В Оймеконе нам предстояло разрешить сложную транспортную задачу.

Раньше я предполагал, что еще зимним путем мы дойдем до Колымы. Когда мы приехали в Оймекон, исполком старался достать нам оленей, но было уже поздно: снег стаял, и эвены, которые еще задержались в Оймеконе и должны были вернуться к себе в горы на восток, отказались везти на Колыму. Надо было налаживать вьючный транспорт.

Для нашего груза было необходимо до пятидесяти лошадей. Такое количество обычно в Оймеконе достать можно, но в этом году должны были послать много лошадей для доставки продовольствия из Охотска, которое не успели привезти по зимнему пути. Поэтому исполком не хотел позволить нам нанять и увести с собой так много лошадей.

В это время в Оймеконе производилась закупка лошадей для новых приисков Союззолота в Сеймчанском районе (верховья Колымы). Из Оймекона должны были пойти порожняком в Сеймчан до восьмидесяти лошадей. После долгих переговоров нам удалось убедить уполномоченного Союззолота дать нам этих лошадей, с тем чтобы перевезти наш груз до Колымы. При этом я должен был взять на себя обязательство, что доставлю лошадей целыми и невредимыми до Сеймчана и буду отвечать не только за павших, но даже за похудевших лошадей и уплачу за наем их.

В течение нескольких дней мы производили приемку и

клеймение лошадей. В ограде кооператива были выстроены длинные ряды лошадей, главным образом белых, со свалывшейся зимней шерстью, которая вылезала клочьями. Я должен был осмотреть всех лошадей, выяснить их болезни и определить, какая из них в полном теле, какая в среднем и в плохом, и занести все в акт. Каждый из продавцов, приведших лошадей, старался доказать, что его конь самый лучший, и заставлял его скакать и бегать, иногда несмотря на преклонные годы несчастного животного.

Наконец лошади были отобраны, заклеены, все приметы их записаны, выяснено, у какой резаные, у какой стриженные уши, акт об их приемке составлен. Весь табун был перегнан на другой берег Куйтугуна.

На следующий же день лошади разбежались, и прошло два или три дня, пока их собрали опять.

Долгое ожидание в Оймеконе мы употребили на перепакровку нашего груза. Нужно было превратить его в хорошо связанные вьюки, нужно было заготовить множество вьючных седел и потников. У нас не было с собой кошмы, и мы должны были заказывать якутские бото. Нужно было сделать верховые седла, для которых в Оймеконе мы достали только арчаки (деревяги). Нужно было привести в порядок наблюдения и проявить многочисленные снимки.

ВЕРХОМ К ИСТОКАМ КОЛЫМЫ

Во время нашего предыдущего пребывания в Оймеконе я тщетно пытался узнать, проходимы ли верховья Колымы на лодке. Оймеконцы рассказывали, что недалеко от вершины Колымы находятся страшные пороги, по которым никто никогда не мог проплыть. В этом году мне удалось найти якута, который в молодости был в Колыме и несколько раз сплыл на плоту через эти знаменитые пороги. По его словам, весной по большой воде через пороги можно проплыть на плоту. Но он полагал, что на лодке это сделать невозможно. Валы очень высоки и залят любую лодку. Другой оймеконец, который проезжал по верховой тропе вблизи порогов, рассказывал, что в узком ущелье вода падает со страшным шумом и в русле видны громадные камни.

Так мы и не могли узнать, можно ли плыть со всем

Колыма у Бёрёлёха, возле хребта Черского.

грузом в самом верховье Колымы. Я решил вести караван к устью Дебина или Таскана, больших левых притоков Колымы, находящихся в пятистах-шестистах километрах от Оймекона. Как только мы достигнем такого места Колымы, где будет возможно плавание на лодке, караван пойдет дальше с Салищевым, а я сам поплыву вниз на складной байдарке, которую мы везем с собой.

Верховья Колымы изображались на картах до нашей экспедиции только по расспросным сведениям. Они были нанесены очень схематично, река текла почти прямо. В 1926 году мы получили в Оймеконе карту, составленную местным жителем Шариным, который в 1919 году работал начальником милиции в Тарын-Юряхе (ниже по Индигирке) и был там убит в том же году белыми. Шарин в течение восьми лет до этого торговал с эвенками в верховьях Колымы и составил очень интересную карту, хотя и очень грубую, но гораздо лучше изображавшую действительное расположение рек и хребтов, чем все другие карты.

Нам хотелось выступить раньше, но долго пришлось ждать, пока пройдет лед и затем пока спадет вода. Лишь в последних числах мая вода в Куйтугуне упала настолько, что можно было перегнать лошадей вброд.

30 мая перевозчик, который состоит при казенном пе-

ревозе через Куйтугун, вернее при казенной душегубке, лежащей на берегу этой реки, прибегает к нам в страхе и говорит, что вода в Куйтугуне начинает подниматься и необходимо переехать, иначе течение будет слишком бурным и переправа станет невозможной.

30 и 31 мая мы перевозим груз через Куйтугун и ждем на другом берегу, пока соберут всех лошадей. Вода в Куйтугуне быстро и непрерывно падает, и, закончив работу, перевозчик спешит скрыться, потому что с этого дня можно уже смело переезжать реку вброд, и если бы не его хитрость, ему не пришлось бы взять с нас перевозную плату.

Постепенно собирают лошадей, приводят их на берег Куйтугуна и отправляют с грузом к следующей переправе через Индигирку, в пятнадцати километрах на восток.

Долина Индигирки у Оймекона шириной до четырнадцати километров. Она покрыта большими кочковатыми лугами и перелесками лиственницы, а возле самой реки зарослями тополей и тальников. Зеленая трава только начинает пробиваться, и, чтобы очистить луга от прошлогодней сухой травы, якуты их зажигают, так что со всех сторон видны столбы дыма и трудно найти нетронутое пастбище.

Караван переходит через Дебин.

Следующие сто километров мы проходим вдоль Индигирки в пределах Оймеконской долины, в которой кое-где раскиданы редкие якутские юрты. Мы идем по обширным лугам между приречными лесами Индигирки и подножием хребта Тас-Кыстабыт. С самого же начала громадные размеры нашего каравана (вместе с лошадьми, принадлежащими проводникам, с нами было до девяноста голов) причиняют нам много хлопот. Лошади на стоянках все время убегают, и поиски их продолжаются весь день, так что мы выступаем иногда только в шесть часов вечера и идем ночью. Иногда один из проводников остается на старой стоянке, для того чтобы отыскать какую-нибудь особенно хитрую лошадь.

На второй день пути по Индигирской долине мы достигаем устья Хатыннаха, небольшого правого притока, вытекающего из хребта Тас-Кыстабыт. По этой речке когда-то поднимался на хребет Черский, чтобы перевалить в бассейн Неры.

В верхнем конце Оймеконской долины находится громадный тарын, до пяти километров в поперечнике. Здесь Индигирка собирается из нескольких речек, из которых главная — Хастах, уходящая далеко на юг, к водоразделу Охотского моря. Нам надо подняться по правым вершинам, выходящим из Тас-Кыстабыта.

Выше тарына стоит одинокая юрта «последнего жителя». На северо-востоке Якутии, где якутами населены только долины крупных рек, а пространство между ними, шириной в несколько сот километров, посещается только кочевыми звенами, каждая жилая избушка приобретает большое значение. От одной жилой юрты, где можно остановиться путнику, до другой расстояние иногда достигает пятисот километров. Последний житель Оймеконской долины был очень беден, несмотря на то, что он жил среди чудесных лугов.

От этого жителя мы движемся на юго-восток, пересекая наискось широкие долины речек, вытекающих из Тас-Кыстабыта. Сам хребет тянется на северо-востоке высокой стеной, покрытой еще остатками зимних снегов.

Снова нам попадаются большие тарыны, которые летом уже не представляют такого препятствия, как зимой, потому что лошадям легко переходить их, в то время как путь по речным галечникам для неподкованных лошадей часто довольно мучителен.

Мы переваливаем в долину большой речки Баягап-Юрях с рядом тарынов. Совершенно неожиданно верховья этой речки на противоположном склоне хребта переходят в плоскую долину. Перед нами расстилаются верховья Неры, большого правого притока Индигирки, впадающего в нее значительно ниже Оймекона. На горизонте тянется обширное очень низкое и плоское плато. Только километрах в двухстах за ними видна в дымке цепь снеговых вершин, уходящих на северо-запад. Это передовые цепи хребта Черского.

Но не только Баягап обкрадывает верховья Неры — с другой стороны к ней подобрался один из истоков Колымы, Аян-Юрях, и похитил у Неры и озеро на перевале и большую долину речки Борочук, в которой мы останавливаемся на ночлег.

Несмотря на раннюю весну, начинают появляться кое-где болота, и, когда мы вдвоем с рабочим едем в сторону от тропы вверх по Борочуку, чтобы проникнуть в среднюю группу хребта Тас-Кыстабыт, наши лошади часто проваливаются на топких берегах при переправе через ручьи.

Выше границы леса горы еще покрыты снегом, но между пятнами снега уже появились первые цветы, низкорослые желтые рододендроны. Мы поднимаемся на правый склон Борочука и с перевала видим наконец долины речек, текущих в Аян-Юрях.

Что-то готовит нам эта река? Как мы пройдем ее пороги и далеко ли они?

К вечеру мы спускаемся в верховья Аян-Юряха и двигаемся по следам каравана, который оставил после себя широкую полосу разбитой ногами лошадей болотистой почвы. Нас догоняет самый энергичный из наших проводников — Василий Скрыбыкин. В этот день, как обычно, утром мы не досчитались нескольких лошадей, и он остался их искать. Но, когда он нашел последнюю лошадь и собрался гнать ее вслед за караваном, к покинутому стану подошел медведь, и они долго сидели друг против друга у потухшего костра, не решаясь двинуться. Скрыбыкин был без оружия, с одной только нагайкой, а медведь, наверно, был очень любопытен, как и все таежные жители, и хотел расспросить о новостях.

В течение нескольких дней мы идем по Аян-Юряху среди мелкогорья, лежащего у северо-восточного подножья Тас-Кыстабыта. Долина реки все больше расширяет-

ся. Вскоре сама река принимает значительные размеры, и брод через нее становится опасным.

В шестидесяти километрах от вершины в Аян-Юрях впадает справа большой приток — Эелик. Здесь на краю большого веселого луга, у речных зарослей, стоит первая юрта якута Николая Сивцева.

Старик Николай (Никульчан), медлительный и очень рассудительный, себе на уме, отвечает не спеша, хорошо взвешивая слова.

Я надеялся, что тут уже можно получить вполне определенные сведения о порогах.

— Говорят, ты далеко ездил, всю Колыму знаешь?

— Как же, много пожил, много поездил по белому свету.

— И вниз по Колыме далеко был?

— В Средне-Колымске жил, работал там. Хороший город, большой город, много людей.

— Как в Средне-Колымск ездил, на лодке?

— Нет, зимой на оленях, на лошадях. На лодке опасно — пороги большие.

— А куда по реке ездил?

— До Оротука — место такое на реке, широкое, якуты живут, скот держат. Потом Колыма в ущелье входит, узкие места, для житья неудобные, корма нет.

Николай в конце концов соглашается сопровождать меня в своей ветке до Оротука, километров сто.

— А там ниже Степана найдете. Он пороги знает, близко возле них живет, плавал в самое страшное ущелье.

В БАЙДАРКЕ ЧЕРЕЗ ПОРОГИ

На следующий день мы расстаемся с караваном. Он под начальством Салищева пойдет по левому берегу Аян-Юряха, а мы с Аггеем и стариком Сивцевым поплывем вниз. В ветку Николая мы нагружаем более объемистый груз, а сами садимся в складную байдарку. Нос и корма байдарки закрыты брезентом, точно так же может быть закрыто остальное открытое пространство, и в этой лодочке не страшны никакие волны. На носу есть даже петля, в которую можно ставить флаг, и нередко мой спутник втыкает в нее букетик весенних цветов.

Сивцев плывет впереди на своем кривом челноке, мы сзади. Он охотно называет нам все реки и долины,

Ущелье Колымы в хребте Черского.

причем, когда у него нехватает названий, он придумывает новые в честь своих родственников. Вскоре на нашей карте появились Андリュшка-Юрях, Дарья-Юрях и другие («юрях» — по-якутски река.)

За Эеликом Аян-Юрях — довольно большая река, но все еще с мелкими протоками, быстрым течением и корягами, торчащими из воды. На нашей легкой лодочке мы быстро несемся вперед и несколько раз встречаемся с караваном, который тянется по тропе вдоль левого берега.

Вблизи устья Эмтегея на левом берегу и ниже его — на правом Сивцев показывает нам рощи лиственниц, где когда-то строились лодки для сплава по Колыме. Колыма в 1929 году была совершенно неизвестной рекой для ученых, но простые русские люди бывали здесь давно. В XVIII веке по Колыме плавали казаки, но память об этих путешественниках сохранилась лишь в архивах, а жители верховьев Колымы помнят только, что когда-то сплавляли по Колыме два паузка (большие лодки) с хлебом и они разбились на порогах. После этого сплав был прекращен.

На старых картах в верховьях Колымы значится: «Плотбище», а у Черского показаны здесь «Хлебные магазины». Хлеб и другой провиант завозились выюками из Якутска в верховья Колымы, через Оймекон. Сюда приезжали кружной дорогой из Нижне-Колымска казаки, строили паузки и сплавляли их вниз. Они везли с собой железные части, необходимые для постройки судов. Ежегодно для трех-четырех судов требовалось до сорока человек. Вместе с зимним путем сплав занимал больше полугода. Это настолько тяготило колымских казаков, что они постоянно старались избавиться от скучной повинности, и поэтому, когда установился выючный путь через Верхоянск, путь по Колыме, очень опасный из-за частой гибели судов на порогах, забросили совсем.

В верховьях Колымы на расстоянии двадцати-тридцати километров одна от другой раскиданы бедные якутские юрты. Но пастбища здесь довольно обширны, и можно развести еще много скота.

Якуты появились в верховьях Колымы недавно, лет сто тому назад, сначала в урочищах Оротук и Таскан, а потом уже из этих двух центров стали расселяться вверх и вниз по течению.

У устья речки Лошкалах (от русского слова «ложка») мы последний раз встречаемся с нашим караваном, отда-

ем собранные образцы горных пород, ночуем вместе и плывем дальше. Тотчас ниже Лошкалаха нас ожидает неприятное приключение. У ближайшего утеса Сивцев свертывает в сторону, в мелкую протоку, а мы, не желая перетаскивать байдарку через перекаты, обдирающие ее дно, плывем прямо к утесу. В быстрине нас подхватывает крупная волна и моментально заливают байдарку (мы не затащили ее сверху) почти до края. Это опаснее, чем для простой лодки: байдарка тотчас должна потонуть. Но берег недалеко, и нам удастся выбиться к нему и вылить воду из лодки.

Несколько ниже Лошкалаха в Аян-Юрях слева впадает большой приток Бёрёлёх. От его устья мы видим на востоке отдельные высокие горные группы и короткие цепи.

Как бы боясь вступить в эти мрачные горы, Аян-Юрях все уходит на юго-восток. Немного ниже он сливается с Кулу (по-эвенски Колыма; когда-то вся река, до появления здесь якутов и русских, называлась Кулу).

Весь день мы плывем в своих маленьких лодочках. Я выскакиваю возле утесов, осматриваю их, отбиваю образцы. Вечером выбираем уютную отмель и останавливаемся на ночлег. Ставим свою маленькую палаточку с затягивающимся в виде мешка входом. Как приятно залезть внутрь, затянуть вход и избавиться наконец от комаров, которые весь день так жестоко преследуют нас!

20 июня мы подплываем к Оротуку. Это главный центр всей верхней Колымы. Здесь до двадцати юрт. Все они расположены, как обычно в якутских поселениях, в стороне от реки.

В Оротуке Сивцев нас должен оставить, и мы ищем здесь проводника через пороги. Как раз в это время сюда приехал знаменитый Степан Дягилев, знаток порогов. К вечеру он приходит к нам на берег. Это очень черный и мрачный якут высокого роста. К переходу через пороги он относится без особого восторга.

— Вот люди рассказывают, Степан, что ты знаешь хорошо пороги.

— Как не знать, рядом живу.

— И плавал через них?

— Раз только, весной, сплыл на плоту.

— А на лодке плыть можно?

— Не знаю, не пробовал. Очень опасно — вал большой, лодку зальет. Камни большие, как юрты, всюду

стоят, лодку разбить можно. Узкое место, вода быстрая. Очень плохое место.

— Можешь наши лодки провести?

— Лучше не надо на лодках. Плот сделаем. Или из моей юрты лошадей возьмем, горами объедем. Зачем груз мочить, людей топить?

Мы решаем плыть с ним вместе до его юрты, находящейся немного выше порогов, и там выяснить, как мы двинемся дальше.

В присутствии посторонних старик Сивцев держит себя необыкновенно важно. Он вдруг начинает говорить со мной по-русски, но, к сожалению, так плохо, что понять его невозможно. Когда-то он был в Средне-Колымске и выучил несколько искаженных русских слов. Особенно он любит говорить «немчик» (ямщик), «модалах» (модный) и «страсты», — это любимое слово колымчан, которое они постоянно употребляют вместо «очень», «сильно», «ужасно».

Кроме Степана, я нанимаю в Оротуке еще одного молодого парня, Михаила Протопопова, который берется провести нас от порогов до устья Таскана и дальше — до Сеймчана.

На следующий день мы отправляемся на Оротук. Мы двое попрежнему в байдарке, а Степан с Михаилом и еще третьим спутником на плоту. Степан везет с собой покупки, продовольствие и какие-то железные предметы. Он кузнец и приезжает в Оротук, чтобы сдать и получить заказы; теперь он везет их вниз за двести километров, а через несколько месяцев привезет обратно. Его плот настолько мал, что пассажирам приходится стоять над грузом, раздвинув ноги.

Тотчас ниже расширения Оротука Колыма вступает в извилистое ущелье. Она начинает прорезать здесь южный конец хребта Черского.

Оказывается, хребет от места, где проходит линия маршрута Черского, поворачивает не на восток, а на юг, параллельно Верхоянскому хребту, и распадается здесь на короткие отдельные гряды. Здесь нет уже мощных непрерывных больших цепей, как на Индигирке, — они размыты, уничтожены выветриванием, и остались только высокие группы гор, разделенные долинами.

Ущелье ниже Оротука проложено в гранитных горах. Громадные темные осыпи спускаются по склонам. Кое-где сохранились от выветривания столбы гранита, так

называемые кигиляхи (от слова «киги» — человек). Берег реки завален громадными глыбами гранита. Здесь нет еще порогов, только небольшие стремнины, камни у берегов и быстрое течение.

На второй день мы выходим из этого ущелья на юг, к расширению устья правого притока Колымы, Тянка, где находится еще одно якутское поселение — четыре юрты, раскиданные в пойме между продолговатыми озерами. Ниже Тянка Колыма опять врезается в гранитные горы. Самая красивая из них — это гряда Большой Ангачик, высотой в две с половиной тысячи метров, тянущаяся в виде гребня с острыми пиками.

Между ущельями в одном из маленьких расширений узкой долины Колымы, ниже большого Ангачика, среди темных лиственниц расположена юрта Дягилева. Здесь мы останавливаемся для ночевки. Скрепя сердце Дягилев соглашается сплавлять нас вниз не на плоту, а на лодке, но с условием, что лодку он через пороги проведет пустую под берегом. Он продает нам для груза одну из своих долбленых душегубок, немножко кособокую.

До начала порогов Колыма идет в мрачных ущельях. Суровость пейзажа еще увеличивается тем, что начались дожди, тучи спустились низко и закрыли всю верхнюю часть гор. Нам приходится остановиться перед началом порогов: Степан не решается начинать спуск во время дождя.

На следующее утро дождь не прекращается, и наша палатка, которая слегка протекает, постепенно наполняется водой, скопляющейся на полу, который наглухо пришит к палатке.

Только в полдень мы выступаем. В нескольких километрах ниже начинается ущелье порогов. Вход в него — с гранитными башнями на одной стороне, носящими название Ампар-Тас (Амбар-Камень), а напротив, в устье бурного ручья, с пеной скатывающегося по крутому руслу, лежит большая наледь.

Ниже первого порога Степан решает заночевать: все еще идет дождь, и он боится идти дальше. Весь вечер мы сидим у костра, греясь и просушивая одежду, а Степан рассказывает нам о своих похождениях. Особенно живописен рассказ о встрече с медведем. Медведь напал на него, когда с ним был только нож, с которым якуты никогда не расстаются. Медведь схватил Степана за плечо, но он догадался зажать левой рукой морду мед-

ведя, вытащил нож и заколол его. Степан изображает чрезвычайно живо, как медведь вытягивал губу и хотел зубами схватить его за лицо. В доказательство Степан завертывает рукав рубашки и показывает глубокий шрам на левом плече.

На следующий день мы проходим остальные пороги. Степан с Михаилом и третьим помощником, маленьким стариком-якутом, переносят груз по берегу и затем осторожно проводят душегубку между прибрежными камнями.

Ущелье порогов проложено в крутых гранитных горах с большими осыпями, и лишь кое-где среди осыпей торчат кигиляхи. Подножье гор у воды завалено громадными глыбами гранита, но все же можно пробраться вдоль реки пешком.

Порогов всего пять, и между ними несколько шивер. Все они стеснились на протяжении десяти километров, и промежутки со спокойной водой очень коротки. Самые скверные из этих порогов — первый и пятый: здесь река очень узким потоком, в несколько десятков метров ширины, ударяет о берег и затем поворачивает вдоль него, образуя громадные валы. Вдоль левого берега река перегороджена гранитными глыбами, торчащими из воды. Эти два порога для больших лодок опасны тем, что вдоль левой стороны на лодке пройти нельзя, а в правой части течение тащит на утесы, и отгрестись от них очень трудно. В маленькой же лодке соваться в большие валы и вовсе нельзя — зальет.

Мы проводим лодку Степана вдоль левого берега. Байдарку я спускаю в некоторых порогах по главной струе. Но так как валы слишком велики и могут перевернуть байдарку, я проскальзываю на краю струи, там, где она образует покатую поверхность на границе с каменной частью. На первом и пятом пороге приходится держаться все же ближе к левому берегу.

Ниже последнего порога мы ночуем. Впереди остается одна шивера, и Степан должен был нас провести завтра через нее. Но утром, когда мы просыпаемся, Степана и его спутника нет. Куда же они исчезли? Михаил также проспал, как и мы, и ничего нам не может объяснить. Повидимому, Степану надоело возиться с нами, и он решил лучше оставить недополученную часть условленной платы, чем терять еще день.

Ниже порогов Колыма выходит из последнего гра-

нитного массива в широкую долину. Справа впадает большой приток Бохапча.

Колыма у Бохапчи, так же как и последняя, прорезает свое русло в речной террасе, образуя широкое дно долины. Терраса эта в нижней части обрывается утесиками, покрытыми галечником. На этой террасе и находят большую часть золота в Колымском районе. Золото добывают как из нижней части галечника над коренной породой, так и в самих сланцах, верхняя часть которых, подобно щетке, задержала крупинки золота.

Уже не раз с тех пор, как мы вошли в пределы хребта Черского, промывая галечники из русла рек, текущих в Колыму, или из щетки террасы, на дне лотка вместе с черным шлихом (шлихом называют тяжелые остатки от промывки — железные соединения и другие тяжелые минералы) мы находили несколько ярких блесков — золотых крупинок.

Дебин, следующий большой приток, течет в такой же широкой долине, как и Колыма. Когда мы выезжали из Оймекона, предполагалось, что караван выйдет к устью Дебина. Но потом мы узнали, что сеймчанская тропа, единственный путь в этом районе, пересекает Дебин в слишком далеком расстоянии от устья и пройти по нему вниз почти невозможно из-за больших болот. Другой вариант — пройти по тропе вдоль левого берега Колымы, огибая пороги по боковым долинам, — еще более труден из-за тяжелых перевалов. Поэтому пришлось отнести место встречи с караваном еще далее на восток, к устью следующего большого притока Колымы, Таскана.

Устье Таскана должен показать наш новый проводник Михаил Протопопов, которого мы взяли с собой из Оротука. Это маленький, очень медлительный и флегматичный якут, который уже от самого устья Бохапчи стал обнаруживать полное незнание местности. Между тем найти устье притока на Колыме часто довольно трудно из-за множества островов. Никогда не знаешь, что это — река или только протока. У нас была с собой грубая карта, полученная в Оймеконе, и мы надеялись, что с ней мы как-нибудь отыщем устье Таскана, так как против него находился длинный узкий хребет Басыканья. Во время обеденного привала у подножия Басыканья я предлагаю перейти на левый берег и идти по самым крайним протокам. Михаил успокаивает меня, говоря, что

до устья Таскана еще далеко, не менее десяти километров.

Но вскоре после того, как мы все-таки, по моим настояниям, подошли к левому берегу и поплыли вперед, отыскивая левую протоку, Михаил, плывший на своей ветке отдельно, стал вдруг кричать, что из протоки выходит вода другого цвета и что, может быть, Таскан остался позади. Он пробует выйти на берег и пройти немного влево, но там только непроходимая болотистая тайга, и нельзя ничего узнать.

Мы плывем еще немного дальше, пока река не подходит опять к подножию Басыканьи, и я взбираюсь на несколько сот метров по ее склону. Позади видна широкая плоская долина Таскана, уходящая на север, в леса; кое-где блестят изгибы реки.

Надо возвращаться обратно. Мы понуро впрягаемся в бечеву и тащим свои лодки вверх по течению до той протоки, из которой выходила светлая вода.

Только что мы останавливаемся передохнуть, как неподалеку раздается стук топора. Аггей хватает ружье и несколько раз стреляет. Сейчас же в ответ раздаются совсем близко выстрелы, и через несколько минут из-за тальников показывается ветка. Но это не наши спутники. В лодке сидит уполномоченный Союззолота, от которого мы принимали лошадей в Оймекоме, и два незнакомых якута. Оказывается, наш караван не мог дойти до устья Таскана из-за отсутствия дороги и болот и остановился в двадцати километрах выше. Один из якутов послан на устье Таскана, чтобы караулить нас здесь и показать дорогу до стоянки.

Утром якуты сделали плот из сухих тополей, связали его ветками тальника, и уполномоченный вдвоем с одним из якутов отплыли в Средникан, а мы потянули свои лодки вверх по Таскану.

ТАСКАН

После Колымы Таскан кажется нам очень маленьким, но это довольно большая речка, достигающая трехсот километров длины. Подниматься по ней очень трудно — все время встречаются мелкие острова, покрытые тальником, быстрые протоки, завалы, выступающие в реку, под которыми нельзя ни подниматься бечевой, ни тол-

каться шестом. За весь день мы не смогли пройти двадцати километров, отделявших нас от стоянки каравана.

Караван остановился вблизи последней юрты тасканских якутов. Главное их поселение, имеющее до четырнадцати юрт, расположено в нескольких десятках километров выше по реке, где есть большие луга. Здесь же, в глухой тайге, поселилась семья братьев Сивцевых. Возле их юрты Салищев и расположился для определения астрономического пункта.

Путь нашего каравана по сеймчанской тропе, которая срезает большое колено Колымы к югу между устьем Бёрёлёха и Таскана, был очень труден. Попрежнему приходилось все время вести борьбу с лошадьми. Ямщики ни за что не хотели путать лошадей, да это было почти невозможно: в Оймеконе мы не могли достать достаточного количества волосяного аркана для пут, а делать веревочные путы в болотах очень опасно — от мокроты путы стягиваются и портят лошадям ноги. Поэтому проводники предпочитали отпускать лошадей на свободу и утром отыскивать их по следам. Пятнадцать худших лошадей, самых сухих, шли без груза, и их гнали маленьким табуном, который все время разбегался по сторонам в поисках лучшего корма или легкой дороги. Иногда часть этого косяка убегала далеко в горы.

Большей частью караван выступал только после полудня, и кто-нибудь из проводников еще оставался позади, чтобы отыскивать убежавших лошадей. К тому же начали таять болота. Когда мы вышли из Оймекона, они были еще крепкие и легко проходимы, а к началу июля растаяли совершенно. Пошли дожди, и передвижение день ото дня становилось труднее. Наконец появились в большом количестве комары и слепни, мучившие лошадей и людей.

На берегу Таскана мы выбрали место, где рос хороший строевой лес и где была удобная площадка для постройки лодки.

Мы хотели построить большую лодку, которая подняла бы больше двухсот пудов (три с половиной тонны) груза, привезенного караваном. Михаил, наш главный судостроитель, решил строить лодку ленского типа. Ленская лодка — большая плоскодонная посудина с острым носом и кормой; длина ее десять метров, а ширина три. Для лодки надо заготовить длинные доски и целый ряд

упругов (шпангоутов). Для упругов Михаил отыскивает среди принесенного водой леса на берегу реки подходящие кокоры.

Для пилки досок мы захватили с собой продольную пилу, но первый же опыт показал, что в это время года пилить лиственницу продольной пилой очень трудно: дерево слишком вязко из-за обилия серы. Можно пилить только легкие и хрупкие доски, которые решили ставить вперемежку с лиственничными для облегчения веса лодки. Больше половины досок пришлось добывать первобытным путем: дерево раскалывается вдоль клиньями, и затем каждая половина обтесывается; получаются две толстые доски.

Вся эта работа сейчас, в самую жаркую пору, тяжела, тем более что приходится работать все время в сетках и в толстых рубашках из-за тучи комаров, которые не дают нам ни минуты покоя. Все время стоит сухая погода. Уровень воды в реке падает, и мы каждый день со страхом думаем о том, что, может быть, нам не удастся выбраться из Таскана из-за его мелководья.

На верфи сначала появляется большое толстое бревно — кильсон, к которому присоединяются вскоре изогнутые кокоры на носу и корме. Затем к ним прибиваются поперечные упругие перекладыны, сделанные из корней лиственницы. После этого начинают обшивать досками, загибая их жомом, сделанным из двух жердей. Потом появляются борта, и лодка почти закончена. Предстоит ее конопатить и, лежа на спине, забивать паклю плоской конопаткой в пазы. После этого заваривают пазы варом и смолят лодку. Это самый ответственный момент, и Михаил волнуется так же, как хозяйка в тот момент, когда поднимается тесто.

Наконец наступает торжественный день 22 июля, когда лодку можно спускать. С большой осторожностью, под постоянные окрики Михаила, который боится, что мы слишком расшевелим лодку и лопнет вар, стягами спихиваем лодку со стапелей. Она легко соскальзывает и плывет.

К вечеру этого дня Михаил начинает опять волноваться. Вар вздувается пузырями и из-за жары плохо пристает; кроме того, в Якутске нам сделали его слишком жидким. Вода начинает проступать снизу сквозь пазы. Опять приходится вытаскивать лодку на берег и заваривать ее еще раз. И только через два дня мы на-

конец можем покинуть место нашей трехнедельной стоянки.

Отплываем мы без проводника, потому что из-за горячей сенокосной поры никто из тасканцев не соглашается сопровождать нас до Средникана; якута Михайла, нашего неудачно выбранного проводника из Оротука, не было смысла везти дальше.

До самого устья Таскана проходим благополучно, сев на мель только три раза. К вечеру все препятствия Таскана как будто уже пройдены, и мы ночуем близ его устья. Но на следующий день, только тронувшись с места ночевки, мы попадаем на необыкновенно широкий и мелкий перекат. Он тянется наискось через реку, и после того, как мы благополучно отгреблись от правой мели, мы основательно садимся на левую.

Здесь нам суждено было провести весь этот день. Вскоре начинается проливной дождь, и до четырех часов вечера мы всячески стараемся протащить нашу громадную лодку через мель. Сначала поднимаем лодку стягами, потом заводим оплеухи — это большие доски, которые ставятся наискось к течению, с тем чтобы вода бросалась под лодку и поджимала ее. Это не помогает, и мы пробуем прорывать лопатами канавы в гальке для прохода лодки, но быстрое течение сейчас же заваливает их снова. Наконец приходится прибегнуть к единственному верному способу и начать перевозку груза на берег. После того как мы перевезли половину груза и совершенно промокли, лодка наконец трогается. Пришлось остановиться тут же на берегу и начать сушиться у костра.

ПО НОВОМУ ЗОЛОТОНОСНОМУ РАЙОНУ

После этой сырой ночевки мы выплыли на главный фарватер Колымы и двинулись дальше почти без препятствий.

От Таскана до Сеймчана Колыма течет в пределах последних восточных цепей хребта Черского. На реке много островов, покрытых лесом, но долина ее сравнительно узка.

Здесь у нас пропала наша собака, якутская лайка Чонка. Она шла с нами все время, и зимой через снег и наледи, и летом через горы, тайгу и болота, но, когда мы построили лодку и пробовали посадить в нее собаку,

она ни за что не соглашалась. Ее втаскивали в лодку на веревке, но она вырывалась со страшным воем. Пришлось отпустить ее бежать по берегу. Каждый раз, когда лодка отходила от одного берега к другому, Чонка переплывала вслед за ней Колыму. И вот несколько выше речки Запятой Чонка бесследно пропала. Утонула ли собака, переплывая реку, или не могла нас найти и потерялась в тайге, неизвестно.

Михаил каждую ночь ставит у берега сеть, и часто в нее попадает несколько рыб; ловятся больше всего чукучаны. Это довольно смешная рыба с длинной мордой и круглым ртом, с присосками, расположенными на нижней стороне головы. Рыба эта встречается только в северо-восточной Сибири. Ее ближайшие родственники живут в Китае, а большее число видов — в Северной Америке. Она принадлежит к представителям животного мира, общим для Восточной Азии и Северной Америки и доказывающим существование здесь когда-то твердой земли, связывавшей оба материка. Хорошо, что эта рыба не успела проникнуть дальше к нам на запад: в ней ужасно много костей и есть ее очень скучно.

Через несколько дней мы достигаем наконец Средникана, где сейчас находятся главные прииски нового Колымского золотоносного района. На устье бурной речки стоит амбар и несколько палаток, а у берега паузки, на которых недавно приплатили продовольствие с юга, по притоку Колымы — Бохапче. Самые прииски находятся выше, по реке Средникану, в десяти-шестнадцати километрах от устья.

Нижний прииск, в десяти километрах от устья, в 1929 году только начинал обстраиваться. В густом лесу стоит несколько барачков с марлей в окнах (для защиты от комаров), а в лесу раскиданы ямы, полные водой. Это шурфы, из которых достают золотоносные пески. Немного дальше лес уже сильно вырублен. Здесь лежит старая приисковая площадь. У устья Безымянного ключа и расположен главный стан: несколько домов русской стройки с крышей, несколько палаток, амбары и триумфальная арка, построенная здесь к 1 мая, с остатками флагов и хвойных веток.

Средниканские прииски возникли недавно, только в 1926 году, когда партия хищников нашла здесь золото. Сначала работало несколько человек, сбывавших золото в Олу. В 1928 году было организовано приисковое упра-

вление Союззолота, которое и приехало в конце 1928 года выючным путем с Охотского побережья. В это время здесь работало двадцать пять хищников.

Во время нашего проезда на приисках было не более ста человек, в 1930 году прибавилось еще шестьдесят человек.

Эти глухие места, в которых мы проплывали несколько сот километров, не встречая ни одного жителя, через несколько лет превратились в оживленный промышленный район с большим населением, район, ставший на одно из первых мест среди золотопромышленных областей Союза. Теперь там построены поселки, электростанции. Вместо болотистых троп, где утопали наши лошади, проведены автомобильные дороги, по дикой реке плавают пароходы и даже построен мост через Колыму, а на устье Таскана, где мы так долго путались среди проток, строится город.

Хотя в 1929 году разведка нового золотоносного района еще только начиналась, но наши геологические наблюдения на Колыме и Индигирке позволили мне тогда же заключить, что золотоносный район протягивается вдоль всего хребта Черского, за Индигирку, а в ширину он занимает почти весь хребет. Поэтому открытие хребта Черского и выяснение единства его геологического строения принесли выводы огромного практического значения.

Немного ниже Средникана впадает справа большой приток Колымы — Буянда. Отсюда начинается среднее течение реки. Хребет Черского остается позади, долина расширяется до десяти-четырнадцати километров, река разбивается на множество проток. Здесь расположено расширение, называющееся Сеймчан, — благодатное место с тучными лугами. Как обычно, луга эти перемежаются с кочковатыми болотами, и летом здесь много комаров.

Самый Сеймчан — поселение, состоящее из двух десятков юрт, раскиданных далеко в стороне от реки, на лугах и у маленьких озер поймы. Среди них — заброшенная церковь и бывший дом священника, служащий теперь складом для кооперативных товаров.

Мы останавливаемся в Сеймчане, чтобы поставить на свою лодку брезентовый верх, который избавил бы нас от необходимости ежедневно терять время на разбивку палаток. Кроме того, мы ставим мачту и налаживаем

парус, чтобы облегчить плавание в нижней части реки, где предстоит плыть по большим плесам с тихим течением и с сильными ветрами. Уже в Средникане старожилы пугали нас, что внизу плыть на нашей лодке очень опасно, что нужны борты не меньше метра высотой, потому что ветер разводит очень сильные волны, особенно вблизи утесов, которые он огибает с большой силой. Но, как бывает часто, рассказы оказались баснями, и наша лодка превосходно дошла до Средне-Колымска.

Из Сеймчана видны на западе высокие гребни горной цепи Туонах. Отсюда кажется, что цепи хребта Черского уже все ушли на юг, к охотскому водоразделу. Что же простирается на восток? Колымские ли горы, нарисованные на карте, идущие на север между Колымой и Омолоном, или какие-то новые хребты, параллельные Охотскому водоразделу, как я предположил в 1926 году? Пока на восток было видно только волнистое плато с округленными вершинами.

ОТ СЕЙМЧАНА ДО СРЕДНЕ-КОЛЫМСКА

Мы пробыли в Сеймчане два дня в поисках проводников. Опять никто не хочет ехать с нами из-за сенокоса. Приходится плыть дальше снова одним.

Ниже Сеймчана на протяжении почти ста километров Колыма идет в северо-восточных предгорьях хребта Черского, в узкой долине, но у горы Шапка, повернув к северо-востоку, она врывается уже в окраину лежащего восточнее плоскогорья.

Здесь река широко разливается, имеет много проток и стариц. Все острова и прибрежная часть поймы покрыты густым лиственничным и тополевым лесом.

Нередко бурая морда медведя высовывается из густых зарослей тальника.

В этой части Колымы медведи попадают постоянно, и за те две недели, что мы плывем от Средникана до Коркодона, мы встречали более десятка медведей. Одни из них пугливо убегают вдоль по берегу, другие с большим любопытством стоят и смотрят на проплывающую лодку, которую они видят, может быть, в первый раз в жизни.

Одна медведица стояла в тальниках вместе с двумя медвежатами и глядела на лодку. Когда кто-то из наших

Лодка экспедиции у Сеймчана.

неугомонных охотников выстрелил в нее из винтовки, она встала на дыбы, ловко повернулась и скрылась в зарослях тальника, а за ней рядышком, плечо к плечу, побежали рыжие медвежата.

В другой раз, когда мы с Аггеем подплывали к нашей большой лодке, остановившейся на ночлег, невдалеке от лодки на берег вышли два медвежонка, залезли в воду и, стоя на задних лапах, стали поливать друг друга водой. Я хотел их сфотографировать, но мой спутник был настолько возбужден, что мне удалось сделать снимок только на большом расстоянии. Потом началась стрельба, и после безрезультатных выстрелов медвежата убежали в лес.

На нашей байдарке мы с Аггеем в поисках за утесами постоянно уклоняемся от главного фарватера в маленькие боковые протоки. Очень интересно плыть по этим совершенно неизвестным протокам в густом лесу, видеть на отмелях следы медведей и ждать новых встреч за каждым поворотом.

На Колыме очень много завалов — это большие груды леса, которые в весеннее половодье наносит в разных местах на острова и отмели; вступая в маленькую протоку, никогда нельзя быть уверенным, что где-нибудь в середине нет завала, перегораживающего ее совсем. Иногда течение все ускоряется, и наконец вода с ревом устремляется в извилистый узкий проход между торчащими навстречу острыми бревнами, угрожающими гибелью нашей легкой лодочке. Как-то раз мы довольно неудачно наехали на одно из таких бревен и мигом опрокинули лодку, к счастью на не особенно глубоком месте.

Среди этого лабиринта островов и протоков иногда очень трудно найти большую лодку, которая поджидает нас дважды в день — к обеду и вечером. Мы условились с нашими спутниками, что встречи будут всегда происходить у утеса, и большей частью нам удавалось благополучно встретиться с ними как раз к обеду.

Нам предстояла трудная задача: найти без проводника устье большого правого притока Колымы, Балыгычана, и определить здесь астрономический пункт.

Балыгычан впадает в Колыму среди множества островов. В нескольких километрах от устья, у подножья гор, на болотистых лугах лежит поселение якутов — всего четыре юрты. Это одно из самых уединенных поселений

во всей Якутии: до ближайшего населенного пункта, Сеймчана, от них более двухсот километров, а до улусного (то есть волостного) центра Оймекона, к которому был отнесен тогда Балыгачан, девятьсот километров по тропе и тысяча двести по реке! Тем не менее жители Балыгачана поддерживают сношения с Оймеконом. В Оймеконе мы встретили одного балыгачанца, который приехал сватать себе невесту.

Ниже Балыгачана Колыма образует любопытную двойную петлю на протяжении десяти километров, прорезая узкую долину в низком и ровном плато. Дальше долина опять расширяется. Справа впадает большая река Сугой и несколько ниже — Коркодон. Возле последнего Колыма круто поворачивает на северо-запад и прорезает гряды древних пород. Здесь — те красивые утесы известняка, о которых писал Йохельсон. А в середине реки торчит остров с острой и высокой скалой, носящей название «Столб». Когда-то он служил для жертвоприношений юкагиров. На его вершине еще можно видеть остатки жертвенной кучи с камнями и с кусками дерева.

По юкагирскому преданию, происхождение этого острова таково. Напротив устья Коркодона есть острая гора, называемая Большое Сердце (Чумо-Чуводзе). Это на самом деле женщина. Большое Сердце была женой юноши Когэлгиэ (утес на левом берегу Коркодона) и родила от него ребенка. Но другой юноша, Лягаек (утес на правом берегу), также ухаживал за Большим Сердцем. «Тогда начали бороться. Ребенка Большого Сердца Лягаек в реку бросил. Так спустившись, у островного мыса ребенок остановился. Это и называется теперь Столбовой остров».

Сейчас у подножья утеса на острове стоит маленький дом — фактория Госторга, а рядом живет юкагир Дмитрий Винокуров. Летом он живет в чумах, покрытых берестой, на ближайшей отмели, а зимой перекочевывает в избу рядом с домом фактории, которую он охраняет. Недавно у него прибавилась еще одна забота: экспедиция Наркомвода поставила здесь столб, отмечающий астрономический пункт, и поручила юкагиру охранять его. Поэтому, когда мы достигли острова, Винокуров сейчас же заявил: «Мин карауль», и повел к столбу, чтобы показать, что у него все в порядке.

У Винокурова мы встретили еще несколько юкагиров, приехавших с Коркодона, и расспросили их о зимнем

пути вверх по Коркодону, куда мы предполагали поехать следующей весной.

Ниже Коркодона мы остановились возле утеса Чубукулах, с которого открывается обширный вид на север. Здесь Колыма выходит в Верхне-Колымскую впадину — южный конец Колымской низменности, тянущейся на север до моря.

К западу от Верхне-Колымской впадины видны последние восточные цепи хребта Черского, а на востоке и севере — только волнистая поверхность плоскогорья, которое тянется до Омолона. Мы назвали это плоскогорье Юкагирским.

Несколько выше Верхне-Колымска, между Колымой и ее притоком, рекой Ясашной, на которой стоит город, есть протока Прорва. Найти ее довольно трудно, но, к счастью, нам встретились здесь два юкагира, которые и показали вход в эту протоку среди множества других. По ней мы вышли незаметно в Ясашную и приблизились к Верхне-Колымску.

«Город» Верхне-Колымск вряд ли заслуживает названия города. Когда-то в нем было пятьдесят домов и жило много казаков, но сейчас сохранилось только семь жалких юрт и разрушающаяся церковь. Из русских здесь живут в этом году только милиционер и две старушки.

Уже много лет, как вся жизнь из Верхне-Колымска перешла в центры якутских наслегов.

Верхне-Колымск расположен на самом берегу Ясашной, на узкой полосе сухой земли между берегом и болотами. С одной стороны подходит грязная и топкая речка Гонюхова. На ее берегу растут кусты, называемые здесь диким виноградом; это один из видов смородины с продолговатыми темными и довольно вкусными ягодами, который встречается также и на охотском побережье. Ягоды эти в замороженном виде даже вывозятся оттуда в Якутск и продаются под названием дикого винограда.

Из достопримечательностей Верхне-Колымска следует отметить избу, где Черский провел зиму перед своей смертью, и маленький огород, который уже много лет служит здесь робким началом будущего земледелия. Условия для овощного хозяйства и даже для земледелия в южной части Колымского края вполне благоприятны, и в то время, когда здесь жили политические ссыльные, в районе Верхне-Колымска у некоторых из них были

превосходные огороды. В 1929 году снова было обращено внимание на сельскохозяйственные культуры, и опыты земледелия стали производиться в ряде мест (Верхне-Колымск, Балыгычан и др.). Теперь они дают очень хорошие результаты.

От Верхне-Колымска начинается нижнее течение Колымы, с широким руслом и редкими островами. Течение становится все медленнее и медленнее; встречаются часто большие плёсы, по которым хорошо идти с попутным ветром, но приходится уныло отстаиваться при злых низовках. Мы испытали это уже на следующий день, когда, несмотря на все усилия, нельзя было двинуться вперед против набегавших больших волн.

Начиная от Верхне-Колымска, долина Колымы, которая была до сих пор безлюдной, населена сравнительно густо, но все это якутское население живет главным образом в стороне от реки, у озер и лугов, а на самой реке никого нет. Только изредка встречаются якуты, выехавшие на реку для рыбной ловли. Иногда попадаются утки, раз мы встретили двух орлов и довольно часто видели горностаев в летней шубке, которые приходили к нашей лодке посмотреть, нельзя ли чем-нибудь поживиться.

Несмотря на все мрачные предсказания, которые мы слышали о предстоящей нам поездке по нижнему течению Колымы, это плавание оказалось не таким трудным. Идя то на парусах, то на веслах, мы в восемь дней доплыли до Средне-Колымска. Несколько выше города начинаются заимки — небольшие поселки или отдельные избы, в которые выезжают на лето для рыбной ловли. Сам город расположен в излучине реки на левой стороне, в довольно унылом месте. Уже издали показывается высокая мачта радиостанции, а когда подплываешь ближе, виден первый ряд домов, вытянувшихся вдоль берега.

Один метеоролог, который провел два года в Средне-Колымске, на мои расспросы сказал мне, что дома там мавританской архитектуры. И действительно, они почти все без крыш, и потолок просто посыпан землей: здесь нет лесопилки, а владельцам домов лень вытесывать доски для крыш. Только новые постройки — радиостанция и некоторые дома учреждений — покрыты крышами.

Средне-Колымск разделяется скверной речонкой Анкудинкой на две части. Старая часть, так называемый

город, лежит ниже по течению, на более низкой террасе, и нередко заливается весенним половодьем. Новая часть с исполкомом и клубом расположена несколько выше.

Мы не предполагаем задерживаться сейчас в Средне-Колымске. Сюда мы должны вернуться на зимовку, а теперь нам надо исследовать нижнее течение Колымы до устья Омолона. Уже 1 сентября, и до конца месяца нужно попасть обратно, чтобы не замерзнуть где-нибудь в нижнем течении.

Я надеялся от Средне-Колымска плыть на моторной лодке, но ни горючего, ни нашего мотора, которые должны были прибыть из Владивостока еще в прошлом году, до сих пор нет.

Приходится организовать экспедицию снова своими средствами. Плавание на нашей большой лодке ниже Средне-Колымска было бы слишком трудно: течение здесь очень медленное и очень много встречных сильных низовок. Нам удалось купить местный карбас. Это небольшая лодка, сделанная в Верхне-Колымском районе юкагирами. К долбленому днищу прибиты в два ряда доски; лодка довольно вместительная, с крутыми бортами, устойчивая на волне. Исполком, кроме лодки, отыскал для нас и проводника, молодого колымчанина Ивана Б.

В НИЗОВЬЯХ КОЛЫМЫ

6 сентября, после первого снега, в холодную осеннюю погоду мы втроем с Иваном и Агеем выезжаем вниз. Первый наш привал — в четырнадцати километрах ниже города, у утеса Половинный Камень. Выше его в Колыму впадает маленькая речка Лабуя, устье которой — прекрасный затон, где отстает зимой колымский флот — катера и кунгасы (баржонки). Через несколько лет здесь возникло большое поселение с мастерскими и электростанцией, но в 1929 году здесь не было ни одного человека.

На левом берегу, ниже Половинного Камня, начинаются заимки. Они расположены на высокой террасе реки; перед ними обычно лежит пологий илистый пляж, на котором стоят невода, карбасы, а над низкими избами с плоскими крышами почти всегда на длинном шесте возвышается крест. В эти заимки на лето разъезжается

городское население для ловли рыбы. Когда-то почти вся река была населена русскими, которые явились сюда раньше якутов, отвоевав этот край у юкагиров и эвенов. Но теперь большая часть реки уже населена якутами. Русские живут вблизи Средне-Колымска и Нижне-Колымска и почти все возвращаются на зиму в города.

Колымское население кормится главным образом рыбой. Часть ее ловится в озерах, а часть в самой Колыме. Колыма обладает превосходными сортами рыбы. Главные промысловые рыбы — это сиговые (семейство лососевых): ряпушка (сельдьятка), чир, муксун, омуль, пелядка и сиг. Еще вкуснее громадные нельмы. В реке много и налимов, и щук, и чукучанов, но эта рыба идет главным образом на корм собакам. Точно так же собаки поглощают большую часть сельдьятки и все рыбы внутренности и даже икру, которую люди едят мало. Собаки потребляют не меньше половины всего улова, и задача прокормить собак является для колымчан едва ли не более важной, чем прокорм семьи. Недаром, когда спрашивают про колымчанина, большое ли у него семейство, говорят: «Большое, у него шестнадцать душ», а потом выясняется, что четырнадцать из этих душ — собаки. Рыба для колымчан — это «святая еда», но значительная часть ее тратится очень неумело. Та рыба, которая идет на корм собакам, хранится в скверно построенных погребах, просто в ямах, быстро начинает загнивать и издает нестерпимое зловоние. Большей частью скверно пахнет и рыба, идущая в пищу людям. Засол рыбы производится очень редко; ее обычно замораживают, и много заготавливается юколы — вяленой и копченой рыбы.

Юкола бывает двух сортов: белая, только вяленая на солнце, и коричневая, которую после вяленья коптят в специальных шалашах. Последняя очень вкусна. Для изготовления юколы мясо вместе с кожей снимают с костей и потом мелко надрезают с внутренней стороны. После того как снято мясо, остаются кости. Если на них почти не осталось мяса, то их называют «собачьи кости», или, как здесь говорят, «кошти»; если на них осталось немного мяса, то они идут в пищу людям и называются «едомные кошти».

Люди, населяющие берега Колымы, говорят на очень странном наречии. Они шепелявят и картавят, что свойственно некоторым северным областям Сибири. Кроме того, в языке колымчан сохранилось много древних

слов и выражений, занесенных сюда казаками и еще не вытесненных, несмотря на частые приезды новых людей. На таком же языке говорят русские, живущие в низовьях Индигирки.

Осенью население заимок начинает возвращаться в город, или, как здесь говорят, «кочует». Но сейчас эти кочевки совершаются частью на моторном катере, и в Кульдине одна старуха говорила мне: «Ныне кочующим долго пришлось дожидаться катера».

Все уезжают. С высоких жердей, поставленных для выления рыбы (быгальниц), снимают последнюю юколу, и в заимке остается только несколько человек для зимнего подледного промысла.

Самая большая заимка на Колыме — Кульдино, ниже Половинного Камня. Дальше, на расстоянии десяти-тридцати километров одна от другой, нам попадались другие заимки. Между заимками Петровой и Жирковой впадает справа, среди островов, значительный приток Колымы — река Березовка. На ней, километрах в ста тридцати от устья, был найден в 1900 году труп мамонта. Академия наук послала за ним экспедицию под начальством Герца, и мамонт был благополучно извлечен из оползня, в котором он лежал; шкура и часть мяса были доставлены в Ленинград, где чучело его стоит сейчас в Зоологическом музее.

У подножий талов на Колыме в большом количестве попадают кости крупных четвертичных млекопитающих — мамонта, носорога, бизона, северного оленя, лошади, лося. Если вы пройдете один-два километра вдоль какой-нибудь большой талы, то, наверное, насобираете целый мешок костей. Но трупы мамонта попадают очень редко: они обыкновенно уносятся водой или съедаются песцами и собаками, прежде чем их найдут люди.

Одна из заимок правого берега называется Помазкино. Сейчас тут стоит только одна скверная избушка, но когда-то, очевидно, было большое поселение. В стороне от берега видно много могил; некоторые кресты относятся еще к XVIII веку. Колымчане рассказывают, что будто сюда приехали первые русские и хотели основать город. В соседней протоке, в которую впадает река Осетровка, они поймали большого осетра, сварили его и съели. Осетр оказался ядовитым, и они все умерли. Остался в живых только один, который уходил в это время на охоту. После этого решили здесь города не ставить, и он

был основан на месте Средне-Колымска. Предание это исторически совершенно неверно.

Последний утес правого берега — скала Конзобой, длинная низкая грива, которая высовывается на север в виде туши кита. Колыма поворачивает вокруг его конца на восток и вскоре сливается со своим самым большим притоком — Омолоном.

Изолированное положение Конзобоя и его утесы навеяли местным жителям забавную легенду. Рассказывают, что возле этого утеса лесной и его жена бегали по льду реки Колымы. Лесовиха, обгоняя мужа, провалилась сквозь лед, и водяной поймал ее за ноги. Муж стал тянуть за голову, а водяной за ноги, и они оторвали ей голову. Муж обиделся и забросил голову за утес, где она лежит и сейчас, превратившись в большой камень.

По поверьям колымчан, и река, и леса, и горы населены различными мифическими существами. В реке есть водяницы, водяные бабы (русалки), в лесах — лесной хозяин (леший), в горах — горный хозяин. Потом есть еще упырь, железнозубый еретик, пужанка, чудинка и суседко (домовой).

Мы останавливаемся под скалой Конзобой у амбаров, куда привозят иногда продовольствие для окружающих заимок. Дальше нам плыть в этом году не стоит — ниже Конзобоя утесов нет до самого Нижне-Колымска. Мы подождем здесь катеров, которые должны итти из Нижне-Колымска в Средне-Колымск с грузом, привезенным морским пароходом. Возле Кульдина мы уже встретили два таких каравана, состоящих каждый из катера с несколькими маленькими баржонками. Скоро должен пройти вверх еще один.

Пора возвращаться — на берегах выпал снег, начали появляться маленькие забереги. Горностаи уже сменили свою темную шубку на белую, зимнюю, и нынче ночью один из них пришел в нашу лодку, чтобы поживиться лежащей там рыбой. Я пробовал сфотографировать его, но горностаи сердито огрызались и так вертелся, что снимки все были неудачны.

С вершины Конзобоя открывается далекий вид. На западе и севере видна громадная низина левого берега Колымы, вся испещренная множеством озер — стариц. Они уже замерзли, а на Колыме по обоим берегам белеют полосы снега. Пока мы стоим у Конзобоя, начинается перелет птиц на юг, и за два дня над нами пролетают

буквально десятки тысяч уток и гусей. Иногда с тоскливыми криками летят небольшие стаи лебедей. Но чаще лебеди летят только вдвоем или вчетвером, каждое семейство отдельно.

19 сентября мимо нас вниз по реке проходят катера с кунгасами, и вдруг от них отделяется моторная лодка, и в ней Бизяев. Оказалось, что наш мотор как раз в это время пришел в Средне-Колымск и Бизяеву удалось получить для него лодку и горючее.

20 сентября мы двинулись обратно. Первая наша ночевка — немного выше Конзобоя, на правом берегу, в уединенной заимке Горнице. В этой заимке провел свою последнюю ночь, 24 июня 1892 года, Черский. На следующий день он скончался немного ниже Конзобоя, у речки Прорвы. Его жена записала в своем дневнике в эти дни следующие строки:

«Июня 24. Боюсь, доживет ли муж до завтра. Боже мой, что будет дальше!

Июня 25. Всю ночь мой муж не мог уснуть: его мучили сильные спазмы. В 12 ч. дня у мужа сделалась сильная одышка. Пристать к берегу нельзя, потому что крутые яры. Муж указал рукой на шею, чтобы прикладывать холодные компрессы. Через несколько минут одышка уменьшилась, и сейчас же пошла кровь из носа.

Пристали в 3 ч. 30 м. к речке Прорве.

Муж умирает.

Он скончался в 10 ч. 10 м. вечера».

Первые два дня мы наслаждаемся быстрым ходом моторной лодки, но на третий температура сильно падает, и мотор начинает пошаливать.

На следующий день мы проходим всего только несколько километров: по реке уже плывет тонкое сало, мотор замерзает и совсем перестает работать. Бизяев набрасывается на него с остервенением и разбирает его на берегу, на замерзшей няше, до последнего винтика. При этом общими усилиями мы выломали часть цилиндра, но Бизяев нас утешает, что это даже к лучшему, потому что как-то особенно удачно будут выходить газы. Кроме того, ветер во время починки насыпал в мотор достаточное количество песка. День этот кончается очень печально — ночевкой в одном-двух километрах от места починки.

25 сентября надежды на быстрое достижение города становятся еще более слабыми. Местами забереги дости-

гают уже ста метров ширины. Мы решаем сделать вид, что забыли про мотор, и итти бечевой. Мотор возмущен и возле заимки Быстрой, в самом опасном месте, где нельзя итти бечевой и надо подниматься по быстрой протоке, вдруг соглашается работать и помогает на протяжении нескольких километров. Но потом он снова бастует и предоставляет нам итти бечевой еще два дня до заимки Жирковой. Тут мы его опять разбираем, но уже в тепле, в заимке. Утром неожиданно снизу подходит караван судов, и мы, не дожидаясь, пока заведется мотор, подъезжаем на веслах. Караван тянут два моторных катера, за ними тащится вереница маленьких кунгасов.

По Колыме можно плавать на больших судах, и через несколько лет здесь появились пароходы, которые стали ходить до Средникана и выше. Судоходный участок Колымы начинается от Бохапчи, тотчас ниже порогов, и достигает почти двух тысяч километров длины.

29 сентября с караваном судов мы подошли к Средне-Колымску. Через несколько дней река стала, и город был отрезан от всего мира.

ТЯЖЕЛЫЙ ПУТЬ ПО ЛЕГКОМУ ТРАКТУ

В Средне-Колымске мы провели самые темные и холодные месяцы, до начала февраля. Горсовет отвел нам для зимовки юрту на окраине города, в которой мы устроились с большими удобствами. После восьми месяцев почти непрерывной езды было приятно отдохнуть в теплом помещении, разобрать и привести в порядок свои материалы, проявить снимки.

Зима в Средне-Колымске теплая по сравнению с Оймяконом и Якутском: за то время, что мы пробыли здесь, только три раза температура спускалась ниже 50 градусов.

В середине декабря скрылось солнце. Город лежит немного к северу от Полярного круга, и настоящей полярной ночи здесь нет. Солнце скрывается на двадцать дней, но и в это время в продолжение четырех часов среди дня бывает достаточно светло, чтобы можно было читать у окна. Это скорее сумерки, чем ночь.

При сильных морозах столбы дыма над городом поднимаются прямо кверху, горизонт темносерый, а за лесом

Зима в Средне-Колымске.

на юге начинает вырисовываться красный полукруг солнца.

Как только появилось солнце, нам надо было думать о поездке на юг.

Для того чтобы изучить возможно полнее бассейн Колымы, необходимо было сначала подняться по одному из больших правых притоков Колымы и выйти по нему куда-нибудь в верховья Омолона и затем спуститься по последнему до Нижне-Колымска. Наибольший интерес для первой части пути представлял Коркодон.

С Колымы проникнуть по Коркодону к Омолону очень трудно, и из местных торговцев никто не ездил торговать в верховья Коркодона. Точно так же никто из якутов не поднимался вверх по Коркодону с Колымы, и из числа эвенков, которых знали русские якуты, не было ни одного, знавшего реку в ее среднем и верхнем течении. Таким образом, среди всего населения Колымы не было ни одного проводника, который мог бы провести нас по Коркодону и найти перевал на Омолон. На Коркодоне, конечно, не может быть никакой зимней накатанной дороги, и ее придется пробивать самим.

Единственный человек, который, как полагали, может найти дорогу на Омолон, это якут Дьячков, по прозвищу «Бека». В середине зимы во время его приезда в Средне-

Якутская юрта зимой.

Колымск мне удалось повидать его. Бека ездил несколько раз по другому притоку Колымы, Сугою, на Охотское побережье. На самом Коркодоне он был только в низовьях, но ему были знакомы в горах многие эвены, и он надеялся, что удастся отыскать среди них проводников. Он согласился взять на себя организацию оленьего каравана для переезда на Омолон. Мы должны были явиться в середине февраля в Верхне-Колымск и оттуда уже на заготовленных Бекой оленях двинуться дальше, вверх по Колыме, и затем по Коркодону. Бека уехал обратно еще в декабре, и после этого мы не имели от него никаких известий.

Зимой нас покинул Бизяев, которому надо было вернуться в Москву.

Нам предстояли, казалось, сравнительно простые задачи — собрать в Средне-Колымске продовольствие и затем отправиться с ним до Верхне-Колымска. Но обе эти задачи при исполнении оказались не такими простыми.

Наше продовольствие лежало еще в Нижне-Колымске, и с большим трудом удалось привезти часть его на собаках в Средне-Колымск. Оленей для проезда в Верхне-Колымск мы могли собрать лишь в недостаточном количестве и большей частью истощенных. В конце ян-

варя я отправил вперед с партией груза колымчанина Ваню (ездившего с нами в низовье Колымы), а 12 февраля мы вышли сами с остальными оленями.

Найти на Колыме проводника для Омолона так же трудно, как и для Коркодона: колымчане ездят только в низовья этой реки.

Один лишь Ваня в прошлом году вместе с экспедицией Наркомвода прошел через среднее течение Омолона в Гижигу и, выйдя оттуда обратно в верховья Омолона, проплыл весной по последнему около семисот километров. Таким образом, в Средне-Колымске он был единственным человеком, знающим Омолон.

Я послал его вперед с тем, чтобы он с первой партией груза возможно скорее достиг Верхне-Колымска и там проверил, готовятся ли олени для поездки вверх по Коркодону, и, по возможности, ускорил их заготовку. Но уже через несколько дней после его выезда я стал получать от него жалобные письма. В первый же день, 26 января, он писал мне:

«Доехали до первых жителей; сообщаю вам, что уже два оленя в дороге упали, кое-как довели до отавы, не знаю, как дальше будем ехать, олени очень плохи, вблизи корма нет для них. Всем привет, доехал хорошо».

Далее было с каждым днем все хуже, и 31 января он писал:

«Уведомляю вас, что я в безвыходном положении... Олени не могут без дороги груз везти, только осталось 8 оленей, которые могут еще итти, везти груз, отава очень далеко. Некоторые олени без нарты кое-как тащат себе свои ноги, а дать долгий отдых оленям — нет такого кормовища хорошего и снег глубокий, олени пристали, они и снег не могут как следует копать, очень, очень плохие олени».

И последнее письмо, адресованное «товарищу начальнику Академии наук», сообщало, что он остановился в двухстах якутских верстах (около ста шестидесяти километров), в местности Алы-Кюель, и ехать далее не может.

«Если ехать, то пошлите распоряжение, как ехать, а олени эти не повезут, а если повезут, то будут пропадать. Я не желаю, чтобы убивать оленей».

Наши олени, на которых едем мы, не в лучшем состоянии — они истощены гоньбой. Первый день мы проезжаем (выехав под вечер) только пять километров.

Путь очень тяжел — снег глубокий и дорога занесена. Олени так устали, что на третий день приходится сделать дневку; ясно, что груз, который у нас с собой, увезти невозможно, хотя при выезде из Средне-Колымска я уже оставил там три четверти тонны разного груза. Здесь же у ближайшего жителя мы оставляем еще два мешка муки, ящик свечей и станки от палаток. Но это не помогает. В девяти километрах от этой юрты Сивцев оставляет в лесу двух уставших оленей и бросает одну нарту, чтобы забрать их на обратном пути.

Дальнейший путь пришлось располагать так, чтобы проезжать в день всего лишь пятнадцать километров, причем на половине пути мы останавливаемся, даем отдых оленям и выкармливаем их. Нанять еще оленей или лошадей негде — местность почти безлюдна.

На пятый день выезжаю вперед, чтобы достичь мест, богатых лошадьми, и там нанять достаточное количество подвод для помощи нашему каравану. В бедном селении Камса я провожу около двух суток в ожидании отставшего каравана. Здесь недавно был «муньях» — народное собрание, и поэтому скопилось довольно много якутов, так что можно нанять шесть подвод.

Юрта, в которой я жил, была довольно грязная. На Колыме не принято соединять хотон (хлев) вместе с юртой, как это водится в центральных частях Якутии; здесь хотон ставится отдельно, но тем не менее нередко в юрту загоняют телят, большую корову.

Во время переезда до Верхне-Колымска мы могли хорошо ознакомиться с бытом колымских якутов, потому что часто приходилось сидеть полсуток или даже целые сутки в юртах в ожидании лошадей. В 1930 году на Колыме было мало богатых якутов — большей частью середняки и бедняки. Во время нашего пребывания на Колыме проводились раскулачивание и передел покосов. Покосы якутов представляют основу их хозяйства; скотоводство наравне с рыбной ловлей является главной отраслью хозяйства. Поэтому богачи, владевшие близкими и хорошими покосами, могли широко эксплуатировать безземельных бедняков.

Обычно в юртах нас встречали очень гостеприимно, как и на западе, но угощение здесь несколько иное. В то время как в западной Якутии дают масло или хаяк, здесь основное угощение — строганина. Чтобы изготовить ее, превосходного большого чира (шириной в восемь-девять

пальцев, по здешней мере), только что принесенного с мороза, немного нагревают у камелька, срезают ножом чешую вместе с кожей и затем настругивают толстыми стружками. Строганину эту едят обычно только с солью, без хлеба, и она превосходна на вкус. Тот же англичанин Кохрэн, о котором я уже говорил, пишет, что ни одно блюдо не может сравниться по вкусу со строганиной: она гораздо нежнее, чем устрицы, и замечательно тает во рту. Даже в бедных юртах, где самим нечего было есть, старались принять нас как можно лучше и давали иногда даже несколько кусочков мяса на блюдечке.

От Камсы наш караван разделился. Салищев уехал на лошадях и должен был ночевать в юртах — лошади зимою, когда они заняты работой, нуждаются в сене. Я поехал дальше более медленно на утомленных оленях.

Встреча была назначена в Алы-Кюеле, где нас ждал Ваня. После шума юрты в Камсе мне доставило большое удовольствие ночевать в палатке, несмотря на мороз, который еще достигал 45 градусов. Теперь эти градусы не казались мне такими ужасными, как в 1926 году, и вечером, приехав к месту ночлега, я с удовольствием вместе с Василием ставил палатку, заготавливал дрова и растапливал печку, а потом в ожидании, пока чай вскипит, ел строганину из чиров, которыми мы были снабжены в достаточном количестве.

Салищев по мере продвижения вперед все увеличивал свой караван, нанимая лошадей направо и налево. Таким образом, он мог высылать мне подводы навстречу, облегчать оленей, и я отсылал обратно наиболее утомленных.

Колымская лошадиная упряжка очень забавна. Здесь еще в 1930 году не знали оглоблей; в оглоблях ходили только быки, лошади же возили сани за веревку, привязанную к верховому седлу. В сани кладут только десять пудов (сто шестьдесят килограммов), а сам ямщик садится верхом на лошадь. Колымчане утверждают, что лошадям так гораздо легче. Когда нужно спускаться с горы, то, чтобы сани не наезжали на лошадь, ямщик слезает и придерживает сани за задок. Лошади зимой покрываются длинной шерстью и становятся толстыми и круглыми.

В Алы-Кюеле я догнал Салищева, и тут мы нашли Ваню с нашей первой партией. Он выкармливал оленей

Путь к Верхне-Колымску.

шестнадцать дней, и, несмотря на то, что был обильно снабжен деньгами и имел прямое приказание нанимать возможно больше подвод, он не решался двигаться дальше, причем, повидимому, главной причиной его нерешительности было желание побыть подольше с местными красавицами.

От Алы-Кюеля мы едем, разделившись на четыре отряда, из которых три передовых — на лошадях, а сзади — утомленные олени. За этот путь я больше, чем во время перевала через Верхоянский хребет, узнал, как сильно могут уставать олени. Олень очень покорное животное и тянет до тех пор, пока у него остается хоть немного сил. Самый верный признак, по которому узнают, устал олень или нет, это хвост. Когда олени бегут бойко и держат свой маленький хвостик кверху, значит они свежи и полны сил. А когда хвостик горестно опущен, значит олень устал и скоро выдохнется. Особенно уставших оленей, которые совсем не могли идти, Петр Сивцев лечил очень оригинальным способом. Он связывал им четыре ноги вместе и потом, поднимая оленя за ноги, встряхивал несколько раз в воздухе. Первый раз, когда я это увидел, то подумал, что Сивцев хочет убить бедное

животное. Но он развязал оленю ноги, и тот, как встре-
панный, побежал в лес.

Невдалеке от Верхне-Колымска нас обогнал Бека, ехавший из центра улуса, где он собирал последних оленей, и сообщил, что все уже готово.

2 марта, с опозданием на две недели, последняя из наших партий пришла в Верхне-Колымск, или «крепость», как он еще зовется по старой памяти.

В Верхне-Колымске после долгих разговоров был заключен договор с Бекой и Верхне-Колымским нацсоветом. Олени принадлежали целому ряду жителей наслега, и Бека являлся только их уполномоченным. Мы должны были получить здесь тридцать нарт с четырьмя проводниками. За каждую из них я платил сто семьдесят пять рублей — за эти деньги можно было целиком купить обо-
их оленей с нартой, но только такая цена могла соблазнить владельцев отпустить оленей в страшные и неиз-
вестные места.

В СТРАНЕ ЮКАГИРОВ

4 марта подают новых оленей. После наших жалких и истощенных оленей эти кажутся необычайно сильными и толстыми.

От Верхне-Колымска нам надо сначала пройти немно-
го вверх до Ясашной и от нее наискось пересечь водо-
раздел к Колыме. В низовьях Ясашной расположено не-
большое селение юкагиров — Нелемное. Тут живет бóль-
шая часть верхнеколымских юкагиров.

Когда-то юкагиры, или одулы, были многочисленным и сильным народом, населявшим северо-восточную Азию. Юкагирская земля занимала бассейны Яны, Индигирки и Колымы. Когда русские пришли сюда, здесь еще не было якутов (кроме самых верховьев Яны), а эвены ко-
чевали в небольшом количестве в горах. Жившие в до-
линах рек юкагиры очень быстро были завоеваны рус-
скими и стали вымирать.

По тем сведениям, которые мне удалось собрать, те-
перь в верховьях Колымы живет всего сто двадцать пять юкагиров и триста кочует в западной тундре, между низовьями рек Индигирки и Колымы. Юкагиры очень интересное племя. Их язык, по исследованию Иохель-
сона, имеет связь с языками индейцев Северной Аме-
рики.

Олени с легкими, весенними рогами добывают мох из-под снега.

Юкагиры в настоящее время смешались с эвенками и якутами; только на Коркодоне можно отыскать чистый юкагирский тип.

Жизнь юкагиров до советской власти была чрезвычайно тяжела. Исконные рыболовы, они живут главным образом вдоль рек и всецело зависят от улова. Оленей до сих пор они не держали, но и настоящего колымского скота — собак — они также имели очень небольшое количество. В одной семье только три-четыре собаки, и во время весенних перекочевков юкагиры должны сами впрягаться в нарты, чтобы помогать собакам. Как и для большинства туземцев Севера, для юкагиров основным подспорьем служит охота.

Уже во время нашего пребывания на Колыме специальные разъездные агенты Госторга доставляли продовольствие в места, где жили юкагиры, а позже на устье Коркодона была построена культбаза, которая теперь ведет большую работу по культурной помощи этому маленькому народу.

От Нелемного до Коркодона мы могли ехать по санному следу — здесь в начале зимы провезли груз в факторию Госторга, находящуюся на устье Коркодона, и хоть этот след и был замечен пургами, но опытный про-

Дмитрячка сгоняет оленей.

водник мог найти его: на нем снег гораздо тверже и нарты проваливаются не так сильно.

Мы двигаемся вверх по Колыме сравнительно медленно, от двадцати до тридцати километров в день. Каждые три дня делается дневка, для того чтобы дать отдохнуть оленям, которые должны добывать себе мох из-под довольно глубокого снега. Поэтому только 17-го мы доходим до фактории у устья Коркодона.

В фактории, кроме нашего старого знакомого Дмитрия Винокурова, мы встречаем Бережнова, члена Колымского окружного исполкома и одновременно агента Госторга. Когда он уезжал из Средне-Колымска, я просил его, чтобы он постарался достать нам проводника до Коркодона. В феврале сюда приходили эвены с верховьев правого притока Коркодона — Рассохи — и с Сугоя для закупки товаров. Бережнову не удалось убедить эвенов провести нашу экспедицию по Коркодону. Они говорили: «Горы наши, камни наши, река наша — нечего им ехать и смотреть».

Они рассказывали, что по Коркодону сейчас невозможно идти, что там прошли недавно большие пожары, которые выжгли все моховище, так что оленей там негде кормить, а Коркодон во многих местах покрыт полыньями, по нему невозможно ехать на нартах.

Дальнейший путь вверх по Коркодону приходилось, очевидно, совершать так же, как мы это делали в прошлом году, то есть без проводников.

На четвертый день мы дошли до устья Рассохи, но и тут нас ожидало разочарование: в стойбище юкагиров не было ни души.

Юкагирское поселение на устье Рассохи, называемое Чинганджа, состоит из нескольких юрт, построенных по якутскому образцу, и нескольких лабазов (амбаров). Здешние лабазы, чтобы предохранить продукты от диких зверей, ставятся на одном или на двух высоких столбах, так что попасть в них можно только по стремянке. Кроме этих сооружений, вблизи юрт были будки для собак, сделанные из сухой травы.

У устья Рассохи мы простояли сутки, для того чтобы дать возможность Салищеву определить астрономический пункт. Я в это время сходил вверх по Рассохе, чтобы изучить утесы и посмотреть, что за таинственная страна расстилается к востоку. Когда я взобрался на лыжах на гору, передо мной открылся унылый вид — между Рассохой и Коркодоном и на юг от него тянулось низкое, ровное плоскогорье, а Коркодон уходил на восток; кило-

Стан юкагиров.

Юкагирские собаки на подстилке.

метрах в ста пятидесяти—двухстах блестели снежные вершины отдаленных гор.

Когда мы проложили на карте направление Коркодона, оказалось, что он идет в нужную нам сторону и мы попадем к устью реки Крестика на Омолоне. С горы видно было, что во многих местах Коркодон не замерз, темнела открытая вода, а на большом протяжении по правому его берегу простирались огромные пространства, выжженные лесными пожарами.

Значит, когда мы пойдем дальше, нам нужно будет не только отыскивать и пробивать дорогу, но и находить кормовища для оленей. Может быть, восточнее пожар перекинулся и на правый южный берег Коркодона и нам придется свернуть в сторону от реки и обходить сожженные голодные места?

Чтобы обеспечить продвижение каравана на Омолон по намеченному маршруту, я обещал Беке премию, в случае если он выведет нас до вскрытия рек в верховья Омолона, к Крестiku.

Вблизи селения на реке мы нашли юкагира — немого старика, который остался здесь ловить рыбу. Он объяснил Бережнову, хорошо понимавшему его знаки, что

остальные юкагиры ушли вверх по реке ловить рыбу, как они делают обычно в марте. У немого было достаточно продовольствия, и он припас шкурки белок, чтобы выменять на товары, привезенные Бережновым.

ПО СЛЕДУ

Три дня мы медленно двигаемся вверх по Коркодону по следам узких нарт юкагиров. Видно, что они часто останавливались и пробивали ряды прорубей в реке, чтобы ловить рыбу подледной сетью. Наконец у одной из их стоянок Бека заявляет, что теперь юкагиры уже близко — след совсем свежий, и можно стать на ночь, не доходя до них. Мы оставляем наших спутников и вдвоем с ним едем отыскивать юкагиров.

В нескольких километрах далее, во впадине у высокого речного обрыва, около рощи тополей, — стан юкагиров. Они только что пришли, и вечернее солнце ярко освещает коричневые шкуры недавно поставленного чума. Мужчин нет, а женщины занимаются расстановкой чумов и палаток. На пучках сухой желтой травы сидят несколько черных собак — по две, четыре вместе, маленькие, с острыми мордочками. Так как это очень ценные животные, то им подложена теплая подстилка, чтобы они не простудились. Тут же рядом в мехах на снегу лежат грудные дети. У одного из юкагиров не чум, а палатка. Палатки с железными печками при перекочевках гораздо удобнее, чем кожаные и берестяные чумы, и ими постоянно пользуются якуты, а иногда и юкагиры и эвены.

Вскоре после нашего прихода появляются и мужчины. Первыми приходят маленькие мальчишки, лет пяти-шести. Они идут на лыжах, широких и коротких, подражая в походке мужчинам. Затем появляются взрослые — темные силуэты на вечернем небе на тонких изящно обутих ногах и в просторных меховых парках. Нас принимают в самом большом чуме и угощают чаем со строганиной. Все население Коркодона — двадцать душ — собралось в этой юрте посмотреть на нас.

На другой день юкагиры явились к нам, чтобы получить у Бережнова продукты и сдать ему пушнину. Между нашими нартами была поставлена тренога и подвешены весы. Взвешивали муку, нюхали и делили табак,

щупали мануфактуру. Женщины в расшитых нагрудниках, рисунок которых заимствован у эвенов, стояли степенно. Особенное впечатление на всех наших проводников произвела молодая девица, знаменитая охотница Ольга, девушка лет семнадцати-восемнадцати с ярким цветом лица. Она уже ведет самостоятельную охоту и нынешней зимой убила пятьдесят белок. Юкагиры сдали Бережнову не только свою пушнину, но и перекупленную у горных эвенов, которые иногда заходят к ним.

С помощью Бережнова мы долго уговариваем юкагиров дать нам проводника вверх по Коркодону. Выясняется, что они вверх по реке знают путь очень недалеко, только километров на пятьдесят. Они обычно в конце зимы поднимаются вверх по Коркодону, чтобы ловить рыбу, и в конце апреля возвращаются обратно на устье Рассохи, а затем летом спускаются вниз по Коркодону до Колымы. Далеко по Коркодону никто из них не заходил. Но даже на эти пятьдесят километров они долго не соглашались дать проводника.

Сидя кружком на полу палатки, попивая медленно чай, мы ведем с ними очень длительные дипломатические переговоры. Юкагиры хотят показать, что они делают большое одолжение даже тем, что пришли сюда к нам и разговаривают с нами. Старый юкагир Григорий говорит:

— Каждый день вверх кочуем, на новом месте рыбу ловим. Сегодня к вам пришли, на старом месте остались, рыбы не поймает, голодать будем. Хотели вас просить с нами сегодня вверх покочевать. Но вы люди дорожные, далеко вам ехать. Думаем, пускай лучше мы голодать будем, вас беспокоить не станем, к вам придем... Как вам человека отдадим? Мужчина пойдет, рыбы ловить не будет, семья голодать будет. Женщина дороги не знает, оленям корм не покажет; женщину послать нельзя.

Наконец после десятой чашки чая, выговорив большую плату, они соглашались дать нам в проводники одного из стариков.

Бережнов, кроме торговых дел, должен был в качестве члена исполкома провести муньях (собрание). Для обслуживания юкагиров предполагалось создать культурную базу в фактории на Столбовой, и надо было уговорить их перейти на оседлое жительство в окрестностях базы. На все убеждения Бережнова, что возле базы жить им будет легче и что никогда не будет голодовок,

Мальчик-юкагир.

юкагиры отвечают отказом. Они говорят: «Живите сами в культбазе, а нам не выжить; если мы должны будем отказаться от вольного воздуха и перекочевков, мы умрем». Так Бережнов и уехал обратно, не убедив их променять вольную кочевую жизнь на более обеспеченное оседлое существование.

После встречи с юкагирами решено, по их совету, покинуть Коркодон, потому что на нем слишком часто начали попадаться опасные полыньи, в которые легко могли провалиться нарты (накануне один олень моей нарты наполовину провалился сквозь лед, пробитый копытами передних оленей), и двинуться прямо через болота и леса вдоль подножия гор левого берега.

Но уйти от юкагиров не так просто: утром на следующий день исчезают олени, их найти почему-то трудно; кроме того, многие нарты надо чинить, якуты-ямщики двигаются страшно медленно, и Ваня убеждает меня, что необходимо остановиться тотчас у стана юкагиров и что так распорядился Бека. Потом я узнал, что причиной этого промедления была охотница Ольга — всем хотелось провести еще денек с ней. Только железная настойчивость Беки позволила нам в полдень двинуться дальше и безопасно пройти мимо стана юкагиров.

Они перешли немного выше по реке и начали здесь ловить рыбу. Поперек реки пробито несколько прорубей, сквозь них пропускается сеть. Этим заняты все мужчины, включая мальчиков.

Покинув Коркодон, мы двинулись наискось через кунтук (так колымчане называют редкий лес, лежащий между рекой и подножием гор). Вскоре оказалось, что старик-юкагир, очень милый и ласковый человек, как проводник никуда не годится. Итти вперед на лыжах и прокладывать путь (лыжницу) для передовых оленей он не в силах, а в выборе дороги для оленьего каравана он не понимает ничего. Поэтому, посмеявшись над ним немного, Бека посадил его на одну из задних нарт, и три дня, что старик едет с нами, он и проводит на этом почетном посту.

Дальше мы надеялись уже на встречу с горными эвенами. Поэтому мы внимательно смотрим, не попадется ли где-нибудь след верхового оленя.

Долина Коркодона тут очень широка, километров до семи-восьми. Мы идем вдоль гор левого берега, которые почти не имеют утесов. Чтобы осмотреть одновременно

Старик-юкагир, проводник по Коркодону.

утесы по правому берегу, мне приходится пробегать на лыжах это большое пространство и потом, пройдя по утесам на реке, возвращаться обратно в лес к условленному месту встречи с Ваней, который вел мои нарты. В Верхне-Колымске я купил себе для этого местные лыжи, подбитые мехом с оленьих ног (камас). Ширина их показалась бы невероятной европейскому лыжнику — в средней части они шириной двадцать восемь сантиметров каждая, — но ходить на них очень хорошо, и они удобны для подъема на горы.

Зимою без лыж здесь человек совершенно беспомощен. У наших проводников лыжи как бы приросли к ногам. Бека и его помощники то прокладывают лыжницу впереди каравана для передовой нарты, то идут рядом, то садятся на минутку на нарту, не сбрасывая лыж, а свесив ноги сбоку.

Интересно смотреть, как они ловят оленей. Иногда олени забираются очень высоко на горы, и Бека проворно бегаёт за ними и с невероятной быстротой спускается вслед за бегущим стадом с крутой горы среди густого леса и кочкарника.

Так мы проходим притоки Коркодона — Пани и Лориончик. На третий день, не доходя реки Билирикена, мы пересекаем следы эвенов, ушедших на юго-запад. Наши якуты тотчас же собираются вокруг остатков становища и определяют, кто тут был. Решено, что эвены ушли не далее трех переходов, что здесь было двадцать оленей, женщины, трое мужчин, детей не было. Я проникся большим почтением к этому искусству чтения следов и невольно вспомнил рассказы Купера о славных индейцах-следопытах.

Увидев следы, Бека немедленно снарядился в дорогу. Он взял немного еды, легкую парку, сбросил все тяжелое и отправился по следам на юго-запад. А мы идем дальше вверх по Коркодону и у устья Билирикена неожиданно натываемся еще на одно становище. Весь снег истоптан оленями, на реке стоит эвен. Увидев наш караван, он бросает мешок, который держал в руках, и убегает в лес. Мы решаем стать недалеко и воздержаться пока от поисков эвенов до возвращения Беки: никто из нас, кроме него, не знает эвенского языка.

Бека прошел в погоне за эвенами несколько десятков километров, нагнал их, переночевал и вернулся утром к

нам. Эвены, которых он нашел, не согласились идти с нами — у них был только один мужчина, который не мог оставить детей. Он послал нас к другой семье, возле которой мы как раз стояли.

После этого я немного разочаровался в наших следопытах: они ведь говорили, что там трое мужчин и нет детей.

БЕЗ ДОРОГИ

Мы идем снова без проводника. Сначала, как говорил эвен, нам нужно идти в сторону от реки, через болота, — для сокращения дороги и потому, что вблизи реки по правому берегу на значительном расстоянии все кормовища выжжены. Днем мы двигаемся среди полного безмолвия. Часто попадаются только следы белок, лисиц и зайцев. Иногда пролетит кукушка или черный мрачный ворон.

Впереди каравана обычно идет якут, по прозвищу «Кука», старый опытный проводник, который хорошо умеет выбирать и прокладывать дорогу. Это далеко не простое дело и к тому же очень утомительное. Надо все время идти на лыжах по снегу и тащить за собой связку нарт. Передовая нарта идет почти совсем пустая, и олени только пробивают снег. Следующая — с небольшим грузом, а дальше идут уже груженные нарты, на каждой из которых лежит около ста пятидесяти килограммов.

Передние олени часто выбиваются из сил, и их приходится сменять, но Кука весь день неутомимо идет вперед, всегда веселый, мурлыкая какие-то песни. То он бросает связку и отходит вперед, чтобы выбрать хороший спуск в ручей или в протоку реки, то прорубает заросли, через которые мы пробираемся.

Следом за связкой Куки идет другая связка, которую ведет сам Бека, а затем другие ямщики — Дмитричка и Конон. Дмитричка — маленький, немного горбатый якут, Конон — веселый молодой парень.

Кука неизменно оптимистичен, и, в то время как остальные, в особенности русские рабочие, начинают унывать, Кука считает, что все обстоит превосходно и мы несомненно выйдем на Омолон.

На стоянках, место для которых выбирает Бека или Кука, раскопав снег и освидетельствовав мох, оленям предстоит новая работа — копытить снег, чтобы добы-

вать мох. По мере того как мы двигаемся на восток, приближаясь к морю, снега становятся глубокими, и все труднее пробивать дорогу и кормить оленей. Но на днях у них все же остается достаточно времени, чтобы слоняться по лагерю в поисках чего-нибудь соленого. При этом они жуют все, что попадется: мешки, меховые рукавицы, шапки, пробуя все на вкус. Один олень из моей упряжки раз ночью съел четыре килограмма шанхайского топленого сала и потом трое суток страдал желудком.

Дня через три после того, как мы покинули стан эвенов, мы увидели, что впереди Коркодон разделяется на две долины. Одна уходит на юг, а другая — в высокие горы к северо-востоку. Кажется, это то направление, которое нам необходимо, и, когда я догоняю Куку, остановившегося среди равнины, чтобы поправить упряжку оленей, он с радостью сообщает:

— Это, наверное, Коркодон уходит в горы, он обязательно должен идти налево. Я очень рад, завтра, наверное, дойду до Омолона.

К вечеру мы доходим до этой долины, и, хотя в горы на восток отделяется сравнительно небольшая речка, Кука отправляется вверх по ней, уверяя, что Коркодон не может уходить на юг. Только когда он ушел на целый километр, его догнал Бека и заставил вернуться назад, доказывая, что Коркодон никак не может быть таким маленьким.

Мы становимся около устья этого неизвестного притока Коркодона. Вероятно, это Джигуджак, о котором нам рассказывал старик. Здесь хорошее место для астрономического пункта у самого устья реки, где растет живописная лиственница; на ней высится громадное орлиное гнездо.

Следующий день очень неблагоприятен для астрономических наблюдений: ночью начинается снег, который продолжается целые сутки. Сквозь белесую мглу не видно даже ближайшего леса. Все сидят в своих палатках и мрачно думают о предстоящем пути. Коркодон, несомненно, уходит круто на юг, почти параллельно Омолону, и тем самым очень удлинит наш путь до весновки.

Наиболее мрачные предсказания делаются в палатке русских рабочих. Распространитель самых страшных известий — Ваня. Вообще это очень милый молодой чело-

век, с хорошим характером, прилежный на работе и отличный олений, а также собачий каюр, но, как и все колымчане, он очень любит передавать слухи и страшные известия. Еще в начале дороги из Верхне-Колымска он писал домой жене, что «Обручев ведет нас в такое место, где мы все пропадем, олени и люди». Он является связующим звеном между обеими палатками — «якутской» и «русской» — и, возвратившись в «русскую» палатку, неизменно рассказывает, что на Омолон нам не попасть — олени совершенно «расписались», — что Кука требует повернуть в первую же долину, уходящую на восток, иначе вся ответственность за то, что мы не попадем на Омолон, ляжет на начальника экспедиции, что Бека сказал: «Довежу до Омолона и там брошу, до Крестика не поведу».

Об Омолоне, на котором он был в прошлом году, он рассказывает самые ужасные вещи: в верховьях его, где мы хотим весновать, нет леса для постройки лодки; течение такое быстрое, что невозможно удержаться у берега; чтобы остановить лодку, приходилось привязывать ее к дереву веревкой, но веревки лопались, и лодку уносило; вся река покрыта камнями, а где нет камней, там громадные завалы принесенного водой леса, при ударе о которые лодка должна обязательно опрокинуться.

Все эти разговоры передаются мне другими русскими рабочими в еще более преувеличенном виде и с самыми мрачными предсказаниями о предстоящей гибели.

Около устья Джигуджака не только не удастся произвести астрономические наблюдения, но и нельзя взобраться на горы, чтобы посмотреть вперед. Только на второй день кончается снег и можно двинуться далее. Лишь через два дня мы доходим до ущелья Коркодона.

Ущелье, знаменитый Абкит, в действительности не такое страшное. Здесь нет ни одной большой скалы. В середине его мы сделали обычную дневку после трехдневного перехода, и тут Салищев определяет астрономический пункт. Бека со своей связкой нарт отправляется вперед на несколько переходов, для того чтобы отыскать следы эвенов, потому что положение делается все более и более напряженным: мы ведь не знаем, где же, наконец, будет эта Русская река, которая должна вывести нас на Омолон.

Выше Абкита мы выходим в верхнее расширение Коркодона.

На первой же нашей остановке к вечеру возвращается Бека, страшно усталый, едва волочащий ноги. Он уходил за эти два дня на лыжах очень далеко, оставив оленей в месте первой условленной стоянки, но эвенов не догнал. Видел довольно много их старых следов, но до свежих ему дойти не удалось.

Еще три дня мы идем вверх по этому расширению Коркодона. Вся эта долина создана во время прежнего большого оледенения хребта. Громадный ледник, спускавшийся по долине на север, уходил потом западнее, в широкую долину между Абкитом и горной группой Уямкан, а современное ущелье Коркодона промыто рекой, которая не могла преодолеть нагромождения морен и льдов и должна была пробить себе новую дорогу — через гранитный массив Абкита.

На третий день на левом берегу реки показались мелкие утесики. Это и был долгожданный Элень. Возле него мы обнаружили обрадовавшие нас признаки: рыбные заездки, то есть перегородки из прутьев поперек реки, сделанные еще летом, и рядом свежие следы оленей. Это эвены объезжали настороженные на пушного зверя пасти еще сегодня утром. Опять мы останавливаемся в ожидании известий, а Бека уходит искать эвенов. На следующий день, к двум часам, Бека возвращается, найдя эвенов в двенадцати километрах от нас. К вечеру приезжают верхом на оленях три эвена.

На Коркодоне и вообще у горных эвенов Колымского района нарты совершенно неизвестны; эвены летом и зимой кочуют с вьючными оленями.

Один из приехавших тунгусов был старик в больших круглых очках (тут уже появляются американские изделия, которые раньше привозили с морского побережья), второй гость хромой, с ногой, поврежденной когда-то на Омолоне, куда он ездил, а третий — почтительный молодой эвен. По их словам, дорога на Омолон идет как раз по речке, впадающей против нашей стоянки. По ней лет пятьдесят тому назад действительно приезжали из Гижиги русские купцы. До Омолона на лыжах эвен может дойти в два дня. После сравнения различных расстояний и расспросов мы установили, что это — расстояние около ста километров.

Эти эвены уже совсем не такие отсталые, как преды-

Эвен ловит рыбу.

душие, и охотно вступают в переговоры о продаже оленя на мясо и о проводнике. Сперва они не хотят продавать оленя, но, когда я показываю яркий кусок кретона и выясняется, что по твердой колымской цене за оленя я отдам весь кусок (олень расценивался в 1930 году на Колыме от тридцати до семидесяти пяти рублей), старик спешит заключить сделку и забрать скорее материю. Цена, предложенная за проводника, кажется также настолько большой, что эвены не торгуются. Только в конце, перед отъездом, им, повидимому, становится жалко, что они не взяли еще чего-нибудь, и они начинают говорить, что проводнику будет очень страшно и одиноко возвращаться одному и что следовало бы взять с собой еще одного человека и заплатить ему такую же цену.

Уезжая, эвены поразили нас еще одним проявлением своей образованности: когда я фотографировал их во время посадки на оленей, один из них стал кричать: «Аракай!» Оказалось, что это искаженное слово «карточка». Они уже слышали об этом изобретении и даже, повидимому, видели чьи-то карточки. Олени шарахались и храпели и, когда эвены вскочили на них, помчались быстрой иноходью, разбрасывая снег.

На другой день мы передвигаемся ближе к стану эвенов. На полдороге они выходят нам навстречу. Еще издалека видна какая-то темная куча на льду, а потом из леса показываются десять темных фигур, тонконогих, с длинными руками, морщинистыми лицами, в мохнатых шапочках, с круглыми очками. Их чепчики сделаны очень забавно: верх из белой материи, а внутри — олений мех. На одном из эвенов надет какой-то колпак, на котором еще видна надпись по-английски: «Крупчатка». Черная куча на снегу — только что убитый олень, куски которого разложены на шкуре.

Хотя Омолон уже близок, в палатке русских рабочих вновь и вновь обсуждается вопрос о том, хорошо ли мы делаем, что идем на Омолон, не застрянем ли мы там и не будем ли «куковать на Омолоне». Михаил уговаривает меня, что лучше выйти на морское побережье в Гижигу, и, когда я говорю, что до Гижиги дальше, чем до Омолона, он уверяет, что, напротив, «Гижига близко, я уж знаю, как мне не знать!»

ПЕРЕВАЛ НАЙДЕН

Весело и бодро мы двигаемся дальше. Теперь уже нет никаких сомнений, что так или иначе на Омолон мы попадем, и нет тяжких колебаний в выборе пути. Мы оставляем широкую долину Коркодона и поднимаемся на восток по Русской реке, углубляясь в высокую цепь гор, отходящую далеко на север от главного охотского водораздела.

Новый проводник, так же как и все наши проводники, мало полезен. На второй день Бека решает его отослать обратно — он не умеет выбирать дороги для большого оленьего каравана. На прощанье он рассказывает Куке, как надо переваливать на Омолон.

Широкая ледниковая долина Русской реки переходит совершенно незаметно в другую, спускающуюся уже к Омолону. Здесь течет речка, также называемая Русской рекой. С юга все время тянется непрерывная высокая стена гор Иняга, а на севере сквозь туман и снег проглядывают такие же крутые склоны гор Молькаты.

Огромная перевальная долина шириной до пяти километров была когда-то прорыта большим ледником.

Несмотря на то, что почти все время идет снег и па-

Перевал на Омолон.

смурно, блеск снежных равнин, не смягченный лесом, который кончается уже на высоте восьмисот метров, совершенно нестерпим. Все мои спутники давно надели снеговые очки, опасаясь снеговой слепоты. Я долго храбрился — сквозь очки смотреть неприятно: они запотевают и их приходится обтирать, — но в конце концов у меня заболели глаза, и несколько дней я с трудом мог глядеть. Среди эвенов и якутов теперь уже широко распространены очки русского и американского производства. Те, кто их еще не имеет, носят или особый козырек, сделанный из полоски длинной шерсти, или дощечку с узкими щелками, нечто вроде очков из дерева.

2 апреля мы спускаемся из перевальной долины в более низкие области. Долина Русской реки перегорожена высоким моренным валом, и ниже его лежит громадный тарын; над ним на склоне горы острые глаза Куки разглядели чум и оленьи стада. Решено остановиться выше тарына, который представляет большие трудности для перехода, и расспросить жителей этого чума о дальнейшей дороге.

Бека, наш дипломатический посол, отправляется для переговоров. Но тут даже не нужно было уговаривать — хозяева чума немедленно приезжают сами. Это эвены и коряки (нымыланы), работники богатого оленевода-ко-

ряка Каменкина, которые пасут одно из многочисленных его стад. Один из них, эвен средних лет, оказался чрезвычайно бойким. Он немедленно садится у нас в палатке, начинает поедать все, что стоит на столе, и просит:

— Господин, дай маленький.

Это значило, что ему надо дать маленький стаканчик водки. Он говорит очень много, с очень энергичными жестами, стараясь убедить в превосходных качествах оленя, которого он собирается продать нам, и в том, что он может хорошо вести нас по Омолону.

Здесьние коряки и эвены уже нередко выходят на Охотское побережье, посещают русские фактории, и им известны все преимущества торговли и денежного обращения. Мы покупаем у них одного оленя из стада Каменкина и договариваемся, что они поведут нас вниз по Омолону, который, оказывается, совсем близко, тотчас за тарыном и ближайшим лесом.

Но эвен не сулит нам ничего хорошего от этого пути: снег на Омолоне во многих местах настолько глубок, что эвены при кочевке не могли пройти вниз по реке.

Разбитной эвен вместе со своим товарищем коряком являются на следующее утро, для того чтобы вести нас вниз по Омолону. Коряк был на широчайших лыжах, даже шире моих, обе вместе они были шириной семьдесят сантиметров, и так как он ходит, несколько раздвинув ноги, то, вероятно, захватывает полосу шириной до метра. Эвен приехал на коряцких нартах.

Приморские коряцкие легковые нарты резко отличаются от эвенских и якутских, которые мы видели до сих пор внутри страны. Это очень легкое сооружение, в котором копылья сделаны из приморской кривой березы и представляют ряд дуг, упирающихся в полозья, нечто вроде шпангоутов лодки. На нарту может сесть только один человек: она узкая и легкая, очень удобна для быстрой езды, но непригодна для перевозки грузов. Олени здесь меньше эвенских, сухопарые и почти черные.

Тотчас ниже стана начинается большой тарын. Его поверхность совершенно гладкая, и он доставляет нашим оленям очень много неприятностей. Они не могут идти по этой гладкой ледяной поверхности, так что многие нарты приходится отпрячь и передвигать силами людей. Когда связка вступает на лед, ямщик старается тащить ее бегом, не давая останавливаться, потому что сдвинуть с места тяжелую нарту на льду олени уже не смогут.

Коряки в верховьях Омолона.

Если несколько оленей падает, ямщик не обращает внимания, и связка тащит оленей в самых живописных позах — на спине, на боку, с болтающимися кверху ногами. Только если падает большая часть оленей в связке, по необходимости приходится останавливаться и разделять связку на части.

Низовья Русской реки, ниже и выше тарына, заросли превосходным лесом. Наши рабочие смотрят на деревья с вожделением: это строевой лес, из которого можно построить лодку для сплава. Все начинают смеяться над Ваней, пугавшим нас полным отсутствием леса в верховьях Омолона.

Мы едем вниз вдоль Омолона по широкому кунтуку. Эвен как проводник мало полезен. Его легкие сани не могут проложить путь для нашего каравана: снег здесь действительно очень глубок. Несмотря на весеннее оседание и уплотнение, глубина его равняется шестидесяти-семидесяти сантиметрам; сверху он покрыт очень твердым слоем наста. Первая же нарта разбивает наст и глубоко проваливается в рыхлый снег. При виде этого наста лица наших якутов делаются все мрачнее: они пред-

ставляли себе, как вечером тяжело будет оленям разбивать своими копытами этот крепкий панцырь, чтобы выкопать из-под него мох.

Временами мы выходим на самый Омолон. Здесь дорога представляет другие трудности. На этой реке еще больше полыней, чем на Коркодоне; они тянутся иногда на километр и больше, и надо осторожно выбирать путь, чтобы внезапно не провалиться в какую-нибудь полыню, только слегка прикрытую снегом. Эвен, конечно, не умеет выбирать дорогу, потому что на его легкой нарте можно проехать всюду, и Куке приходится останавливать караван, идти вперед и пробовать твердость наста. Передняя нарта теперь запряжена двумя парами оленей — одной не под силу пробивать дорогу. Некоторые полыни приходится переходить по узким ледяным мостам с нагроможденным на них снегом; иногда эти мосты проваливаются, когда по ним проходят тяжелые нарты.

На второй день такого пути недовольство проводников все нарастает. Бека является вечером к нам в палатку и заявляет, что он дальше по Омолону везти нас не может потому, что олени здесь должны будут погибнуть от бескормицы и он не успеет вернуться по санному пути на Колыму.

Хотя, как мы условились в Верхне-Колымске, Бека должен везти нас до Крестика и затем вернуться санным путем только до верховьев Коркодона, откуда он предполагал сплыть на лодке, оставив оленей у эвенов, я решаю пойти на уступки и стать на весновку у первого леса, подходящего для постройки большой лодки. Омолон кажется уже достаточно большим для безопасного сплава, но до сих пор мы не видели ни одной роши, пригодной для верфи, за исключением устья Русской реки, оставшегося далеко позади. При этом я все же ставлю обязательным условием, чтобы ниже нашей весновки на Омолоне не было тарынов, — мы боимся, что большой тарын может надолго сохраниться в долине, перегородить течение реки и помешать нам выбраться во-время к устью Колымы.

Мы останавливаемся километрах в пятидесяти от Русской реки, у устья Малой Абыланджи, большого правого притока Омолона. Отсюда Михаил с Ваней отправляются вниз на лыжах поискать рошу хорошей строевой лиственницы для постройки лодки, а Бека уходит в го-

ры, чтобы отыскать богача Каменкина, владельца всех стад и хозяина встреченных нами пастухов.

В семи километрах ниже устья реки Мунгуджак Михаилу удастся найти хороший строевой лес, которого должно хватить на одну большую лодку. К сожалению, этот лес лежит несколько в стороне от Омолона, на одной из протоков Мунгуджака. Но недалеко есть хорошее место для стоянки, под утесами на самом берегу Омолона. Кука, который отправился на лыжах вниз для того, чтобы посмотреть, нет ли там хорошего леса вблизи самой реки, возвращается с известием, что строевого леса нигде нет, тарынов далеко не видно и снег везде очень глубок. Очевидно, единственное место для верфи — устье Мунгуджака.

На следующий день мы перекочевываем к месту нашей будущей весновки. Быстро и дружно разгружаются нарты, и груз складывается в кучу у подножья утеса. Пустые нарты отгоняют в сторону и связывают по две, одна на другую. На обратном пути большая часть оленей пойдет порожняком.

Вечером к нам приезжает богач Каменкин со своим личным секретарем. Каменкин — коренастый, смуглый коряк, очень немногословный. Он долго сидит сначала в палатке Беки, затем у нас. Я пробую уговорить его дать мне оленей, чтобы съездить по Малой Абыландже километров за сто, до охотского водораздела, и потом на обратном пути сделать пересечение хребта еще по Большой Абыландже. Но его невозможно соблазнить ничем: ни сахаром, ни мукой, ни сухарями, ни чаем, ни мануфактурой, ни деньгами. Всего у него вдоволь, и ему не хочется отпускать рабочих от своих стад. Оленей у него очень много — три или четыре стада. Сам Каменкин по-эвенски и по-якутски не говорит, для переговоров с ним ездит секретарь в круглых американских очках. Секретарь одет в обычную поношенную эвенскую одежду, а на Каменкине франтоватый меховой костюм из почти черного оленя, обшитый белой меховой каймой.

Он уезжает обратно к своим стадам, с тем чтобы вскоре откочевать вместе с ними ближе к водоразделу. На другой день уехал и Бека с ямщиками, получив свою премию и продовольствие на дорогу.

Мы остаемся одни и прежде всего устраиваем свой стан. Первый день посвящен созданию домашнего уюта в наших палатках, устройству склада и метеорологической будки для наблюдений. Следующий день, 1 мая, мы отдыхаем и наслаждаемся весенней погодой (в ночь на 2 мая, впрочем, температура упала до 30 градусов мороза).

Почти полтора месяца мы проводим здесь в полном одиночестве, отрезанные от всего мира. Только иногда забегают горностаи, чтобы поживиться нашими запасами, или прибегают белки; они смотрят на нас своими круглыми любопытными глазами и гоняются друг за другом по снегу и по деревьям. Постоянные посетители — кукушки — сидят на деревьях и все время высматривают, что бы такое схватить из съестного. Как-то раз приходила к нам очень сердитая белка, которая отнеслась отрицательно к сидевшей на дереве кукушке и немедленно согнала ее. Кукушка перелетела на другое дерево, белка помчалась за ней и опять согнала ее, крича ей что-то оскорбительное.

В одном километре от стана находится тот лес, который Михаил выбрал для постройки лодки. Это роща громадных лиственниц. Здесь рабочие рубят деревья и распиливают их продольной пилой на длинные доски; потом доски вытаскивают поодиночке по снегу в протоку Мунгуджака, куда, как мы рассчитываем, должна дойти весенняя вода. Лодку решено сооружать того же типа, что мы делали на Таскане, но несколько короче — наш груз в этом году значительно меньше, а управляться с длинной лодкой в узких извилистых протоках Омолона, должно быть, труднее. Кроме того, нужно сделать небольшую лодку для разъездов и для связи с берегом на случай посадки на мель.

Рабочие с утра уходят на верфь и остаются там весь день, а мы с Салищевым сначала приводим в порядок материалы зимнего переезда, а потом начинаем экскурсировать на лыжах по окрестным горам. Снег тает так медленно, что до самого конца мая везде можно пройти на лыжах, а по утрам, когда наст достаточно тверд, можно ходить по снегу даже без лыж, совершенно не проваливаясь.

Весна наступает очень медленно. Только 16 мая про-

летают первые лебеди, а за неделю до этого появились первые пауки и жуки.

18 мая знаменательный день в жизни нашей весновки: мы с Салищевым поднимаемся на большую вершину, лежащую в шести километрах за Омолонем. Сначала мы идем на лыжах, потом, когда склоны становятся очень круты, а наст тверже, лезем пешком. Вершина в зимнем уборе, с крутыми склонами и громадными надувами снега имеет совершенно альпийский вид. Мы сидим на ней, удобно устроившись во впадине, и греемся в лучах солнца; но, посмотрев вниз по Омолону, я внезапно вижу всего километрах в шести ниже нашего стана громадный тарын, как раз в том месте, где река суживается у утесов, у тех утесов, где, как клялся проводник-эвен, должны лежать громадные толщи снега.

С горы мы возвращаемся в очень печальном настроении. Будущее представляется опять мрачным. Когда растает этот тарын и растает ли вообще? Или останется лежать мощной толщей льда, преграждающей реку, которая найдет себе проход в узком канале подо льдом? Мы решаем ничего не рассказывать рабочим, чтобы не лишать их энергии при постройке лодки, которой они занимаются с таким увлечением.

Постройка лодки весной на Омолоне.

Через два дня мы с Салищевым идем осматривать этот тарын. На твердом насте хорошо видны следы лыж Куки, который недавно ходил сюда. Они уже оттаяли и выделяются в виде продолговатых бугров над поверхностью снега. Мы идем по этим следам до самого тарына, убеждаемся, что Кука останавливался над тарыном и спускался к его нижнему концу и, несомненно, хорошо его видел. Теперь ясно, почему Кука так поспешно ушел из нашего стана, даже раньше Беки, и почему так холодно с нами расстались якуты, несмотря на щедрое вознаграждение, которое я им дал. Им, повидимому, было стыдно, что они нас обманули.

Тарын занимает всю реку, но толщина его, вероятно, не очень велика: он захватывает только первую террасу с деревьями. В нижней части по нему уже течет обильная вода, и после прогулки на лыжах по яркому солнцу приятно лечь на лед и напиться свежей воды прямо из потока. Выше тарына во многих местах на Омолоне видны длинные полыньи, вернее узкие щели во льду, с редкими хрупкими мостиками. 29 мая местами на Омолоне появляются уже три параллельные щели, намечающие русло в шестьдесят метров шириной.

Конец мая я посвящаю экскурсиям на вершины левого берега Омолона. Очень приятно в полном безмолвии подниматься на широких лыжах по лесным склонам и взбираться на вершины, с которых открывается обширный вид, а потом быстро скользить вниз по насту крутого склона. Только к вечеру наслаждение несколько отравлено: в рюкзаке за спиной скапливается больше пуда камней, лыжи вязнут в снегу, который после полуденного солнца становится вязким и липким. Лыжи, которых утром я совсем не замечаю, к вечеру кажутся пудовыми гириями, и, подходя к стану с особенно тяжелым грузом камней, я иногда сажусь отдыхать через каждую сотню метров. С ближних гор виден на востоке ряд цепей, составляющих охотский водораздел. Эти цепи входят в состав хребта, носящего на прежних картах название Колымского, который местные тунгусы и якуты называют Гыдан, то есть «морской».

Признаки весны начинают становиться все заметнее. 26 мая расцветают тальники, но снег еще лежит толщей в тридцать сантиметров, и ночью температура падает до 13—14 градусов мороза. 28 мая мы услышали кукушку, голос которой, несмотря на его резкость, очень приятен

Наледь на Мунгуджаке в конце мая. Промывка песка.

в безмолвии здешних лесов. Но в ночь на 29-е стал опять падать снег, и утром мы снова увидели зимний пейзаж — все было покрыто белой пеленой в десять сантиметров толщины.

Мунгуджак постепенно набухает, наполняет водой главное русло и ряд протоков, идущих через лес к нашему стану, но на Омолоне все еще очень мало воды.

1 июня мы с Аггеем направляемся в далекую экскурсию вверх по Мунгуджаку, в цепь гор, западный конец которой мы пересекли по реке Русской. Цепь эта не имеет общего названия, и мы назвали ее Конгиинской — в память одного из вымерших юкагирских родов, Конгиинидзе.

Мы уходим на лыжах, потому что снег еще достаточно толстый, хотя местами виднеются значительные участки сухой земли, которые приходится обходить. На этих площадках уже 24 мая показались цветы, сначала пострелы, а к концу месяца и ветреницы, и даже начали летать отдельные, очень редкие, комары. Пауки же настолько осмелели, что стали бегать по снегу.

На третий день мы доходим до снежных вершин западной цепи. Здесь еще зима, лежат громадные толщи снега, и глазам нестерпимо больно. Мой спутник в тот же день заболел снежной слепотой, не мог больше ничего

делать и сидел в маленьком шалашике, который мы сделали для ночевки. За два дня весна подвинулась вперед так сильно, что нам приходится бросить наши лыжи в лесу, даже не доходя до шалаша, — их невозможно тащить, особенно после того как у нас появился тяжелый груз камней. На наше несчастье, я нашел очень много окаменелостей, которые жаль оставить, и я изрядно нагружаю наши рюкзаки. Кроме того, Аггей как неисправимый охотник захватил с собой винтовку, но ему удастся только видеть свежие следы горных баранов.

Назад мы возвращаемся ночью — Аггей днем совершенно не может идти. Маленькие ручьи, впадающие в Мунгуджак, вздулись, и переход через них опасен. Приходится отыскивать деревья, лежащие над потоками, и переползать по обледенелому стволу в брызгах ледяной воды. Болота покрыты водой, вода хлюпает даже в наших ичигах, протертых от ходьбы по весеннему насту.

На стане царит оживление. По Омолону движется сплошная масса льда, а маленькая канава, проходящая вблизи стана, оказалась главным руслом, в которое бросился теперь Мунгуджак. Сухопутное сообщение с верфью прекратилось, и приходится пробираться к ней на лодке. Салищев накануне ходил смотреть тарын. Тот все еще стоит неподвижно, хотя ледоход нагромоздил на нем громадный затор льда; вода скрывается куда-то вниз, под тарын, а его поверхность так же чиста и ровна, как раньше.

Лодка уже спущена, и сомнения, которые так долго мучили Михаила, правильно ли он выбрал место для верфи и будет ли здесь достаточно воды, благополучно разрешились. Рабочие предлагают назначить выезд в ближайшие дни, и приходится наконец сказать им, что наш выезд зависит не от нас, а от зловещего тарына.

Вода в Омолоне поднимается непрерывно, уже достигает более двух метров высоты и начинает подступать к нашей стоянке. 6 июня мы идем к тарыну.

Оказывается, он уже взломан, и вместе с ним уходит весь лед.

Можно считать, что начинается лето. 8 июня первая ночь с температурой выше нуля, и распускается лиственница. 9-го мы решаем выехать. Весь лед прошел, и все готово к отъезду.

Омолон вскрылся.

Как только большая лодка выходит из затона у весновки, река подхватывает ее и мчит с невероятной быстротой. Скорость течения переполненного весенней водой Омолона достигает пятнадцати километров в час, и отчасти оправдывались слова Вани, что задержаться у берега очень трудно. Конечно, это не невозможно и канаты не обрываются, но привязывать лодку к деревьям все же приходится. И остановить большую лодку у берега является задачей иногда довольно сложной.

Первые дни вода все еще поднимается. Она вскоре заливаает не только все острова, но также и берег с лиственничными лесами. Вода мчит через тальники и захватывает местами всю долину реки. На изголовьях островов возвышаются страшные завалы, которые топорщатся множеством острых стволов, торчащих навстречу лодке. Благодаря искусству Михаила лодка избегает этих завалов, несмотря на страшную быстроту течения. Раз только крушение кажется неминуемым: лодку бросает прямо на завал. Она должна бы встать немедленно на ребро, придавленная водой книзу, но Михаилу удается направить ее так, что она ударяется серединой и идет, как говорят на Лене, «на отурок», то есть повертывается на сто восемьдесят градусов и двигается кормой вперед.

В такой обстановке нормальная работа по осмотру утесов очень затруднительна. С трудом можно удержаться в нужном месте у утесов, а во многих местах совершенно нельзя ухватиться за берег. Мы имеем для руководства в нашем плавании только короткие и несколько сбивчивые рассказы проводника-эвена, описавшего нам Омолон, его притоки и окружающие горы. И мы с нетерпением ожидаем, что несколько ниже Большой Абыланджи, правого притока Омолона, мы выйдем к устью Крестика, где весновал Ваня вместе с экспедицией Зонова. От этого места он должен хорошо знать реку.

Несколько дней спустя, расставаясь утром у Большой Абыланджи, я прошу Салищева, который плывет на большой лодке, остановиться у устья Крестика и ждать меня. Отыскивать друг друга в этой сети островов еще труднее, чем на Колыме, потому что здесь масса маленьких проток, особенно многочисленных весной, которые во время моих поисков утесов заводят меня очень далеко от главного русла.

Ледокол на Омолоне.

К концу дня я вижу справа большую долину, которая впадает ниже узкой скалистой гряды, очень похожей на ту, которая, по словам эвенов, находится у устья Крестика. Мы с Аггеем пытаемся пробраться к ней, но течение уносит нас от протоки, ведущей направо, и приходится невольно снова идти к левому берегу. Неожиданно показывается несколько свежесрубленных деревьев на острове, а в затоне за мысом белеют наши палатки. Эти деревья ободраны нашими товарищами для того, чтобы мы не пропустили стоянки.

Я убежден, что мы стоим напротив Крестика, но Ваня категорически заявляет, что этого места он не узнает, что окружающие горы совершенно другие, что они жили в избушках на правом берегу Омолона на лугах за приречным лесом и против них находилась большая гора, покрытая снегом. Между тем на склонах той горы, у подножия которой мы стоим, совершенно нет снега и она небольшой высоты.

Несмотря на полное совпадение рассказов эвенов с той картиной, которая открывается перед нами, приходится верить Ване.

На следующий день, очевидно, мы должны дойти до настоящего Крестика — расстояние между ним и Большой

Абыланджей не должно быть больше двух переходов. Мы снова расстаемся. Большая лодка идет вперед, а мы в байдарке направляемся к утесам правого берега. Они кажутся бесконечными.

Начинается проливной дождь, который затягивается до ночи. Занявшись осмотром утесов, только поздно вечером мы выплываем к устью какой-то большой реки, впадающей в Омолон справа, в узкой долине, а на стрелке под самым утесом, на маленьком островке, только что обсохшем после паводка, видим нашу палатку.

В середине этого дня на правом берегу под утесами мы нашли столб с надписью «НКПС 1929, № 4». Это был репер, поставленный экспедицией Наркомвода во время съемки в прошлом году. Поэтому я решаю, что большая река, к которой мы приплыли, — это Кегали, следующий большой приток Омолона после Крестика. Высадившись на берег у палатки, я поздравляю спутников с тем, что мы достигли этой реки, начиная от которой по Омолону плыть не так опасно, но на лицах их написано недоумение. Ваня только что уверил их, что эта река ему также совершенно неизвестна, и они гадали о том, не может ли она быть Большой Абыланджей. Я с усмешкой рассказываю Ване о репере, который я видел сегодня днем, но он не верит и несколько раз упрямо повторяет:

— Этой местности я признать не могу, и реки не признаю, и гор не признаю.

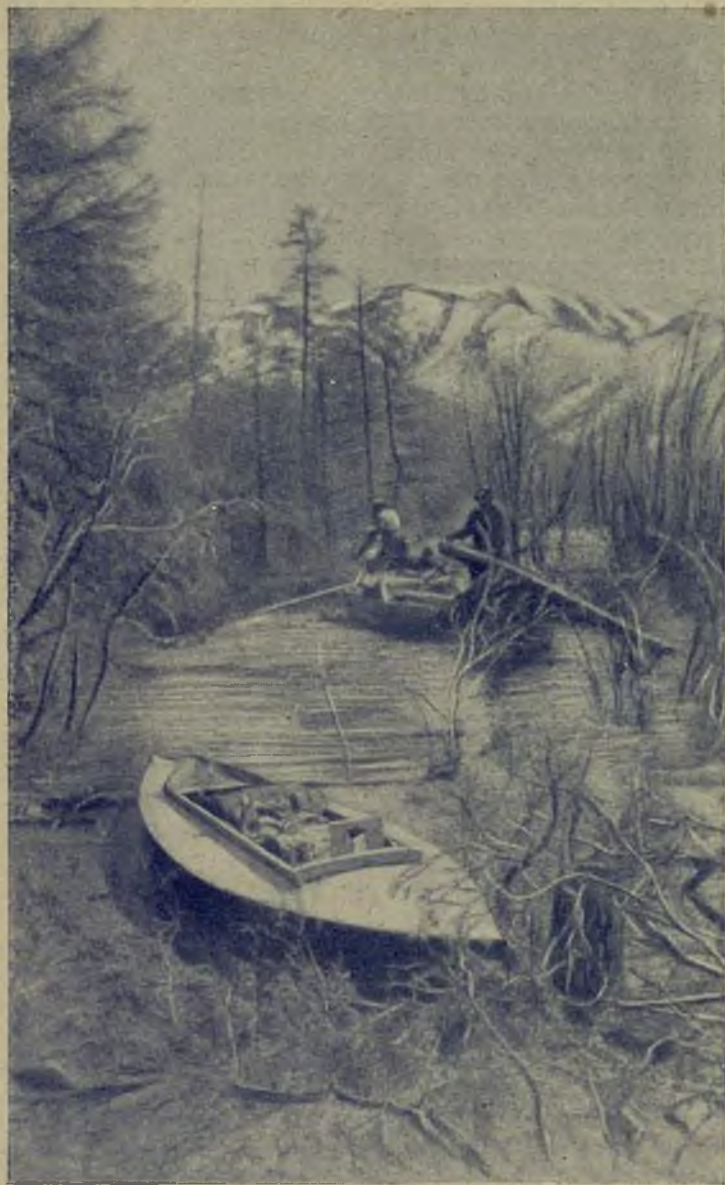
Только на следующий день, когда мы переходим несколько ниже к другому берегу и выбираем место для определения астрономического пункта, Ваня, увидав еще один репер с той же надписью и собственные свои инициалы, вырезанные им на стволе дерева, соглашается, что здесь он действительно был в прошлом году.

Так рушились наши надежды на последнего проводника.

В течение дальнейшего плавания Ваня несколько раз пытался восстановить свой авторитет, но это каждый раз кончалось неудачей.

Омолон — одна из самых пустынных рек этого края. Путь на Гижигу по ней очень труден, и колымчане почти никогда не поднимаются по Омолону выше Олоя.

Кроме экспедиции Наркомвода, Омолон от устья Кегали проплыл шестьдесят лет назад топограф экспедиции Майделя Афанасьев, который очень небрежно снял реку.

Выплываем с весновки.

На протяжении около ста километров от Кегали Омомон идет в широкой долине прямо на север. Здесь его сопровождают справа сначала все более понижающиеся отроги Гыдана, а потом открывается широкая болотистая впадина (достигающая свыше семидесяти километров длины), по которой текут реки Молонда и Уяган. С севера эта Уяганская впадина ограничена большим широтным отрогом Гыдана, цепью Ушуракчан. Против нее на левом берегу Омомона высятся красивые утесы Гремячего Камня, состоящие из черных базальтов и других лав.

От Гремячего Камня Омомон поворачивает на короткое время на северо-запад, огибая конец Конгинской цепи. У ее западного края он принимает слева большой приток Кедон.

От Кедона пейзаж изменяется. Омомон идет по восточной окраине Юкагирского плоскогорья, подмывая то на правом, то на левом берегу отдельные группы, выдающиеся над плато. Если посмотреть с одного из этих утесов, так называемых «Камней», на широкую долину реки, то вы увидите очень сложную сеть протоков и между ними множество островов, покрытых лиственницами, бальзамическими тополями, чосенией и тальником. Эти тальники служат приютом для лосей, и Ваня рассказывает, что когда появится много комаров, лоси будут выходить на берег и хлопать ушами. Но мы относим эти рассказы к области обычных басен Вани.

По обе стороны долины Омомона вдоль подножья гор лежат громадные болота. Долина Омомона, по рассказам, еще более труднопроходима, чем долина Колымы. Судя по тому количеству комаров, которое вскоре появилось, болот здесь должно быть очень много. За двадцать лет, что я путешествую по Сибири, я нигде не встречал столько комаров, как здесь.

Комары не оставляли нас в течение всего дня. Даже на середине большой реки при слабом ветре они носились тучами вокруг лодки, сидели сплошными массами на поверхности брезента, покрывающего лодку, и на нас самих. Нельзя было что-нибудь делать не только без сетки, но даже без перчаток. Только во время очень сильных дождей и ветра можно избавиться от них. Спать пришлось в полах, которые мы тщательно подтыкали под себя на ночь, а для письменных работ ставить на берегу палатку и окапывать ее кругом землей или галькой, чтобы не пролезли комары.

Омолон выше устья Кедона.

Неудивительно, что лоси, которым некуда деваться от этого страшного бича, в конце концов выбегают на берег, где хоть немного дует ветер, и залезают по самую морду в воду.

Ниже устья Большого Олоя мы наконец видим первого лося. Он стоит в воде и действительно хлопает ушами, отгоняя комаров. Тотчас начинается ожесточенная стрельба из всех имевшихся ружей. Попали только две пули, и рьяные стрелки долго спорили, кто выпустил их. После первого выстрела лось повернулся и побежал на берег, но второй выстрел свалил его на мелком месте вблизи берега. Это молодой, двухгодовалый зверь.

Мы немедленно принимаемся за его разделку. Берем наиболее вкусные части, в том числе и губы, представляющие большое лакомство, а остатки бросаем на берегу. Мяса так много, что его хватает до устья Омолона, и, несмотря на повторяющиеся в ближайшие дни постоянные встречи с лосями, нам совестно их убивать.

В течение нескольких дней мы часто встречаем лосей. Одни из них лежат в воде, развесив громадные ветвистые рога, другие, более молодые, выходят на отмели, с любопытством разглядывают нас и позволяют подплыть к ним на восемьдесят-сто метров и сфотографировать. Более осторожные звери, завидев нас издалека, убегают своей крупной и легкой рысью, изящно подняв голову и

энергично бросая вперед свое горбатое крепкое туловище.

Два раза попадаютс я нам лосихи с молодыми лосятами. Одна из них убегает по зарослям, а за ней на некотором расстоянии бегут рядом два рыжих лосенка. Другая стояла с лосенком на отмели, как раз вблизи нашей стоянки, и, когда Салищев подкрался к ним, чтобы снять их поближе, переплыла на тот берег, а лосенок, побоявшись широкой реки, остался на отмели, долго колебался и жалобно кричал, пока наконец не решился плыть вслед за ней.

Ниже Большого Олоя мы встречаем единственных летних жителей Омолона — две урасы (чума) эвенов, стоящие на отмели реки. Это довольно живописное место с видом на дальние вершины Юкагирского плато и с густой стеной леса вокруг. Но комары не оставляют ни на минуту. Не только снаружи нельзя стоять без сетки, но даже и внутри чума все время, пока мы сидим, нас нестерпимо кусают комары. Мы пробыли у этих эвенов очень короткое время, расспросили их о названиях соседних речек.

Население левого берега нижнего и среднего течения Омолона, а в низовьях частью и правого, составляет около двухсот — двухсот пятидесяти эвенов, кочующих в стороне от реки. На Большом и Малом Олое живет несколько юкагиров — не более тридцати пяти человек, остатки когда-то многочисленного юкагирского населения Омолона, о котором память сохранилась только в названиях рек.

Более многочисленны чукчи (до трехсот человек), которые живут по всему Олою, в Уяганской впадине и по Кегали.

Зимой, когда мы были в Средне-Колымске, на Олой выехал ветеринарный врач П. Его задачей было изучить условия оленеводства на Олое и выяснить возможность улучшения стад чукотского оленя и разведения лучших пород ездовых оленей. Здесь, на Омолоне, мы пытались узнать у эвенов что-нибудь о П. Никто не видел, чтобы он проезжал, и так как он должен был выехать с Олоя по весенней воде, то Ваня немедленно решил, что врач погиб.

Когда мы выехали на Колыму и выяснилось, что П. туда действительно не приезжал, догадки Вани превратились в уверенность, и он всем рассказывал о гибели П.,

Эвенские дети у чума в низовьях Омолона.

постепенно украшая и расширяя свой рассказ. Велико было его разочарование, когда однажды в Нижне-Колымске, встречая прибывший сверху катер, он увидел П., обросшего огромной черной бородой. П. поздоровался с ним, но Ваня сделал последнюю попытку спасти созданную им легенду и сказал:

— Я вас не признаю.

Нижне Большого Олоя долина Омолона довольно однообразна; она еще шире, чем раньше, и река образует в ней множество протоков с бесчисленными островами. «Камни» — утесы, которые несколько разнообразили путешествие по Омолону, — становятся все более редкими. Некоторые из них носят своеобразные названия, например «Шепеткой» на левом берегу Омолона, что на местном русском языке значит «красивый». На одном из высоких камней правого берега стоит старинный столб с надписью конца XVIII века. Омолон уже в XVII веке посещался русскими.

12 июля мы выплываем на Колыму на веслах, потому что течение на устье Омолона становится слишком медленным. Становимся у правого берега, у высокого яра.

Предстояло позаботиться о дальнейшем пути до Нижне-Колымска. Снова мрачные предсказания Вани. Уже задолго до выезда на Колыму он рассказывал, что в низо-

вях встречные ветры часто задерживают лодку и оставшиеся нам сто сорок километров можно будет, вероятно, пройти только в неделю или еще медленнее. Действительно, вскоре после выхода на реку начался низовой ветер, который должен был задержать нас на некоторое время.

Мы воспользовались этой задержкой для того, чтобы поставить мачту для паруса и съездить на другой берег, на заимку Колымскую. В ней живут юкагиры, которые в настоящее время совершенно обрусели и не знают юкагирского языка, а говорят по-русски и по-якутски.

В середине заимки возле сруба маленькой часовни находится могила Черского. Раньше тут был простой крест, а в 1929 году экспедиция Наркомвода поставила столб с медной доской. Здесь в вечно-мерзлой почве, за Полярным кругом, лежит Черский, этот, как нам говорил один старичок в Средне-Колымске, «знаменитый экспедитор, императорских наук академик».

Назад на свой берег мы вернулись в большую волну, которая здесь легко образуется при всяком ветре, так как река достигает ширины трех километров. Еще целый день мы сидим на берегу, с волнением следя за колебаниями ветра, который время от времени делает вид, что собирается повернуть и перейти в попутный. Но он повернул только на девяносто градусов и стал дуть в бок. Придется рискнуть — к вечеру мы отплываем.

Первые часы плавания очень трудны, потому что приходится все время отгребаться от берега и мелей, к которым нас прибывает ветер. Сбоку хлещут большие волны, заливающие через борт, и Ваня испытывает полное удовлетворение: его слова блестяще подтверждаются.

Но вскоре направление реки изменяется, ветер становится более благоприятным, и наше неуклюжее плоскодонное судно идет быстрым ходом.

Ветер дует без перерыва, мы быстро скользим мимо заимок. Наступает вечер, но мы решаем плыть всю ночь, чтобы не упускать такого благоприятного случая. Среди ночи ветер немного стихает, все ложатся отдохнуть. Я стою на вахте, пока наконец на рассвете погода не засвежела и мне одному не удержать тяжелый руль. Надо заметить, что еще с вечера я подшил к имеющемуся у нас парусу, достигающему двенадцати метров, еще кусок ткани, в семь квадратных метров, и сейчас такой большой и высокий парус становится опасным для плоскодонной

лодки. Приходится по всем правилам взять рифы и итти с уменьшенной парусностью.

Эта часть Колымы довольно скучна. Утесов нет совершенно, и только по правому берегу нередко тянутся большие талы, достигающие сорока метров высоты. В одной из таких тал, против заимки Дуванное, по рассказам местных жителей, лет шесть назад был вымыт в обрыве труп мамонта. Отсюда мне потом привезли в Нижне-Колымск череп носорога и замечательный череп молодого мамонта, с бивнями всего двадцать сантиметров длиной, кажется единственный в мире. Кусок черепа еще более молодого мамонта, с малюсенькими зубками, я нашел у талы выше Средне-Колымска.

Прошлой осенью, когда снизу шел последний катер, приближаясь к Дуванному, капитан его увидел странное зрелище: кто-то темный сидел на крыше избы, а другие черные фигуры ходили кругом. Оказалось, что это медведи, которые уже в течение двух дней осаждали заимку и не давали ее жителям — пожилой женщине с дочерьми — выйти. В разгоревшемся сражении один медведь был убит, а остальные убежали.

Не так еще давно эта часть Колымы была гораздо богаче дикими животными. Еще лет десять тому назад стада диких оленей переправлялись через Колыму вплавь с одного берега на другой, а теперь только при особенно удачном рейсе попадают на встречу катеру один или два плывущих лося.

Через двадцать часов после отплытия от устья Омолона мы подходим к Нижне-Колымску. Города с реки совершенно не видно, он лежит в глубине, а вдоль берега на краю террасы растут обильные тальники.

Ко времени нашего прихода к Нижне-Колымску ветер начал спадать, но его последних порывов хватило на то, чтобы подойти к пристани на парусах, не осквернив себя ни одним ударом весел. В последний момент я имел удовольствие отдать фал и сбросить парус и видеть, как лодка врезается в топкую прибрежную няшу.

НА ПАРОХОДЕ СРЕДИ ЛЬДОВ

В Нижне-Колымске в 1930 году было только тридцать или сорок домов, расположенных на маленьком возвышении, тянущемся между двумя болотами с озерками. Вбли-

зи самого города леса вырублены, остались только тальниковые кусты. Дома обычной колымской архитектуры — без крыш. В церкви помещается клуб, а на колокольне можно видеть еще вырезанные инициалы и подписи побывавших здесь в годы разрухи командиров белых шаек.

Среди них одна подпись, офицера Бялыницкого, привлекает наше внимание. Это человек, который сыграл важную роль в появлении чыбагалахской платины Николаева.

Как мне рассказали в Средне-Колымске, история пузырька с платиной, которую принес в Якутский госбанк Николаев, очень сложна. В 1918 году на Колыму был послан революционер Тменов, до этого работавший на Вилюе. Он привез с собой маленькую бутылочку с вилюйской платиной. Когда Колымой овладели белые шайки, Тменов был убит, и все его имущество, в том числе пузырек с «белым золотом», перешло к белому офицеру Бялыницкому. Он через некоторое время перешел на сторону советской власти и был убит белыми в Абые. Его имущество хранилось у его возлюбленной, или, как колымчане говорят, «экономки», в Средне-Колымске. «Экономка» полюбила нового победителя — Николаева, и он получил от нее вместе с остальными вещами и пузырек с «белым золотом». Вероятно, эту платину, даже в том же самом пузырьке, он и сдал в Якутске, куда выехал после амнистии. Платина ведь по анализу совершенно похожа на вилюйскую.

В Нижне-Колымске нам предстоит провести время в ожидании прихода парохода. Еще нет точных сведений о его передвижении, но можно ожидать, что уже во второй половине июля пароход придет в Нижне-Колымск. Все зависит от количества льдов.

В Нижне-Колымске собралось значительное количество служащих из Среднего, которые должны были в этом году выехать на «материк», как здесь говорят, то есть во Владивосток. На смену им едут с пароходом новые.

Скоро пришло первое известие о пароходе. В Нижне-Колымск прибыл радист из Средне-Колымска и установил здесь маленькую приемно-передаточную станцию. Ежедневно с утра до вечера он должен был отбиваться от любопытных, желавших узнать, когда придет пароход и возможно ли будет в этом году выехать из Нижне-Колымска.

Несмотря на то, что рейсы через Ледовитый океан на Владивосток начались уже с 1911 года, еще в 1930 году

Разгрузка «Колымы» в Нижне-Колымске.

плавание этим путем не было вполне обеспеченным, и на обратном пути суда иногда зимовали.

В колымские рейсы ходили тогда только два парохода — «Колыма» и «Ставрополь», совершенно не приспособленные для работы среди льдов, и шхуны американца Свенсона, фрахтованные советскими торговыми организациями.

Рейсы этого года с самого начала были тяжелы. Уже при входе в бухту Лаврентия «Колыма» получила повреждение дна. 16 июля, войдя в Ледовитый океан, пароход сразу же попал в тяжелые льды у мыса Сердце-Камень. «Колыма» пробивалась здесь пять дней.

Только 1 августа «Колыма» дошла до острова Айона, лежащего у входа в Чаунскую губу; возле острова пароход в тумане ударился правой скулой о большую льдину и, отскочив от нее, ударился другой стороной о соседнюю льдину. Были пробиты подводными выступами льдин обе скулы вблизи носа. Несмотря на работу всех отливных машин, вскоре вода в трюме достигла семи футов (двух метров). Поэтому капитан решил выброситься на отмели острова Айона. Вода в трюме прибывала и достигла уже одиннадцати футов. Пришлось спешно разгружать передний трюм и наваливать груз на палубу. Подвели брезентовый пластырь и закрепили его. В таком состоянии

пароход пошел дальше к Колыме. Во время плавания во льдах были еще отбиты две лопасти винта и поврежден руль.

От Нижне-Колымска до устья еще около двухсот километров. Здесь есть серьезные препятствия для морских судов — ряд перекатов и бар на устье. Бар этот равен двенадцати футам при низкой воде, но при ветрах с севера глубина иногда увеличивается до восемнадцати футов. Для прохода судов до Нижне-Колымска обычно откомандировывается лоцман из местных жителей, который должен вести судно по реке. Но в этом году Якутгосторг поспешил, взяв наименее сведущего лоцмана, и не оставил знаками как следует реку. Поэтому, поднимаясь по Колыме, пароход сел на мель и должен был выгрузить часть груза на баржи.

Только 18 августа пароход покидает Нижне-Колымск. С самого выхода начинается ряд приключений. Уже в десять часов утра лоцман сажает пароход на мель. В течение нескольких часов пробуем идти то вперед, то назад, но ничего не выходит, и приходится прибегнуть к единственному возможному способу — свозить груз на берег на кунгасах, которые мы везли с собой на палубе. Для этого мобилизуются, кроме команды, все пассажиры, и в продолжение ночи мы выгружаем тяжелые ящики, кули с мукой и солью, весь зимовочный запас парохода, а затем кирпичи, которые он везет для устройства печей на случай зимовки. После этого пароход снимается с мели. Затем надо снова все свозить с берега обратно, и только в пять часов вечера следующего дня «Колыма» двигается дальше.

В течение двух дней лоцману еще два раза удастся посадить пароход на мель, и эти двести километров мы идем трое суток. В конце концов капитан ссадил лоцмана на шлюпку и отправил его обратно, решив преодолеть остальную часть реки на свой риск.

Первые льдины мы встречаем тотчас же по выходе в океан, но сначала их еще мало, и первые две ночи пароход идет без остановок, несмотря на туман и темноту. 24-го утром мы проходим Чаунскую губу и в отвратительную погоду, при тумане, который закрывает берег, приближаемся к Шелагскому мысу, северной оконечности этой части континента.

Приняв почту от учителя, недавно поселившегося на Шелагском мысе, мы двигаемся дальше.

Не дойдя двенадцати миль до острова Шалаурова, мы встречаем такие тяжелые льды, что пароход не может пробиться. Ночью давление льдов усилилось, и был поврежден руль. «Колыма» получила вмятину правого бока на протяжении двадцати шпангоутов, борт прогнулся внутрь трюма на три фута, и некоторые шпангоуты лопнули.

К утру 26 августа выясняется, что положение наше довольно безнадежное, по крайней мере в ближайшем будущем. Мы стоим в восьми милях на запад от острова Шалаурова, среди сплошной массы тяжелых льдов. Тяжелыми льдами называют многолетние льды, состоящие не из одного ледяного слоя, лежащего горизонтально, а из массы льдов, переломанных, сдавленных и спаянных вместе в новые толстые льдины. Толщина их нередко достигает пяти, шести и даже десяти метров. Обычно в подводной части льдины на глубине в один-два метра выдвигается ледяной таран, так как верхняя часть льдины тает быстрее. При сдавливании льдов во время ветров эти льдины с очень большой силой давят на подводную часть корабля. «Колыма» совершенно не приспособлена для плавания во льдах, и борты ее почти вертикальны при плоском дне, поэтому давление льдов может повредить пароход.

В течение четырех дней «Колыма» пробует пробиваться, маневрируя между льдинами, как только они сколько-нибудь расходятся. Это раздвигание льдин идет крайне медленно и очень тяжело для всего экипажа. Самый простой способ заключается в том, что «Колыма», отойдя немного назад, старается с разбега раздвинуть льдины. Непрестанно с капитанского мостика передается в машинное отделение команда: «Назад!», «Тихий вперед!», «Полный вперед!», «Стоп!», «Назад!» и т. д.

Когда льды не поддаются и дорогу загораживает особенно большая льдина, ее стараются оттащить в сторону. На льдину сносят якорь, а затем трос, ведущий от якоря, наворачивается лебедкой на барабан. Льдина медленно, едва заметно для глаза отплывает вбок, и пароход получает возможность продвинуться на несколько метров. Затем новый разбег вперед, новые страшные толчки, и опять следующая маленькая льдина отодвинута.

Но иногда приходится прибегать к еще более энергичным способам. На лед спускается помощник капитана с двумя матросами и в какое-нибудь отверстие во льду

вставляют патрон динамита с бикфордовым шнуром. Шнур поджигают, из отверстия вылетает столб воды, и льдина трескается на несколько частей. Но на «Колыме» очень мало динамита, поэтому его экономят и прибегают к взрывам в редких случаях.

Теперь корабли, проходя северным путем, обычно имеют большой запас аммонала, более удобного взрывчатого вещества.

Долгие часы и даже по целым суткам «Колыма» стоит во льдах, ожидая подвижки льда, крепко зажатая громадными льдинами, покрытыми многолетними торосами. Во время этих вынужденных стоянок матросы и пассажиры выходят на лед погулять, пострелять (если не птиц и нерп, то в пустые жестянки), а капитан использует стоянки, чтобы запasti свежей воды из больших луж с поверхности льдин, образовавшихся от таянья снега. Для этого на льдину ставят насос и протягивают шланг на палубу.

28 августа удается продвинуться на четыре мили к острову Шалаурова. 29-го капитан направляет судно поближе к берегу и здесь в небольших прогалах между льдинами подходит к проливу между островом Шалаурова и материком. В это время ветер усиливается до шторма, тем не менее лед не двигается. Пробуем пройти между островом Шалаурова и материком, но здесь слишком мелко. Придется огибать остров.

30 августа в течение двенадцати часов, с четырех утра и до четырех вечера, пароход обходит этот маленький островок, ширина которого меньше одного километра. Льды обступили его со всех сторон, и только вблизи самого острова остается проход, иногда шириной всего только в двадцать-сорок метров. Капитан решил пройти вблизи самого острова, и в некоторых местах «Колыма» идет всего в десяти метрах от утесов, задевая правой стороной днища за грунт. Слышится злобный шорох, но податься влево невозможно, потому что там выдвигаются льдины со своими подводными таранами. Мы потеряли здесь одну лопасть винта, так что не поврежденною осталась только одна последняя. Чтобы защитить винт от ударов льда, все время около кормы стоят пассажиры и матросы и отодвигают льдины шестами.

За эти пять дней нередко начиналась пурга, и берег скрывался от нас. Это довольно унылое побережье, хотя уже невдалеке к югу возвышаются высокие горы. На самом берегу стоят местами яранги чукчей, покрытые шку-

рами. Издали они совершенно сливаются с осенней травой.

31 августа мы идем довольно быстро вдоль кромки льда, которая оставляет возле берега значительную полосу, в несколько километров, свободной воды. В этот день опять начинается пурга с сильным штормовым ветром. От мыса Якан мы опять попадаем в тяжелые льды, так что к концу дня принуждены остановиться, пришвартовавшись к большой льдине — стамухе.

Стамуха — это большая ледяная масса, которая по внешности напоминает ледяную гору, но совсем другого происхождения. В то время как ледяная гора (айсберг) представляет оторвавшуюся часть наземного ледника, стамуха образуется из морских льдин, нагромождающихся постепенно друг на друга. Она возвышается над уровнем воды иногда на десяток метров и сидит на несколько десятков метров в воде. Обычно эти стамухи сидят на мелких местах, и ряды их обозначают границу более глубокой части моря.

1 сентября, пробираясь вдоль берега и лавируя между тяжелыми льдами, мы наконец добираемся до мыса Северного (теперь мыс Шмидта). Мыс Северный совсем не самый северный мыс этого побережья, Шелагский мыс расположен значительно дальше к северу. Но так назвал этот мыс знаменитый английский мореплаватель Кук, который в XVIII веке доходил до него, пробравшись на своих парусных судах через Берингов пролив.

В этот день «Колыме» не удастся дойти до самого мыса Северного — нас отделяет от него полоса очень тяжелых и сплоченных льдов. На следующий день мы начинаем пробираться через них, и временами кажется, что это невозможно. Капитан решает отправить кого-нибудь в факторию, расположенную на берегу возле мыса. На берег вызвались ехать трое: второй механик Ч., радист из Средне-Колымска М. и я. Мы спускаем маленький складной брезентовый ботик и тащим его через льды. В некоторых местах между льдинами свободные пространства воды, и можно проплыть на веслах несколько десятков метров.

Наш ботик совершенно дряхлый, ему уже больше двадцати лет, и, после того как мы его протащили больше километра по льду, пересохший брезент разрывается; когда мы доходим до края сплошных льдов и пускаемся через отделявшее нас от берега водное пространство, бо-

тик начинает наполняться водой. К счастью, в полынье плавают несколько льдин. У первой же из них приходится пристать и отлить воду. У второй, находящейся на середине полыньи, наше путешествие кончается. Когда мы подходим к этой льдине, ботик наполняется наполовину, и мы сидим в ледяной воде.

Льдина, на которую мы спасаемся, в поперечнике имеет всего три метра. Мы вытаскиваем на нее ботик, вылезаем сами и ждем помощи. В это время «Колыме» удалось пробиться через льды и даже опередить нас, и наши спутники, сидя на палубе, издеваются над нашим печальным положением. На берегу собрались чукчи, которые наконец сжалились над нами и вывезли нас с льдины поодиночке: их лодка была слишком мала, чтобы поднять сразу трех человек. Вода уже покрылась тонким слоем льда, который звенел и трещал под напором легкой лодочки.

На берегу мы прежде всего забираемся на утес на северном конце мыса. С него открывается далекий вид на море, покрытое сплошными тяжелыми льдами; только у северного подножия мыса несколько наискось тянется небольшая полынья, в которую следует пробиться «Колыме».

Скала отделяется от материка узким перешейком, за которым на материке построена фактория Госторга. Это новое здание, крытое оцинкованным железом, с большими окнами. Кругом стоят яранги чукчей.

В то время на мысе Северном не было еще ни полярной станции, ни самолетов, и из русских там жили только научный работник-чукчевед и заведующий факторией.

Местных чукчей мы встретили на берегу. Они только что приехали в большой байдарке с охоты на тюленей и вытаскивали свою добычу на берег. Большая чукотская байдарка поднимает до тонны груза. Это лодка с плоским дном и крутыми бортами, сделанная из деревянных или костяных упругов, обтянутых моржовой кожей.

Капитан пробует пробиться вокруг мыса Северного таким же образом, как мы это сделали у острова Шалаурова. Но здесь льды еще тяжелее, и никакие усилия не помогают. К вечеру на западе в отдалении от мыса показывается небольшая узкая полынья, и капитан решает вернуться назад, чтобы попробовать пробиться через нее. Для того чтобы повернуться, приходится рвать льды динамитом, растаскивать их якорями и тросами. Только на

рассвете 3 сентября наконец пароход вырывается в большую полынью.

Дальнейшее плавание до острова Колючина, лежащего у входа в Колючинскую губу, прошло без особых приключений. Только у реки Амгуемы мы не надолго сели на мель возле лагуны. В этой части чукотского побережья лагуны достигают громадных размеров. Это участки моря, отчлененные намывными косами, которые, постепенно вырастая, отделяют от моря продолговатые заливы. В глубине страны видны высокие горы, закрытые туманами.

Все надеются, что больше льдов не будет, потому что восточная часть этого побережья почти всегда свободна от льда, а за Колючинской губой можно считать, что опасное плавание уже кончилось. Да и «Колыме» пора было отдохнуть от льдов. У мыса Северного мы потеряли еще одну лопасть, и у нас оставалась всего половина одной и треть другой. Удивительно, как при таком винте «Колыма» могла еще идти вперед!

Возле острова Колючина нас снова встречают тяжелые льды, и целый день мы пробиваемся сквозь них. Все пространство на востоке, как оказалось, вплоть до самого мыса Дежнева занято льдами. Вблизи мыса Сердце-Камень «Колыма» в течение пяти дней борется со льдами. С 5 сентября вплоть до 10-го «Колыма» шаг за шагом, раздвигая льды, пробирается к востоку, и каждую ночь обратное течение относит ее к западу. Несмотря на то, что, по описанию лоции, здесь должно быть течение, направленное вдоль берега к востоку, каждое утро мы просыпались снова западнее той точки, у которой мы стали на ночь вечером. Ночью идти очень опасно: ночи уже темные и можно разбить судно. Кроме того, нередко и днем наваливается туман, и движение вперед прекращается. Но в конце концов капитан все-таки рискнул идти ночью и днем, в пурге и тумане, вперед.

В ночь на 11 сентября наконец льды стали реже, и можно двигаться вперед малым ходом. Утром открывается вдали мыс Дежнева.

Мыс Дежнева — это большой утес, расположенный на самой оконечности Азиатского материка. Он отделен с запада понижением, которое недавно еще занимало море. На северной стороне перешейка лежит селение Уэллен, а на южном — пост Дежнева.

Во время короткой стоянки в Уэллене к нам на борт

приехало множество гостей, чукчей с берега, в больших и малых байдарках.

За Уэлленом мы вышли в Берингов пролив. Он редко бывает открыт — здесь почти всегда гнездятся туманы, — но в этот раз, на наше счастье, туман поднялся, и нам удалось увидеть величественные и мрачные скалы и между ними, на полусклоне, селение эскимосов Наукан, напоминающее кавказский аул. Яранги наполовину сложены из камней, и только верхняя часть их покрыта крышей из шкур. Иногда от мыса Дежнева бывают видны берега Америки; сейчас они закрыты туманом, и удастся разглядеть только маленький остров Диомид, лежащий в Беринговом проливе. Их два — один наш, ближе к нашему берегу, другой американский.

В Беринговом проливе льды нас еще не оставляли. Только 12 сентября исчезает последняя маленькая льдина. Здесь они уже не страшны — они растаяли со всех сторон, стали рыхлыми и ноздреватыми. Как только мы выходим из льдов, обнаруживается, что «Колыма» не в состоянии дойти даже до Камчатки. Волны расшатывают носовую часть парохода, разбитую льдами, все клинья и бревна, которые ее держали, выскакивают, и в переднем трюме появляется течь, которую не могут откачать насосами. Надо спешить пройти куда-нибудь в спокойную бухту, для того чтобы зачинить пробоины и переменить винт, потому что мы не можем выгрести против шторма.

Для стоянки была выбрана бухта Провидения — большой залив в юго-восточном углу Чукотского полуострова.

Мы вошли в узкий, извилистый залив между высокими мрачными горами и спрятались там в спокойную маленькую бухту Эмма. Здесь мы простояли восемь дней. Сменили винт, отремонтировали трюм и пошли дальше на юго-восток. В бухту Глубокую, на побережье Коряцкого хребта, мы зашли за водой, потом забрали с рыбалки возле Усть-Камчатска соленую рыбу, консервы и рабочих.

Только через два месяца после выхода из Нижне-Колымска мы вошли в Золотой Рог — гавань Владивостока. Все стоявшие там суда были расцвечены флагами в честь прихода «Колымы», благополучно закончившей тяжелый полярный рейс.

С тех пор прошло всего только десять лет. Условия плавания вдоль полярного побережья Чукотки коренным образом изменились: во многих местах построены поляр-

ные станции, ведущие непрерывные наблюдения над погодой и льдами; пароходы сопровождаются ледоколами, которые пробивают дорогу во льдах, и самолетами, отыскивающими полыньи и полосы разреженного льда. Поэтому суда могут двигаться быстрее и безопаснее, и теперь мимо мыса Шмидта проходит за лето уже не одно судно, а десятки.

СОВРЕМЕННАЯ ЯКУТИЯ

До 1925 года северно-восточная часть нашего Союза была не только наименее исследованной его областью, но одной из наименее исследованных стран во всем мире.

Только несколько редких маршрутов путешественников пересекали страну узкими полосками, а все остальное пространство было настоящим белым пятном. Правда, на картах его разрисовывали кудрявыми, разветвленными реками, между которыми извивались в виде толстых мохнатых гусениц хребты, но все это было нарисовано на основании опросов, все было неверно, и после работ последнего десятилетия реки и хребты передвинулись на карте на новые места, стали наконец туда, где им надлежит быть. Колыма в верховьях передвинулась на сотни километров к юго-востоку, вместо низменности протянулся громадный хребет Черского. Вся карта ожила, стала настоящей.

Всестороннее исследование этой огромной страны — дело многих экспедиций. Мне удалось первому начать большие систематические исследования на северо-востоке, первому пересечь эти огромные пространства и набросать общую картину этой интересной и заманчивой страны.

Вскоре начали работу другие исследователи, а в последние годы уже десятки экспедиций работают одновременно в различных концах Верхоянского, Колымского и Чукотского краев.

Прошло только десять лет — и совершенно изменилось лицо страны. Изменился человек, и под его влиянием изменилась и природа.

Если бы мы с вами мысленно попробовали опять проехать теми же путями, по которым я проходил в 1926—1930 годах на лошадях, на оленях и в лодках, мы увидели бы много нового, необычайного. Все путешествие пойдет иначе.

Мы подъезжаем к Якутску, и вот перед нами вместо

маленького поселка с населением в 9 000 человек большой город с 42 000 жителей. Новые большие здания, электростанция, радиоцентр, промышленные предприятия. На улицах часто видишь автомобили (в наше время был всего один, да и тот испорченный); нам часто попадаются навстречу молодые девушки и юноши с книгами и портфелями. Это студенты; их теперь много в Якутии: в 1938 году в вузах обучалось 2 830 человек.

И в Якутск теперь легче попасть, чем раньше. К нашим услугам, кроме дореволюционного способа передвижения — лошадей, быков и парохода, есть зимой и летом самолеты, которые почти каждый день летают из Иркутска в Якутск, а зимой — автомобили, отправляющиеся по тракту через Алданские золотые прииски на юг, к станции Невер.

Поедем опять по знакомому пути в Крест-Хальджай. Хотя можно было бы большую часть пути сделать в автомобиле, но мы поедем опять на лошадях, чтобы лучше рассмотреть все новое. А нового много. Прежде всего — гораздо больше распаханной земли. Тут и там между перелесками тянутся зеленеющие поля. Да и немудрено: посевная площадь в Якутии увеличилась в шесть раз; в 1938 году она составляла 95 752 гектара, и главное увеличение произошло за последние десять лет.

И вид полей стал другой: это не маленькие клочки отдельных владельцев, а сплошные поля колхозов и совхозов. Мы расспрашиваем встречного верхового — это агроном, едущий из одного колхоза в другой, чтобы помочь наладить севооборот. Он охотно сообщает нам, как изменилось сельское хозяйство, и цифры поражают нас. В самом деле, в царское время было всего 10 научно-технических работников по сельскому хозяйству, а теперь один только Наркомзем имеет 360 землеустроителей, ветеринаров, зоотехников и агрономов. Уже к 1937 году у единоличников оставалось только 8,7 процента посевной площади, а остальное принадлежало колхозам и совхозам. Если вы вспомните, как разбросанно живут якуты, как далеко отстоят их юрты одна от другой, вы поймете, какая большая работа нужна была для объединения их в колхозы.

И еще на один важный факт обращает наше внимание агроном — на полях больше не копошатся отдельные якуты с примитивной сохой-колесухой, или сабаном, — всюду видны новые сельскохозяйственные машины. Даже труд-

но поверить, как их много: 28 500 в республике. А в 1911 году таких машин было 11.

Только что мы расстались с агрономом, как новая встреча еще больше удивляет нас: из лесу выезжает автомобиль, полный людьми: женщины, мужчины, загоревшие и веселые. Мы хотим остановиться, поговорить — ведь мы привыкли с каждым встречным обменяться «капсе», узнать все новости. Но, оказывается, автомобили не останавливаются для капсеканья. На ходу пассажиры кричат нам что-то веселое и размахивают руками.

Только вечером на ночлеге мы узнаем, что это была машина машинно-тракторной станции. Станциям теперь принадлежит больше сотни автомобилей, и следующие дни мы не раз встречаем легковые и грузовые машины.

Ночуем мы, конечно, в юрте у якутов — старое гостеприимство не исчезло, и нас встречают ласково и внимательно. После угощения мы решаемся задать вопрос, который волновал нас все время: почему у юрты нет двери в хотон, неужели ходят кругом? Хозяин с улыбкой отвечает:

— В нашем колхозе больше нет юрт с хотонами — теперь скот живет отдельно, люди отдельно.

Что остается после этого нам делать? Даже неудобно спрашивать, есть ли в колхозе своя школа, или школьники ходят попрежнему и в пургу и в мороз в соседнюю Уолбу. Конечно, школа есть — мы знаем, что теперь в Якутии 440 школ вместо 141 царского времени, и в них обучается больше пятидесяти тысяч детей. И грамотных в Якутии не 2 процента, как раньше, а 80.

Зайдемте еще перед отъездом в хотон. Теперь это не тесный и темный хлев, полный грязи, а большое и светлое здание. И какие коровы стоят тут! Не те маленькие, мохнатые, толстобрюхие, которые давали в 1926 году в Оймеконе в лучшее удойное время бутылку молока в день, а здесь, вблизи Алдана, четыре-пять бутылок. Перед нами большие, мощные животные с лоснящейся шерстью, и некоторые дают до полутора тысяч литров молока в год.

Мы доехали до Алдана, переправились на другой берег, в Крест-Хальджай. Знакомые места — те же аласы в лесу, но среди старых юрт много новых хороших домов. Как мы поедem дальше, через Верхоянский хребет? Не пойти ли на поклон к нашему старому знакомому Инно-

кентию Сыромятникову? Он опять поиздевается над нами и попробует содрать три шкуры?

Нет. Не стоит, мы устроимся иначе. Теперь до Индигирки довезет нас самолет. Да и у Сыромятникова мы, конечно, не найдем столько лошадей: с кулаками покончено еще в 1930 году.

Самолет стоит на Алдане, у берега.

— Контакт!

— Есть контакт!

Винт завертелся, машина с ревом отходит от берега. Короткий пробег по реке — и мы уже в воздухе. Под нами пестрые леса и болота. Вот здесь, на тропе к Томпо, мы вытаскивали лошадей из трясины. Здесь сорок минут возились мы с Пегашкой, который не мог встать.

А сейчас за сорок минут мы подошли уже к горам. Бесконечной стеной тянутся они вправо и влево, до горизонта. Мы летим над ними. Глубокое ущелье Томпо осталось на севере. Если бы мы спустились в него, мы увидали бы зрелище, которое нас поразило бы чрезвычайно: на этой дикой реке на площадке в лесу стоят дома, хорошие «рубленные» «русские» дома культбазы для кочевых эвенов. Больница, школа с интернатом, ветеринарный пункт, зоопункт, кинопередвижка — чего тут только нет! И свой электрический свет. Зайдем в красный уголок. Здесь сидят наши друзья годниканцы, слушают радио, читают книги на эвенском языке. А рядом за домами — посевы, опытный огород, за загородкой бродят куры и даже свиньи — свиньи, которых в этих горах никто никогда не видал!

Проходит всего три-четыре часа, и мы на Индигирке. Можно ли этому поверить? Помните, в 1926 году потребовался почти месяц, чтобы пробраться с Алдана на Индигирку, и сколько для этого надо было потратить сил и людям и лошадям! А сейчас, выехав утром, к полудню мы уже садимся на Индигирке. Зайдем в Оймекон.

Здесь также много нового, и самое важное — это изменение социальных отношений. Нет больше кулаков, нет этого гнезда горных хищников, которые сотни лет сидели в высокой долине среди хребтов, на путях из Якутска на Колыму и на Охотское море, и держали в своей власти всю округу, эксплуатируя бедняков якутов и эвенов, грабя всех, кого только можно. Новая жизнь началась и в Оймеконе, в этом самом глухом и недоступном уголке нашей страны. Из Оймекона на Колыму теперь зимой есть

тракт со сменными оленями, но летом, чтобы не терять времени, мы опять воспользуемся самолетом.

Индигирка, длинная гряда хребта Тас-Кыстабыт, равнины верховьев Неры, — всё те же безлюдные дебри. Но вот среди лесов и гор на Колыме и ее притоках появляется что-то новое: поселки, прииски, лес вырублен, ниточками тянутся дороги.

Это новый богатый золотonosный район, один из первых в Союзе по добыче. Прошло только десять лет, и как здесь все изменилось! Создан новый промышленный район с большим населением, живущий своей особенной жизнью. Но не только техника далеко шагнула вперед — мы видим здесь культурную работу: школы и детские сады, культбазы и опытные поля и огороды.

Из Средникана мы можем выехать в автомобиле по автодороге на берег Охотского моря и через несколько часов быть в новом городе Магадане, у бухты Ногаева. Все это звучит странно: часы вместо месяцев прежнего оленного и лошадиного пути.

Колымский золотonosный район теперь тесно связан с охотским побережьем, а поэтому и административно он выделен из Якутии и подчинен Хабаровску.

Но мы пустимся по нашей старой дороге — вниз по Колыме. Теперь и этот путь можно проделать с большим удобством — на пароходе. Пароходы оглашают своими гудками дикие берега, и медведи теперь уже не так охотно высовывают свои черные носы из тальниковых зарослей, как в наше время. Кое-где замечаем изменения — постройки, вырубленные участки леса. Но самые большие новости ждут нас дальше: культбаза для одулов (юкагиров) на устье Коркодона и новый поселок на устье Ясашной, ниже Верхне-Колымска, — здесь база угольных копей, расположенных в стороне по реке Зырянке.

Средне-Колымск внешне почти не изменился, но если мы поговорим с местными жителями, вышедшими к пароходу, то узнаем, что и здесь много нового и прежде всего — нет больше кулаков, якутские хозяйства объединены в колхозы, скотоводческие и рыболовецкие.

Ниже Средне-Колымска на правом берегу темнота осенней ночи прорезается огнями — это бывшая глухая протока Лабуя превращена в ремонтные мастерские и затон для колымских пароходов. Лабуя уже перегнала по числу жителей Средне-Колымск.

Большие новости ждут нас на побережье Ледовитого

океана. На устье Колымы выросло на месте Амбарчика (прежде действительно одного амбара для груза) большое поселение, а на Медвежьем мысе рядом — полярная станция. Таких станций к востоку и западу от Колымы много, и суда, идущие Северным морским путем, не должны надеяться только на свои силы, как это было десять лет тому назад. Полярные станции сообщают им о погоде и состоянии льда, самолеты летают над морем и выискивают свободные проходы по полыньям, а если льды стеснились и судно не может пробиться, на помощь ему приходит мощный ледокол. Поэтому теперь мы можем даже выбирать, куда нам направиться: на восток — во Владивосток, или на запад — прямо домой.

Если мы пойдем на восток, то на знакомых пустынных и мрачных берегах увидим людей, дома, самолеты.

Мыс Шелагский. Мы видели в 1930 году в тумане его страшные скалы. Теперь здесь полярная станция, а в пятидесяти километрах южнее, в Певеке, — большой поселок горняков, разведывающих олово. Мыс Шмидта. Много домов, школа, полярная станция.

Дальше к востоку — еще несколько станций по побережью, осажденному льдами, и наконец мы выходим в более теплые воды Берингова моря. Зайдемте в глубокую и спокойную гавань бухты Провидения. Здесь, где десять лет назад лежала лишь куча угля, стоит полярная станция.

Сотни лет северо-восток Азии сурово хранил свои тайны и свои богатства. Эта область считалась самой страшной, самой дикой, самой недоступной, и вот под натиском самоотверженных работников Советского государства стены, отделявшие ее, рухнули, и спустя десять лет мы видим, как быстро строится и здесь, на окраине материка Азии, возле Ледовитого океана, удивительное здание социалистического хозяйства.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Куда мы идем?	4
Первые шаги	8
Ищем проводника	12
В неизвестную страну	20
Перевал через Верхоянский хребет	26
По большой реке	30
В Тюбеляхе	36
Где же, наконец, Чыбагалах?	43
В поисках «коровьего вымени»	51
Скорей на юг!	55
На устье Эльги	62
По льду Индигирки	67
Оймеконские дельцы	74
Ноябрь в Оймеконе	79
Обратно через хребет при 60 градусах мороза	82
Хребет Черского	97
На быках	102
На оленях с эвенами	106
Снова в Оймеконе	111
Верхом к истокам Колымы	113
В байдарке через пороги	118
Таскан	126
По новому золотоносному району	129
От Сеймчана до Средне-Колымска	132
В низовьях Колымы	138
Тяжелый путь по легкому тракту	143
В стране юкагиров	150
По следу	155
Без дороги	161
Перевал найден	166
Весна на Омолоне	172
Вниз по Омолону	178
На пароходе среди льдов	187
Современная Якутия	197

МТ 2.

194/ г.
Акт № //
Вкладн. л. _____

Ребята! Напишите нам, понравилась ли вам эта книга. Укажите свой адрес, имя, фамилию и возраст.

Наш адрес: Москва 12, Малый Черкасский пер., д. 1. Детгиздат, Массовый отдел.

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор *Н. Струджюмов*. Худож. редактор *И. Иванов*. Переплет *Л. Литвака*. Карты *С. Прохорова*. Технич. редакторы *М. Кузцова* и *Р. Кравцова*. Корректоры *С. Либова* и *Е. Вильтер*. Сдано в производство 25/VI 1940 г. Подписано к печати 18/X 1940 г. Детгиздат № 2701. Индекс Д-7. Формат 84 X 108^{1/2}. 13 печ. л. (11.75 уч.-изд. л.). 37 600 зн. в печ. л. Тираж 10 000 экз. АЗ1108. Заказ № 1099.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ.
Москва, Сушеvский вал, 49.

В случае обнаружения дефекта просим вернуть экземпляр для обмена по адресу: Москва 18, Сушеvский вал, дом № 49, Фабрика детской книги.
Телефон К 5-08-50.

1958

ЦЕНА 5Р.75К

43325

120
B-3
1.